

О. А. Добнаш-Рождественская
История письма в средние
века

Л. Изд-во АН СССР,

1936

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Институт истории

О. А. Добиаш-Рождественская

ИСТОРИЯ ПИСЬМА В СРЕДНИЕ ВЕКА

РУКОВОДСТВО

К ИЗУЧЕНИЮ ЛАТИНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Май 1936 г. Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания акад. Б. Д. Греков

Технич. редактор К. А. Гранстрем.—Ученый корректор О. Г. Крючевская

Сдано в набор 14 марта 1936 г.—Подписано к печати 31 мая 1936 г.

227 стр. + 7 табл.
Формат бум. 62×94 см.—15¹/₂ п. л.
15,55 уч.-авт. л.—40125 печ. зн. в л.
Легкорлит № 13468 — АНИ № 1139.
Заказ № 661—Тираж 1700.

Типография арт. „Печатня“, Прачечный пер., 6.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание: „История письма. Руководство к изучению латинской палеографии“ выходит вторым после издания 1922 г., ныне разошедшегося.

Через двенадцать лет. Шорох времени отчетливо слышится в грандиозных делах этих замечательных лет. Но интересно, что он смог сказаться и в судьбах настоящей скромной и специальной книги.

Читатель почувствует это, если прочтет то Предисловие, которое предвляло первое издание, и которое мы считаем небезынтересным перепечатать здесь. На „Руководстве латинской палеографии“ не могли не сказаться тогда бурные годы, когда оно предпринималось. „В вихре пробудившихся запросов, — писали мы тогда, — меньше всего надежды встретить интересы, отзывные латинской палеографии...“

На это предостережение, в отношении отсталого, казалось, предприятия мы, однако, тогда же отвечали: „При первом дыхании возрождения интереса к человеческому прошлому, во всей его живой полноте и стремлении изучать его со всей энергией самостоятельной критической мысли, вернется гордое желание отпирать самому его тайники и, стало быть, овладевать необходимыми к тому орудиями“.

Вопреки волновавшим тогда сомнениям (которые только усилили непосредственно за тем следовавшие годы, устранившие университетское преподавание палеографии и существование ее кабинета, недавно только налаженное тогда автором настоящей книги), он решился уже в первом ее издании на ряд оптимистических предсказаний (см. ниже стр. 8). Ныне они оправдываются с такою убедительностью, что с невольным чувством удовлетворения перечитывает он ныне иные строки тогдашнего Предисловия.

„Дыхание возрождения“ в специальной нашей области пришло раньше, чем мы его ждали. Автор не думал дожить до второго издания своей книги.

Быстрый ход общего расцвета в стране, подъем в ней „гуманизма“, с которых пришло возрождение конкретного интереса к прошлому, ставит вновь на очередь потребность в палеографии, в частности в западной. Оно вызывает второе издание книги, ей посвященной.

Какие изменения, усовершенствования может автор ныне в нее внести?

И сейчас не мог бы он утверждать, чтобы осведомленность наша о жизни нашей науки на Западе — стала совершенной (ср. Предисловие 1922 г., стр. 6). Здесь все еще приходится преодолевать немало трудностей, не столько принципиальных, сколько практических, технических, осложняющих желательную „повседневность“ сношений, безусловную взаимную осведомленность.

И все-таки, трудности эти, если не до конца, то в большой степени, преодолены.

Как нашей Государственной Публичной библиотеке (ГПБ), хранящей большинство (в Союзе) ценных западных рукописей, так и АН СССР, где имеется немало первоклассных их образцов, удалось ныне наладить довольно регулярные сношения с западными центрами и работниками рукописного дела. Их, в частности, удалось завязать и автору данной книги. Во всяком случае, ныне мы уже находимся в курсе особенно кардинальных и животрепещущих проблем, разрабатывающихся в западных центрах, и значительнейшие сочинения, вышедшие в последние годы, имеются в наших руках.

Автор считает здесь долгом обратиться со словом искренней благодарности к тем специалистам, маэстро западной палеографии, как E. A. Lowe, E. K. Rand, J. Lesli Jones, P. Lehmann, которые проявляли все эти годы интерес к нашей работе и присылали автору свои труды (см. Библиографию). Особенно глубокой и живой является эта благодарность по отношению к „сениору“ нашей науки, W. M. Lindsay, оказывавшему нашей работе постоянное содействие присылкой книг, ценных коллекций факсимиле и не менее ценных советов и информации.

В связи с этим явилась возможность переработать отделы, посвященные актуальным ныне на Западе проблемам зарождения письма в его ранних мастерских (в движение, совершающееся вокруг этой проблемы, автор имел возможность

внести свою долю работой над ранней мастерской Корби, чьими рукописями гордится наша Государственная Публичная библиотека. Работа ныне — см. нашу библиографию № 49 изда- на АН СССР), вопросам пунктуации, аббревиатур и иным. Далее уточнены параграфы о методе складывания и линования, с их критериями для датировки кодексов в самые темные периоды истории письма, об обычаях постановки сигнатур, интересные в том же смысле; установлены исчерпывающие списки унциалов и полуунциалов Государственной Публичной библиотеки, развита глава о типах мерovingского письма, важная для ценных коллекций этого письма в Государственной Публичной библиотеке.

Труднее было охватить новое в разработке более нового письма. Здесь движение совершается менее интенсивно и скорее спорадически. Основываясь на любопытных наблюдениях последних месяцев над нашими новыми фондами (см. ниже об архивах Бастилии, с их богатыми и трудными разновидностями письма), автор смог расширить соответствующий отдел и серию таблиц, но не мог достаточно опереться на западную литературу.

Отдел таблиц значительно расширен и освежен новыми образцами из советских хранилищ.

Заново перестроена система „библиографии“, в интересах наибольшего удобства учащихся. В установлении системы, в поисках новой библиографии, в фактическом осуществлении аппарата автор отмечает с благодарностью существеннейшую помощь своего бывшего ученика, а ныне товарища, В. В. Бахтина.

Настоящая книга была прочтена в рукописи, — за что автор выражает свою искреннюю признательность, — старейшим маэстро нашей латинской филологии, А. И. Малениным, сделавшим ряд замечаний, особенно ценных для первой — на грани античности — части книги. Последнее же перечитывание и приведение в порядок рукописи автор провел в сотрудничестве с В. В. Бахтиным, чья большая эрудиция по всем затронутым проблемам и свежее четкое внимание делали из него неоценимого помощника в работе.

Автор не может не отметить с благодарностью ту инициативу и поддержку, какую проявил в издании его книги Институт истории Академии Наук СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ 1922 г.

Условия, в каких выходит „Руководство латинской палеографии“, во многих отношениях мало благоприятны для безупречности и успеха книги, ставящей себе цель, подобную данной.

Они мало благоприятны для ее безупречности. На доказательстве этого положения не приходится останавливаться особенно долго. Оно слишком понятно каждому, кто хотя бы отдаленно причастен к историческому исследованию вообще и в особенности — к предметам, подобным тому, какой стоит в заголовке нашей книги. Латинская палеография есть „вспомогательная дисциплина“ медиевиста, — орудие ученого, исследующего латинское средневековье. Эта наука и подсобные к ней и составляющие ее специальности создались, живут и развиваются там, куда слишком долго не имел доступа русский ученый. Скоро уже десять лет, как война и стихии политического гнева разорвали связи, объединявшие исследующую мысль различных народов. В самой Западной Европе взаимное научное осведомление оставляет желать многого.¹ В кругу интересующего нас вопроса — мы не знаем в точности, что происходит ныне со многими знаменитыми, например венскими, фондами латинских библиотек; какие утраты потерпели великие сокровищницы рукописей; в отдельных случаях — за отсутствием надлежащего литературного осведомления — какие новые точки зрения устанавливаются на наш предмет. Возможно, что иные из тех положений, которые мы утверждаем в нашей книге, в настоящее время уже начинают

¹ Автор „Руководства“, имевший год тому назад возможность побывать на короткий срок за границей, не смог, находясь в одной стране, ознакомиться с надлежащей точностью с тем, что происходит в научной жизни других. (Писано в 1922 г.)

получать новый смысл: что собрания mss., которые мы описываем, исчезли с лица земли и выдвинуты из тех библиотек, к которым мы отсылаем читателя. Горечь этих мыслей не раз заставляла перо падать из рук во время писания книги. Даже наш собственный петроградский фонд, — наш единственный в своем роде фонд латинских кодексов Государственной публичной библиотеки долго был недоступен.

Есть и другая сторона дела, которая могла бы заставить отступить перед всем предприятием. Своевременно ли в настоящий момент появление руководства латинской палеографии? Совсем в другом, повидимому, направлении тянет сейчас стихия умственных интересов. Новые (подходящие или имеющие подойти к науке исследования человеческого мира) слои и поколения будут — так, по крайней мере, кажется — искать не того, жить не тем, что интересовало нас. В вихре новых пробудившихся запросов как-будто меньше всего шансов найти интересы, отзвучные „латинской палеографии“. „Руководство“, обреченное быть не всегда точным по оборудованию, является отсталым по заданию. Таким образом, выходит, как-будто, что книге, не являвшейся еще в русской учебной литературе и заполняющей в ней известный пробел, собственно, вовсе не следовало бы являться. Или, по крайней мере, ей следовало бы ждать.

Но до какого времени? Этим вопросом мы для себя отчасти ответили на тот первый, который поставили выше. Если, действительно, в ближайшие годы (а может быть, и больше чем годы) не будет настолько широкого интереса к латинской палеографии, который оправдал бы издание учебной книги, то, очевидно, не так скоро найдется автор, который пожелает написать ее, и тогда на последних, скажем, в данный период друзья нашей науки лежит долг не откладывать ее написания. Если же интерес к ней начнет возрождаться, то его культивирование будет поддержано существованием русской учебной книги. При всех ее несовершенствах, она не может не быть в помощь тем, кто возобновит исследование нашей и соседних к ней наук как ученый; ее преподавание — как учитель; кто, наконец, почувствует в ней нужду как ученик. Что это неизбежно наступит, в это мы верим так же твердо, как в то, что наука вообще не замрет, но расцветет новой жизнью в нашей стране.

Потому что есть пути и темы, к которым, после короткого равнодушия и забвения, человеческая любознательность и мысль возвращаются неизбежно. Во всякой науке имеются схоластические, нежизнеспособные части, которые, продержавшись, благодаря действию моды или общественных предрассудков, отмирают навсегда. Но такая наука, как латинская палеография — орудие к дешифрированию важной части источников прошлого, слишком практически необходимая и полная жизни (при ее видимой сухости и далекости от жизни) наука, чтобы ей грозило что-либо худшее, нежели временное равнодушие. При первом дыхании возрождения интереса к человеческому прошлому во всей его живой полноте и стремлении изучать его со всей энергией самостоятельной и критической мысли (только в этих условиях подобное изучение может быть интересным и плодотворным) вернется гордое желание, не довольствуясь знаниями об этом прошлом, которые получаются из чужих рук, отпирать самому его тайники и, стало быть, овладевать необходимыми к тому орудиями. Едва только потрясенное и сдвинутое со старых устоев общество построит свой новый дом и разрешит жгучие вопросы, поставленные настоящим, оно вновь будет искать тех высоких и суровых радостей познания, которые для избранников мысли — новое общество даст их больше, чем давало старое, — важнее хлеба насущного.

Мы думаем больше того. Как практическая дисциплина, один из ключей, отмыкающих прошлое, путь к самостоятельному его познанию, палеография имеет право на существование в школе, которая хочет гордиться именем трудовой. Как наука — история развития письма, — она является „одной из самых деликатных частей истории культуры“, историей победоносного человеческого усилия руки и мысли. Наконец, о ней было справедливо сказано, что это „мужественная дисциплина, потому что она родилась в борьбе“ (Л. Траубе).

В итоге — пусть многое смущало и останавливало нас в писании и опубликовании нашей книги: — то, что подымало и двигало, оказалось сильнее. Как бы ни угнетала мысль, что „с окончательным открытием границ“ многие детали в ней окажутся неточными — все же это, очевидно, будут только детали. С другой стороны, как бы ни казалась чужой теме этой книги стихия современных интересов, — это положение

преходящее. Книга найдет благоприятную ей среду, если не сегодня, то завтра. Мы не можем упрекать себя, что спешим с ее опубликованием. Люди слишком быстро проходят в наши дни. Книги остаются. При всех ее несовершенствах книга принесет свою долю пользы, тем более, что слишком мало надежды, чтобы она была написана другим. Мы видим для себя в ее осуществлении, при котором пришлось подавить немало ощущений, тяжелых для добросовестного ученого, наш долг.

Несколько замечаний по поводу самой книги. Ученой критике, если таковая займется нашей книгой, предстоит указать на ее пробелы и недостатки, а также и на то, что в материале и постановке отличает ее от существующих иностранных руководств. Мы стремились, в смысле материала, основывать ее, по возможности, на петроградском латинском фонде. В смысле построения, мы стремились связывать историю латинской графии с историей средневековой культуры. В этом мы видим известную особенность нашей книги. Беспристрастный критик скажет, насколько мы сумели выполнить поставленную задачу.

23 июня 1922.

БИБЛИОГРАФИЯ

Из обширной общей литературы предмета мы указываем здесь, имея в виду учебный характер книги, только главнейшее. Специальная (разумеется, также в строгом выборе) литература будет указываться перед соответствующими главами. Более детальные библиографические сведения читатель всегда может получить в указываемых нами пособиях, прежде всего у Prou. В следующем ниже списке, рядом с приводимым трудом, мы ставим сокращенное обозначение, которым будем пользоваться в дальнейших цитатах, если на данный труд придется сослаться неоднократно, в тексте и в библиографиях специальных.

По всем вопросам, связанным с латинской палеографией (в том числе общая история письма, материал и орудия, форма книги, миниатюры, история библиотек и т. п.), для первоначальной ориентировки в настоящее время должны служить приводимые ниже издания:

1. Handbuch der Bibliothekwissenschaft hrsg. v. F. Milkau, Bd. I. Schrift u. Buch. Leipzig, 1931. Milkau, Handbuch.
2. Traube, L. Vorlesungen und Abhandlungen hrsg. von F. Boll, Bd. I—III, München, 1909—1920. Traube, Vori.
3. Wattenbach, W. Das Schriftwesen im Mittelalter. 3 Aufl. Leipzig, 1896. Wattenbach.
4. Clark, J. W. The cars of books. Cambridge, 1901.
5. Schramm, A. Schreib- und Buchwesen einst und jetzt. Leipzig, 1922.
6. Loeffler, K. Einführung in die Handschriftenkunde. Leipzig, 1929.
7. Prou, M. Manuel de paléographie latine et française. 4-me éd. refondue avec la collaboration de Alain de Boüard. Paris, 1924. Prou.
8. Wattenbach, W. Anleitung zur lateinischen Palaeographie. 4. Aufl. Leipzig, 1886.
9. Mentz, A. Geschichte der griechisch-römischen Schrift bis zur Erfindung des Buchdrucks mit bewegl. Lettern. Leipzig, 1920.
10. Bretholz, B. Lateinische Palaeographie. Grundriss der Geschichtswissenschaft, hrsg. von Aloys Meiner, Bd. I, Abt. 1², Leipzig u. Berlin, 1912.
11. Lehmann, P. Lateinische Palaeographie (Einleitung in die Altertumswissenschaft von A. Gerke u. E. Norden. Bd. I, H. 10). Leipzig u. Berlin, 1915 (до VII в.).
12. Paoli, C. Programma di paleografia latina e di diplomatica. 3 ed. Firenze, 1901—1913. Есть немецкий перевод К. Lohmeyer'a.
13. Barone, N. Paleografia latina, diplomatica e porzioni di scienze ausiliarie Manuale ad uso delle scienze universitarie. 2 ed. Napoli, 1923.

14. Schiaparelli, L. La scrittura latina nell'eta romana (Note Paleografiche). Avviamento allo studio della scrittura latina nel medio evo в серии Auxilia ad res italicas medii aevi exquirendas in usum scholarum instructa et collecta. N. 1.
15. Thompson, E. M. An Introduction to latin and greek paleography. 3 ed. Cambridge. London, 1912,
16. Sandys, J. E. Latin Paleography. A companion to latin studies. 1912.
17. Bresslau, H. Handbuch der Urkundenlehre für Italien und Deutschland. 2. Aufl. Leipzig, 1912—1931.
18. Erben, W. u. Redlich, O. Urkundenlehre (Handbuch der mittelalterlichen u. neueren Geschichte hrsg. von Belov u. Meinecke). München, 1907—1910.
19. Giry, A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894. Новое тиснение 1925.
20. Bouard, A. de. Manuel de diplomatique française et pontificale. I. Paris, 1929.
21. Steffens, F. Lateinische Palaeographie. Hundert Tafeln in Lichtdruck mit gegenüberstehenden Transcription nebst Erläuterungen und einer systematischen Darstellung der Entwicklung der lateinischen Schrift. Freiburg, 1903. Neueste Aufl., 1929. Французское изд. par René Coulon O. P. Paris, 1907—1909. Мы всюду ссылаемся на это последнее. Steffens.
22. Idem. Proben aus Handschriften lateinischer Schriftsteller. 18 Tafeln in Lichtdruck zur ersten Einführung in die Palaeographie für Philologen und Historiker. Trier s. a.
23. Prou, M. Recueil de fac-similés d'écritures du V à XVII-me siècle (manuscrits latins, français et provençaux) accompagnés de transcriptions. Paris, 1904.
24. Arndt, W. Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie, H. I—II. Aufl. von M. Tangl. Berlin, 1904—1906, H. III, hrsg. von M. Tangl. 2. Aufl. Berlin, 1907.
25. Ihm, M. Palaeographia latina. Exempla codicum latinorum phototypicè expressa scholarum maxime in usum. Lipsiae, 1909.
26. Monaci, E. Ezempi di scrittura latina del secolo I dell'era moderna ae XVIII. Roma, 1906.
27. Degering, H. Die Schrift. Atlas der Schriftformen des Abendlandes von Altertum bis zum XVIII Jh. L'écriture en Occident. Paris, 1929.
28. Bastard, A. de. Peintures et ornements des manuscrits classés dans un ordre chronologique pour servir à l'histoire des arts du dessin depuis le IV siècle de l'ère chrétienne jusqu'à la fin du XVI siècle Paris, 1832—1869.
29. Silvestre, J. B. Paléographie universelle. Collection de fac-similés d'écritures de tous les peuples et de tous les temps. Paris, 1841, 4 vol.
30. Chroust, A. Monumenta palaeographica. Denkmäler der Schreibkunst des Mittelalters. München, 1899—1917, 6 Bd.
31. Monaci, E. Archivio Paleografico italiano. Roma, 1881, 10 vol. Не закончено. Описание таблиц в параллельном издании Bolletino dell' Archivio paleografico italiano, 1908.
32. Bond, E. A. Thompson, E. M. a. Werner, G. F. The Palaeographical Society. Facsimiles of Manuscripts and inscriptions. London,

- 1873—1901. 5 vol. Продолжение Thompson, E. M., Werner, G. K., Kenyon, F. G. a. Gilson, I. P. The New Palaeographical Society. London, вых. с 1903.
33. Karabacek, J. u. Beer, R. Monumenta palaeographica Vindobonensia. Denkmäler der Schreibkunst aus der Handschriftensammlung des Habsburg-Lothring. Erzhaus, Leipzig, 1900—1913.
34. Ehrle, F. et Liebaert, P. Specimina codicum latinorum Vaticanorum. Bonn, 1912.
35. Staerk, A. Les manuscrits latins du V au XIII siècle conservés à la Bibliothèque impériale de St-Pétersbourg. St-Pétersbourg, 1910. Staerk. Альбомы, посвященные какой-нибудь одной специальной теме:
36. Châtelain, E. Paléographie des classiques latins. Paris, 1884—1900.
37. Codices graeci et latini photographice depicti duce C. N. du Rieu et de Vries. Lugduni Batavorum, 1897.
38. Codices e vaticanis selecti photographice expressi (etc) opere curatorum Bibliothecae Vaticanae Series maior Mediolani, 1899 sqq. Series minor, 1900 sqq.
39. Reproductions de manuscrits et miniatures de la Bibliothèque Nationale, publiées sous la direction et avec notices de H. Omont. Paris, 1905, 1906.
40. Lindsay, W. M. Notae latinae. An account of abbreviation in latin MSS of the early minuscule period. Cambridge, 1915.
41. Palaeographia latina edited by W. M. Lindsay
Ежегодные библиографические и специальные обзоры:
42. International Bibliography of historical sciences. Berlin—Paris—London—Roma, 1926.
43. Jahresberichte für deutsche Geschichte hrsg. von A. Brackmann u. F. H. Hartung. Leipzig, с 1925 года.
44. Zentralblatt für Bibliothekwesen. ZBW.
45. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde NA.
46. Bibliothèque de l'École des chartes. BECh.
47. Revue de l'histoire ecclésiastique. RHE.
48. Dobiaš-Roždestvenskaïa Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque Publique de Leningrad. Fasc. I (V—VII siècles). Leningrad, 1929. Fasc. II (VII—IX ss) Fasc. III (IX—XI sqq). Последние два приготовлены к печати. Dobiaš, Catalogue.
49. Eadem: Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 a 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad. Dobiaš, Corbie.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA SS Acta Sanctorum.	Dobiaš, Corbie № 46.
Arndt № 24.	Giry № 19.
ASI Archivio storico Italiano.	Lindsay № 40.
AUF Archiv für Urkundenforschung.	MG Monumenta Germaniae Historica.
BECh Bibliothèque de l'École des Chartes.	Milkau № 1.
Dobiaš, Catalogue № 45.	NA. Neues Archiv № 45.

—
MIOG Mitteilungen des Instituts
für oester. Geschichtsforschung.
MPI. Migne, Patrologia Latina.
Prou № 7.
SS Scriptores.
SB Sitzungsberichte.
Staerk № 21.

Steffens № 35.
Traube Vorl. № 2.
Wattenbach № 3.
ZBW № 44.
Zimmermann H. Zimmermann. Die
vorkarolingische Miniaturen.
Berlin, 1916.

ВВЕДЕНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПАЛЕОГРАФИИ

„Палеография — мужественная дисциплина, она родилась в борьбе...“¹

За палеографией обыкновенно отрицают имя науки и называют ее, как бы в отличие от последней, „дисциплиной“, притом „вспомогательной“ по отношению к истории.

Мы не будем поднимать вопрос об иерархии наук, в особенности, во введении к настоящей книге. Самая книга должна выяснить, в какой мере данная область изучения имеет свои самостоятельные проблемы и своеобразный материал. Во всяком случае она должна показать, как и почему глубина и жизненность этих проблем, заняв мысль целых ученых поколений, вызвала их на борьбу и дала палеографии право на эпитет бодрой, „мужественной дисциплины“.

Нас прежде всего интересует, в каком отношении стоит она к истории, т. е. к изучению прошлого; на какой стадии исследования она вступает в такое отношение, в качестве ли „вспомогательной“ или, может быть, и точнее — составляющей. Известно,² что историк, в противоположность математику, с одной стороны, и натуралисту, с другой, — никогда не имеет своего объекта ни всецело в мысли, ни в какой бы то ни было мере — в восприятии. Этот объект, прошлое, в силу самого своего определения, отошло и не находится перед нашими глазами. Мы восстанавливаем его в воображении по тому следу, который оно оставило. Самый след, если это так наз. „говорящий“ памятник, т. е. текст, несколько не похож на тот факт прошлого, который отра-

¹ „Die Paläographie ist eine mutige Disziplin. Sie ist im Streite geboren“
T r a u b e, p. 3.

² Мы имеем ввиду очень популярную в свое время статью: Ch. Seignobos. Les conditions psychologiques de la connaissance en histoire. *Revue philos.*, II, 1887.

жаст. Между ним и прошлым прошел сложный психический процесс переживания факта автором текста; он вылился в словесное выражение на том или другом определенном языке, воплотился в систему определенных знаков на определенном материале. В результате получается идущий из прошлого, сам как бы составляющий его часть, материальный факт письменного памятника, который есть звено между прошлым и будущим. При помощи двух процессов психического характера (Seignobos, op. cit.) „он связывает мир минувшего, в котором жил его автор, с миром настоящего, в котором живет историк“.

Исходя отсюда, мы не должны ни преувеличивать, ни преуменьшать значение письменного памятника. „История“ восстанавливается из него путем сложных операций, но сам он, собственно, есть единственный, непосредственно воспринимаемый, подлинный ее „объект“.

Из этих сложных операций, в которые входят: оценка правдивости автора текста, его тенденциозности, осведомленности (высшая историческая критика) и приемов его стиля (стилистика), далее анализ языка (филология), анализ особых, свойственных данному типу памятников, канцелярских и дипломатических формул (дипломатика)—самой ближайшей и, повидимому, самой внешней, самой как-будто простой и самой точной, представляющей наибольшее сродство с методами естественно-научного или художественно-технического испытания, является, оценка самого материала памятника и начертания:—определение первого, дешифровка второго.

Здесь подлинный „факт“ всегда налицо, чтобы поддержать или опровергнуть гипотезу. Здесь, перед лицом этого подлинного факта, ключа в мир прошлого, развернулась яркая диалектика жизни палеографии, возникли многочисленные споры о ее значении, сталкивались, взаимно углубляя, проверяя и оттачивая друг друга, различные системы. В результате создалась очень стройная, убедительная и продуманная система—„наука“ или „дисциплина“—это, в сущности, спор о словах, вспомогательная в известном смысле и своеобразно-самостоятельная в другом.

Ее имя „палеографии“, „древлеписания“ характеризует ее, как науку о „древнем“—во всяком случае, ограничивае-

мом обычно датой изобретения книгопечатания — письме. Принципиально и практически, изучение письма нового есть приложение того же метода к материалу, довольно мало отличному. Он представляется только (иногда притом по первому лишь впечатлению) более индивидуальным и потому менее закономерным, а также (наблюдение далеко не верное и вызванное близостью к нашему восприятию языка и содержания текста) более „легким“. За предметом изложения нашей книги мы сохраняем, во всяком случае, его традиционное имя палеографии. Делаем мы это как потому, что наиболее ценные и систематизированные наблюдения сделаны были и возведены в науку на письме „старом“, так и потому, что естественно, именно на этом основании, мы сами посвятим ему более всего времени и внимания. Во всяком случае письмо новое мы будем иметь в виду везде, где это нужно и возможно в данной книге.

С началом нынешнего века нашей науке было дано более строгое и полное определение (Граубе, цит. соч., стр. 3 сл.).

Палеография — это комбинация знаний, представлений и методов, которые дают возможность:

- 1) безошибочно читать старое письмо,
- 2) устанавливать его время и происхождение,
- 3) понимать и устранять ошибки, вкравшиеся в текст и утвердившиеся преданием.

Такое описание при своей краткости богато содержанием. Давая место чисто-практическому смыслу „вспомогательной дисциплины“ („безошибочно читать старое письмо“), оно подчеркивает далее ее назначение „устанавливать время и происхождение“, в основе которого лежит теория развития письма, чисто-научный элемент данной „комбинации знаний и методов“; один из „деликатнейших отделов истории культуры“ и часть истории, — а не только вспомогательная к ней техника.

Вся совокупность древнего — как и нового — письма должна была бы, говоря строго, стать областью палеографии: внешняя сторона всякого древнего и нового текста, на чем бы ни был он начертан — на камне или металле, дереве или кости, глине или воске, коже или пергамене, шпирусе или бумаге. Надписи, inscriptiones, как и рукописи, manuscripta в собственном смысле — объект палеографии.

II, однако, как замечает Л. Траубе (там же, стр. 3), палеограф не скажет и настоящее время пылливому духу читателя или ученика, как некогда Фауст Мефистофелю: „Was willst du, dunkler Geist, von mir? Erz, Marmor, Pergamen, Papier?“ — „Что хочешь ты от меня, темный дух? Медь, мрамор, пергамен или бумагу?“ В этой, слишком богатой содержанием, книге культуры он отвел от себя ее первые каменные страницы.

Надписи на твердом материале в известных формах не только „дожили“ до наших дней: на стенах наших зданий гравированы и отливаются надписи, говорящие о назначении сооружения; на могилах, монументах, памятных досках — имена и заметки о памятных событиях; на зеркалах — как было у нас при старом режиме — отрывки из законов; на колоколах, кольцах и медалях — девизы. В последнее время мы присутствуем при новом возрождении эпиграфических тенденций. Не только в нашей стране, где полноценная общественная жизнь развернулась особенно ярко и бурно, но и на Западе вновь пробивает пути этот могучий, исполинского размаха язык, язык „всенародности“. Все более широкое место в массовой жизни захватывают речь вывесок, лозунги щитов, плакатов и знамен, обращения движущихся колесниц и триумфальных арок, вещания стен, колонн и трибун, летательных аппаратов и световых реклам. И все же, как ни богато сокровище наших современных inscriptions, они, как исторические памятники для познания современности, — незначительны перед нашими библиотеками и архивами. Почти все, что в настоящее время где-либо начертано, — предварительно, а также и повторительно, где-либо написано или напечатано. Историк современности не имеет мотивов „дешифрировать“ и даже счерчивать наши монументальные надписи.

Меньший интерес сравнительно с античными представляют они и для историка материальной культуры и художникатехника. Самые формы букв не создаются ныне оригинально для каменных и металлических памятников. На них переносятся формы, создавшиеся на бумаге. В смысле алфавитного творчества — *histoire abecédaire*, — современные inscriptions (кроме небывалых размеров) не дают почти ничего своеобразно-нового.

С другой стороны, понятие, нацеленное на всем общем сходстве, своеобразно-ным было продолжение надписи в древности. Тогда

письмо создавалось впервые на твердом материале; жило и развивалось на нем и для него. Есть целые эпохи цивилизации, которые или не знали иного письма, кроме монументального, или не сохранили памятников этого иного письма. Для таких эпох изучение надписей, эпиграфика, получает настолько важное, преобладающее значение, что, естественно, — в связи с изучением совершенно особых, отразившихся в ее памятниках культурных миров, — она выделилась в особую дисциплину, объединившую особую группу специалистов.

В нашем изложении мы коснемся монументального письма, лишь как исходной точки развития письма вообще.

За выделением эпиграфики, с именем палеографии стало соединяться представление только о памятниках на мягком материале: коже, папирусе, пергамене, бумаге, и т. п.; другими словами — о свитке и книге.

Уже эта область огромна и богата содержанием, включая значительную часть классической античности, все средневековье и протягиваясь, рядом с произведениями печатного станка, далеко в новое время.

А.

МАТЕРИАЛ ПИСЬМА

I. ВОПРОС О ТВЕРДОМ И ПОЛУТВЕРДОМ МАТЕРИАЛЕ

а) Надписи в средние века

Библиография. Новая специальная работа P. Deschamps. *Étude sur la paléographie des inscriptions lapidaires de la fin de l'époque mérovingienne aux dernières années du XII siècle.* Paris, 1929.—Из более старых: F. Guillermy et Lasteyrie. *Inscriptions de la France du V au XVIII siècle.* Paris, 1873—1885, 5 vol.—E. de la Blant. *Nouveau recueil des inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VIII siècle.* Paris, 1892.—A. Deloye. *Les chartes lapidaires en France.* BECh III 31 sqq. Для Ирландии: G. Petrie a. M. Stokes. *Christian Inscriptions in the Irish language.* Dublin, 1872; 1878—H. Gaidoz. *Notice sur les inscriptions latines de l'Irlande.* Paris, 1878.

Выделив, по указанным выше причинам, вопрос о надписях в новое время, с одной стороны, а с другой, в древности, мы находим правильным дать здесь хотя бы самые общие представления об эпиграфике средневековой. Она не заслужила выделения в особую науку, быть может потому, что занимала во всех отношениях срединное положение между античной и новой и оказалась в тени своей слишком блестящей старшей соседки. И, однако, не имея для своей эпохи — сравнительно с рукописными текстами — такого значения, как античные *inscriptiones*, каменные тексты средневековья представляют известное своеобразие и не дублируют только, — в качестве ли оригиналов или списков, — „палеографических“ и тем меньше, конечно, печатных текстов эпохи.

Их изучение только начинается. Впервые исторический конгресс, собравшийся в 1903 г. в Париже, в данной им местным обществом программе археологического изучения Франции, настойчиво рекомендует списывание, срисовывание и фотографирование ее надписей, — работа, в результате

которой уже появились ценные труды по изучению французских надписей V — XVIII вв. Аналогичная работа началась и в других странах. Следующие предметы и области представляют в ней особенный интерес.

Надписи на гробницах, в особенности ранних христианских, по содержанию и технике, являются прямым продолжением эпиграфики подземных христианских некрополей: римских катакомб и подземных кладбищ французских (южных, большей частью) городов. Если с внутренней стороны в них отразился мир ранних христианских представлений, то в форме их начертаний, в способах привычных сокращений обнаруживается любопытная борьба между типично-монументальными формами букв (и аббревиатур) и начертаниями, уже слагающимися под влиянием „мягких“ линий пергаменного письма. Средневековому эпиграфисту, счерчивающему могильные надписи с порталов, гробниц, стел, с стоячих памятников, камней, с церковных стен и церковных плит, под которыми погребены мертвые, также приходится наблюдать, как, чем дальше, тем заметнее резец и молоток подчиняются форме рукописной буквы, чтобы, наконец, подражать форме буквы печатной.

Литые надписи на колоколах, с их богатыми содержанием девизами, дают очень интересные формы монументального, но также и смешанного письма.

Надписи на домах, щитах и гербах, подписи к фрескам выводятся кистью и подражают рукописному стилю.

То же можно сказать о гравированных надписях на талисманах, печатях, медалях, кольцах и запястьях, на коронах и сосудах, о вышитых золотом и шелками изречениях знамен, хоругвей и одежд, выжженных надписях готических окон и стеклянной посуды.

Это наблюдение в особенности относится к свинцовым пластинкам, во множестве находимым в гробницах средневековья, как и классической древности, и покрытых не только в унциале, но и прямо в курсиве молитвами, псалмами, заминаниями против злых духов, иногда с простым обозначением имени погребенного. Оттон Фрейзингенский (*Chronicon* VII 20. См. MG SS XX) упоминает о подобной пластинке, положенной в гробницу императора Лотара Саксонского.¹

¹ Wattenbach, 49, можно найти много аналогичных примеров.

Пластинки, находимые в гробницах с реликвиями, в огромном числе случаев, однако, не современны погребению, и в этом смысле вводят в заблуждение. Письмо большинства этих свинцовых заклинаний и молитв — обычное рукописное письмо своего века и совершенно лишено монументального характера „надписей“.

Весь этот говорящий мир средневековых *inscriptiones*, — столь любопытный для историка по своему содержанию, — для палеографа свидетельствует об одном: что, за немногими исключениями, человек, державший кисть, молоток, резец или иглу, давно подчинился человеку, державшему в руке перо, и шел за ним в форме, как и содержании.

Но если, нанося текст на камень и металл, гравер VI—XIII вв. большею частью не искал новых, сравнительно с рукописными, алфавитных образов, и, палеографически и технически, акт не являлся творческим, то и значение его в атмосфере жизни феодального общества было существенно иным, сравнительно с демократической античностью. Подобно своему предшественнику, конечно, и средневековой человек стремился все значительное вверять твердому материалу, чтобы иметь возможность сослаться на каменные и металлические тексты. Зная непрочность своих папирусных и пергаменных архивов, он подчас вырезал и гравировал не только исторически-памятные, сакральные и литургические тексты, но и документы: акты юридического характера. Но, не говоря уже о редкости таких памятников, далеко не тем, что в древности, была средневековая надпись по всему своему смыслу и окружению. Если исключить надгробные надписи, то собственно очень долго только барон, светский и духовный, имел право и основание вещать — в надписи — безгласной аудитории, с высоты, большею частью, церковной паперти, со створок порталов, единственного места, где можно было рассчитывать найти публику.

История средневековых дарений, привилегий и договоров дает несколько любопытных примеров такого закрепления (см. Deloy, 31). Они особенно характерны для эпохи неустойчивого быта IX—XII вв., когда архив особенно часто подвергался опасности пожара и разграбления, и для таких отношений, в которые вовлечены целые группы или многие поколения лиц, не могущих рассчитывать на копию для

каждого заинтересованного лица. Дарственная запись Пипина Короткого Сен-жерменскому аббатству на землю Палезо высечена на мраморном цилиндре под знаком якоря с крестом. Бронзовая „хартия“, выгравированная в конце XI в. на левом столбе главного портала орлеанской церкви св. креста от имени епископа орлеанского Иоанна, дает свободу рабу Летберту, *teste hac sancta ecclesia*. В городе Блуа трое входных ворот несли на своих бронзовых створках договор графа Этьена и его супруги Адели с горожанами Блуа, обязывавшимися обнести стеной замок и за то получившими в свою пользу винный сбор (*ante 1102*). В конце XI в. монтекассинский аббат Дезидерий велел вырезать на бронзовых дверях обители перечень ее имущества, а буквы заполнить серебром (там же). Мотивы тех, кто находил полезным воплощать в бронзу и мрамор свои обещания, договоры и права, высказаны в торжественном вступлении к привилегии, которую в 1119 г. даровал император Генрих V шпейерцам, повелев выгравировать ее на главном портале собора: „Эта привилегия, в прочном материале воплощенная, — да пребудет; в золотых письменах отлитая, — да красуется; образа нашего приложением утвержденная, — да воспримет силу; на фронтоне храма выставлена, — да возвестится всем“.

Hoc insigne, stabili ex materia, ut maneat, compositum;
Litteris aureis, ut deceat, expolitur;
Nostrae imaginis interpositione, ut vigeat, corroboratum,
In ipsius templi fronte, ut pateat... expositum¹

Характер публичных надписей начинает изменяться и число их множиться с расцветом городской жизни и отношений, характеризующихся большей свободой и общественной инициативой.

б) Восковые таблички (церы)

Библиография. Для этой и двух последующих глав (папирус и пергамен), поскольку они касаются античности: Birt. Das antike Buchwesen in seinem Verhältniss zur Litteratur. Berlin, 1882.—Idem. Die Buchrolle in der Kunst. Leipzig, 1907.—Idem. Kritik und Hermeneutik nebst Abriss des antiken Buchwesens. Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft v. Ivan Müller. Bd. 1, 3 Aufl., München, 1913.—K. Dziatko. Untersuchungen über lausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens. Leipzig, 1900.—W. Schubart.

¹ Wattenbach, 46.

Das Buch bei den Griechen und Römern. Berlin, 1907. — F. Kuhn. Antiken Schreibgerät, Berlin, 1923.

Античные восковые таблички изданы: дакийские в *Corpus Inscriptionum Latinarum*, III, Suppl. 2; помпейские там же, IV, Suppl. 1. Здесь же упомята литература. — Дакийские таблички впервые расшифровал Н. Г. Мальяшани *Libellus aurarius sive Tabulae ceratae et antiquissimae unicae Romanae Lipsiae*, 1840. — О помпейских табличках см. там же, Th. Моммсен. Die pompeianische Quittungstafel des L. Caecilius Jucundus. *Hermes* XII.

Об употреблении табличек в Средние века см. W. Wattenbach, S. 55 sqq.

Если свинцовая пластинка, согласно точному значению своему, представляющая материал эпиграфики, однако, в виду характера покрывающего ее начертания, стоит в самом тесном родстве с материалом палеографии, — то же, еще в большей степени, можно сказать о другом, твердом или скорее переходном материале: восковой табличке. Восковая табличка, исчерченный записями вошечек, — *cera, ceraculum, tabula, tabella, cedicillus*, — встречается нас на исходе античности, пройдет через все средневековье, преимущественно в роли материала для быстрых, преходящего значения записей. С этим значением связан характер покрывающего цера начертания. Расшифровка античных цер явилась одним из самых замечательных подвигов науки палеографии (см. ниже стр. 78), тем более трудным и славным, что исследователь имел налицо очень мало образцов. Их дали ему две группы находок. Одна, *tabulae dacicae*, представляет клад табличек, случайно выгребавшихся время от времени, в период 1786—1855 гг., в золотых рудниках одного из местечек Семиградья, *Vöröspatak*, прежней римской колонии *Alburnus Maior*, и относится, как показывают имеющиеся на табличках даты, к II и III вв. н. э. Другая открыта была в 1875 г. в домике банкира Цецилия Юкунда в Помпеях и относится к середине I в. н. э.¹ Замечательно, что обе группы, временно и пространственно так далеко отстоящие одна от другой, являют полную внешнюю аналогию. Здесь, как и там, цера представляется почти квадратной дощечкой размера 9×11 см, выскобленной посредине. Она обрамлена оставленной по четырем краям ее узкой каемкой. В двух или трех углах пробивалась дырочка для шнурка, которым одна

¹ Изданы в *CIL*, III, p. 936 sqq. Z a n g e m e i s t e r'ом под ред. Моммсена. Впервые курсив их прочтен был Massman'ом в 1840 г. См. Massman, *Libellus aurarius*, etc.

табличка скреплялась с другой, или со многими, образуя целые книжечки — *codices* — либо небольшие пачки: диптихи (*diptycha, diplices*), триптихи (*triptycha, triplices*) и полиптихи. На среднее углубленное квадратное поле наведен, в уровень с каймой, тонкий слой воска: на нем, заостренной с одной и закругленной с другой стороны, стальной палочкой, — стилем (*stilus*) — начертывался текст. Он всегда бывал текстом преходящего значения: цера употреблялась для краткосрочных квитанций и счетов, служила в качестве черновика; наконец, она служила целям школьных упражнений и интимных писем. Одна и та же табличка не раз странствовала взад и вперед между двумя корреспондентами: прочтя письмо, начертанное на одной ее стороне, адресат писал ответ на другой. Получивший его заглаживал воск закругленным концом стила и писал вторично на том же поле. Так, многократно обменялись одной и той же дешевой табличкой, „на простом буксе с грязным воском“, Проперций и его возлюбленная, пока случайная пропажа таблички не прервала диалога, наводя Проперция (Элегии III 18) на грустные размышления о скряге, которому в руки могла попасть потерянная табличка и который, может быть, пишет теперь свои счета на любовных письмах поэта.

Описанная выше техника писания на восковой табличке давала возможность легко изменять, исправлять текст, заглаживая написанное обратным концом стила. Откуда выражение *saepe stilum verte* — „почаще оборачивай стиль“ — получило смысл совета почаще исправлять написанное.¹

Древность знала еще один вид табличек, гораздо более изящных и дорогих. Это были двустворчатые книги из слоновой кости, в виду их происхождения из греческого мира, сохранившие имя диптихов — *libri elephantini*.² Наружная сторона „слоновой книги“ покрывалась резным орнаментом; на внутреннюю наводился слой воска, в более же позднюю эпоху наклеивался лист пергамента, и чертился текст. Они давались римским консулам при вступлении в должность. Обычай диптихов сохранился в христианской церкви, любившей выставлять на своих алтарях „слоновые книги“ с именами благоде-

¹ См. Wattenbach, 50 ff.

² См. Ducange, „Glossarium“ под слов. *diptica*.

телей: епископов и аббатов. Известно, как дорожили папы иносением их имен в диптихи церкви иерусалимской.

Еще прочнее сохранялось, широко распространяясь в латинском средневековье, употребление простых деревянных вощечков, обтянутых иногда снаружи, ради сохранности, кожей. Частная переписка совершалась преимущественно на них, и Августину Гиппонскому (V в.), вздумавшему написать письмо другу на пергамене, приходится объяснять это исключительное обстоятельство тем, что „имеющиеся у него таблички он отправил с письмом к дяде“ адресата (Ер. XV MPL XXXIII 81).¹ Иларий Арльский в памятном слове о Гонорате Леренском замечает, что святой обычно писал другу Евхерию на табличках, покрытых воском (AA SS Iuni II 20). Устав св. Бенедикта, предписывающий молодому монаху никогда не расставаться с табличкой и стилем (*graphium et tabulae*), был одним из самых важных факторов их распространения. „Клирик! точно подругу держи у бедра твоего табличку“, — перефразирует этот устав Боэций (*De disciplina scholarium* с. 4). „Не отбрасывай от бедра табличку, школьник“, — повторяет пять веков спустя Аббон Флерийский (*De bellis parisiacae urbis* MG SS II 802). *Graphium et tabulae* — это такой же атрибут средневековых школьников, как в прошлом веке аспидная доска и грифель, а в последнее время — тетрадка и карандаш. „Блаженными диктиконосцами“ называет школьников одно шутовское стихотворение. На восковой табличке славный паломник VII в. Аркульф, по рассказу его секретаря Адамнана, „чертил ему план гроба господня и церкви, воздвигнутой над ним“. Сам же Адамнан сперва наскоро заносил итинерарий учителя на восковые таблички, чтобы затем, приведя в порядок свои заметки, дать им связное изложение на пергамене (*Itinera Hierosolimitana* CSEL XXXIX 227). В легендах об ирландских святых ангелы спускаются с неба с церакулами в руках, чтобы обучать неведущего тайну грамоты святого (AA SS Aug. III 743). На восковых табличках упражнял свою неопытную, привыкшую размахивать мечом, руку Карл Великий (*Einhardi Vita Caroli Magni*, с. 25). Забавный анекдот рассказывает о св. Ансельме его житие. Чорт, который вздумал подшутить над ученым епископом, разбросав однажды ночью

¹ См. ссылки Wattenbach, 82.

его таблички и рассыпав воск, был посрамлен: воск сам собою собрался и в порядке расположился в деревянной рамке.¹ Из одного места жития Одона Ключийского ясно, что обычным типом вощечка в средние века был диптих, — двустворчатая книжечка, „дощечки которой связаны так, чтобы могли открываться, не разъединяясь, и школьники для писания клали их на правую ляжку“ (Vita Odonis Clun. I 14). Самое имя диптих, выродившись фонетически в латинском языке в „диктику“ (diptycha — dictica), наводило на очень естественное объяснение, что дощечка служит для записи „диктата“.¹

В Париже XIII в., как видно из статутів Этьена Буало, существовал целый цех мастеров восковых дощечек (tables à écrire), обязывавшихся употреблять для своего деликатного мастерства „чистый воск, не смешанный с салом, и наводить его на изящные доски“ из бука, дуба, букса, красного дерева, кедра, эбена, кипариса, рога и слоновой кости (Etienne Boileau. Le livre des métiers. Ed. Depping, p. III).

Огромное множество любопытных бытовых черт, литературных эпизодов, анекдотов, легенд, шуточных школьных песен, изображений в миниатюрах, связано с употреблением церакул во все эпохи и во всех областях латинского мира. К сожалению, преимущественно только из легенд, картин, анекдотов и литературных эпизодов мы знаем о существовании и огромной распространенности, в раннем и классическом средневековье, вощечков. Их самих вовсе не сохранилось от этой эпохи, кроме счетных записей Людовика IX 1256 и 1257 гг. и Филиппа III за периоды 1282 и 1301—1308 гг. (см. описание и изображение у Dom Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France XXI 284—392). Лишь перешагнув в XIV и даже XV вв., начинаем мы встречать в довольно большой массе кладь подлинных церакул.

Такова, напр., группа вощечков XV в., открытых (вместе с стилями, ножичками, палочками для битья школьников по пальцам) в стоке нечистот у церкви св. Якова в Любеке, или коллекция грамматических заметок, тоже XV в., на английском языке, найденных в торфяниках Ирландии,² или вощенных слоновой кости табличек Ключийского музея. До XVII и XVIII вв.

¹ См. ссылки у Wattenbach, 66.

² См. ссылки Wattenbach, 82.

удержался обычай (он оставил по себе ряд подлинных памятников) записывать на восковых диптихах следующие церковных служб в руководство священникам. Что же касается вошечков с записями счетов, квитанций, регистров городских и рыночных сборов, сохранившиеся в большом числе их образцы в немецких и французских городах сопровождают нас до начала XIX в.

Как и в древности, вошечек более всего служил деловому и интимно-приватному употреблению и имел скоропреходящее значение. Правда, в начале VIII в. стихотворная загадка англосакса Альдгельма, дающая поэтическое описание внешнего состава таблички, красиво намекает на высокий смысл начертанного на ней:

Жизни основа моей создается пчелой медоносной;
 (Нежного тела) покров внешний взростили леса;
 Крепкую обувь упорный дал мне рогатых хребет.
 Ныне обличье приятное (в ясных его очертаньях)
 Жало стальное прочертит (в образе смутном моем).
 Так бороздами врезается рало в широкую ниву;
 Зерна же с неба (высокого полным) посевом падут.

Melligeris apibus mea prima processit origo,
 Sed pars exterior crescebat cetera silvis.
 Calceamenta mihi tradebant tergora dura.
 Nunc ferri stimulus faciem proscindit amoenam,
 Flexibus et sulcis obliquat ad instar aratri;
 Sed semen segetis de coelo ducitur alnum.¹

Но религиозное отношение к высокому смыслу начертанного на табличке не стало законом жизни. Все умножавшиеся на протяжении изученного периода массы школяров выносили из годов учения знание восковой грамоты более всего для того — по игривому выражению романа о Флоре и Блансефлер, —

Чтоб вместе с письмами, на воске
 Писать любовные стихи...
 Adonc lors vessiez escrire
 Lettres et vers d'amors en cire...²

¹ Aldhelmi. См. MG AA XVI, 111.

² Edellestand Du Meril. Poésies populaires du Moyen Age. 1847, 163.

II. МЯГКИЙ МАТЕРИАЛ ПИСЬМА

К этой группе, в качестве раритетов можно отнести древесные листья, кору, ткань и, менее редкую, кожу, а в качестве широко распространенных материалов — папирус, пергамен и бумагу.

Применение древесных, главным образом, пальмовых листьев, в качестве материала для письма, в особенности характеризует древнюю культуру внеевропейских стран (Индия, Нипал). Однако, беглое замечание Плиния: „В древности не знали употребления папируса, но писали сперва на пальмовых листьях, потом на коре некоторых деревьев“ (HN XIII 11) — дает известное основание заключить о „пальмовом периоде“ также и в истории средиземноморского письма. С еще большим основанием можно утверждать в ней применение древесной коры, точнее липового лыка, которому Плиний (XVI 14) дает имя „филиры“ и описывает его, как „нежную ткань между деревом и корою липы“. Марциан Капелла (II 136), как и Ульпиан (Digest. XXXII 52), знают „свитки из филиры“, и существование этой родственницы и предшественницы папируса отмечается в Риме в тот период, когда сам египетский папирус, подобно лыку, носивший имя *liber*, проник в Италию. Уже отмиравшей стариной были в Риме в эпоху Плиния „полотняные книги“, *libri lintei*, которые он знает как материал частных документов (HN XIII 11), рядом с свинцовыми таблицами государственных грамот. Но замечательно, что кожа — материал, хорошо известный египтянам, евреям, персам и грекам (под именем дифтеры) — среди латинских народов распространилась только сравнительно поздно, уже в усовершенствованной форме пергамена. Таким образом, в исторический период на римском западе не было своего удобного мягкого материала письма, который мог бы соперничать с египетским папирусом, когда этот последний появился в Италии.

а) Папирус

Библиография. Кроме литературы, указанной в предыдущей главе, специально о папирусе в канцеляриях раннего средневековья: W. E r b e n. Papyrus und Pergamen in der Kanzlei der Merovinger. MIOG XXVI (1905), 123—127;—H. B r e s s l a u. Papyrus und Pergament in der päpstlichen Kanzlei. MIOG IX (1889), 1—338;—H. O m o n t. Bulles pontificales sur papyrus (IX—XI siècles). BECh LXV (1904) 575—582.

Папирусные кодексы перечислены в статье L. Traube et L. Delisle. Un feuillet retrouvé du recueil écrit sur papyrus de lettres et de sermons de Saint Augustin. BECCh LXIV (1903) 454—480.

Для первоначального ознакомления с папирологией лучше всего К. Ротеншандл. Zur Papyruskunde. Milkau, Handbuch, 300—331. Здесь же подробные указания на литературу. — Из советских ученых, специально работающих в области папирологии, следует назвать Г. Ф. Церетели и О. О. Крюгера.

Время его проникновения на Апеннинский полуостров и точности неизвестно. Во всяком случае, в эпоху Империи он распространен во всем латинском мире, и Плинию хорошо известны условия его произрастания и способ приготовления (NH XIII 11—13). Сердцевина растения, которое росло на берегах Нила, и на греческом, как и на латинском языке, носило название *πάπυρος*, *papyrus* (по-греч. также *βύβλος* — откуда греческое имя книги — *βυβλίον*), разрезалось в продольном направлении на тоненькие пластинки (*plagulae*). Эти последние вплотную укладывали рядом на гладкой доске, затем покрывали поперек новым слоем плагул, смачивали все нильской водой, раздавливали прессом и высушивали. Получался довольно гладкий, блестящий лист, который на свет и даже на ощупь обнаруживал в основе клетчатую „ткань“, при разрыве или разрушении рассыпавшуюся волокнами. Листы склеивались, в среднем, около 20 в длину и давали длинную (иногда в несколько десятков метров) полосу, которая получила имя „хартии“ (также *βύβλος* и *liber*), греч. *χάρτης*, лат. *charta* и, исписанная только с одной стороны, наворачивалась на валик с рогульками на концах, за которые при свертывании и развивании держали свиток: *volumen*. Первый лист свитка носил имя *πρωτόκολλον* (лат. *protocollum*), последний — *ἐσχατοκόλλον*. На первом столбце „протокола“ грамот, по обычаю императорской поздней канцелярии, введенному впоследствии в закон Юстинианом, должно было стоять „имя славнейшего графа священных щедрот и время, в которое дана грамота“. (*Codex Justin. Nov. XLIV, cap. 2*).

Впоследствии названия „протокола“ и „эсхатокола“ сохранили в латинском мире исключительно канцелярски-дипломатическое значение начальной и заключительной части грамоты.

Из литературных показаний античности, хотя бы из Ульпианова различения папируса на *charta delecticia et*

пова, видно, что папирусный лист — и свиток, подобно восковой табличке, мог несколько раз служить своему назначению. С гладкой, лоснящейся его поверхности чернила смывались легко, и тексты преходящего значения несколько раз покрывали один и тот же лист. Однако, если не считать относительно поздних, равеннских хартий, сохраняющих следы более раннего начертания, исследователь имеет мало шансов встретиться с *charta deleticia* (*rescripta*); и тема о палимпсестах, стертых рукописях, получает интерес только в связи с пергаменом. Тем более, что самое имя палимпсест намекает не на смыванье, которое возможно только для папируса, но на стирание и сцарапыванье.

Итак, очевидно из сказанного выше, античную книгу приходится представлять себе в виде одного или нескольких свитков; античную библиотеку (напр. александрийскую или римскую, все равно публичную или частную) — в виде ряда корзин или поставцов с пучками свитков. Держа валик за его рогульку одной рукой и постепенно развивая свиток другой, читающий, таким образом, не мог сам его списывать, а мог только диктовать другому. Не мог он и разложить перед собою — в целях сравнения и сопоставления — несколько текстов зараз. Из этих чисто технических особенностей античной книги вытекают огромной важности следствия для античной литературы и науки: они обусловлены невозможностью, затрудненностью точных цитат и одновременного исследования и сопоставления многих текстов. Всякий может представить, какую печать субъективности и неточности должно было наложить это обстоятельство на античную филологию, как затрудняло оно систематическое накопление опыта, установление общих законов и обострение методов критического анализа. Античная библиотека, в виде корзины со свитками, — символ тяжеловесного и фатально замедленного движения литературной эволюции античности.

В этом виде она будет жить до середины III в. н. э., когда очистит путь победоносному шествию пергаменного кодекса. Под его действием сам папирус откажется от формы свитка и явится — в не слишком, впрочем, частых случаях — в знакомой нам ныне форме книги. Папирусные латинские книги в форме кодекса в эпоху раннего средне-

вековья — все на счет. Это — экземпляр гомилий св. Авита VI в. в Парижской Национальной библиотеке, проповеди и послания бл. Августина VI и VII вв. в Париже, Женеве и один лист в Ленинграде, сочинения бл. Илария Пуатевинского VI в. в Вене, „Древности“ Иосифа Флавия VII в. в Милане, отрывки Дигест VI в. в Поммерсфельде, соч. Исидора Севильского VII в. в Сен-Галлене. См. L. Traube *BECh* LXIV (1903). Но если в жизни литературы папирус относительно быстро уступает пергамену, то в жизни грамоты он будет утверждать себя еще целые века.

Один из интереснейших „литературных“ папирусных свитков средневековья — устав св. Бенедикта, сохранившийся в Корби. Он представляет ленту в 60 м 50 см и покрыт весьма любопытным в палеографическом отношении начертанием.

Хронологическая схема соотношений и смены материала приблизительно такова: на Западе пергамен упоминается с I в.; во II и III вв. соперничает с папирусом (в книге) и постепенно его вытесняет, в IV в. — господствует.

Но канцелярия, нуждающаяся для большинства предметов своей продукции в одиночном листе, а сверх того, более консервативная, чем литература (в особенности, если это канцелярия церковная), еще много веков будет держаться за папирус. В IV—V вв. все императорские и городские италийские хартии пишутся на папирусе. Папская канцелярия пишет на папирусе до XI в.¹, под конец, правда, чередуя его с пергамном. Папские хартии иногда достигают длины 4 м при ширине 30—70 см. Знание вышеприведенной схемы уже дает некоторый критерий для датировки грамот и книг.

Он значительно видоизменяется для областей, расположенных к северу за Альпами. Здесь мы не знаем папирусных грамот, перейдя VII в. Из сохранившихся оригинальных папирусных меровингских дипломов первый известный нам — „указ“ Хлотара II, 625 г.; самый поздний — приговор Хлотара III, 692 г.

Появление и распространение пергамена не только оставило дальнейшее применение папируса. Как материал несравненно более солидный, он вызвал стремление перс-

¹ Последняя сохранившаяся булла Сергия IV, 1011 г.

писать на него все особенно ценное в античной литературе. Создавшиеся таким образом прочные копии вывели из употребления и сделали ненужными хрупкие оригиналы. Нашествие варваров, кризис в Империи довершили дело разрушения. От папирусного богатства латинской древности до нас не дошло почти ничего.¹ Греческие папирусы, преимущественно более поздней эллинистической эпохи, сохранились, поскольку их пощадила лава и пепел Геркуланея, и сберегли египетские могилы. Но греческая папирология лежит за пределами нашей книги.

b) Пергамен

Библиография. См. литературу, указанную в двух предыдущих главах специально о палимпсестах. E. Châtelain. Les palimpsestes latins. *Annuaire de l'École des Hautes Études. Sect. hist.-phil.*, 1904, 5—42.

Существует серия факсимиле, специально посвященных палимпсестам. *Spicilegium Palimpsestorum arte typographica paratum per S. Benedicti monachos archiabbatis Berouensis*. Первый том вышел в 1913 г. В Италии основан в 1912 г. Институт для издания и изучения палимпсестов: Istituto „Ferrini“ dei palimpsesti (*Collegium codicibus evulgandis rescriptis*).

О различных способах восстановления вытертого письма см. F. Ehrle. *Über die Erhaltung und Ausbesserung alter Handschriften*. ZBW XV (1898), 13—33. Франц. перевод в BECh LIX (1898) 479—495. Для ознакомления с новейшими успехами фотографии в деле воспроизведения палимпсестов, можно указать G. Kögel. *Die theoretischen Grundlagen einer neuen Photographie radierter Handschriften und spectraloptischen Bestimmung des Alters des Schreibmaterials*. ZBW XLVI (1929), 139 sqq.

О складывании пергамена в тетради, его линовании и формулах, открытых здесь недавно, см. E. K. Rand. *How many leaves at a time* в *Palaeographia latina* ed. by W. Lindsay.—*I dem. Survey of the manuscripts of Tours*, I 29 sqq.

Предание, сообщаемое Плинием (NH XIII II) со ссылкой на Варрона, рассказывает, будто изобретению пергамена,— точнее, усовершенствованию, давно известной восточной культуре, дифтеры — дала толчок одна мера египетских Птолемеев. Относясь с ревнивою заботливостью к славе александрийской библиотеки и опасаясь соперничества пергамской, Птолеми с середины II в. начинают издавать запретительные указы против вывоза в Азию египетского папируса. Это

¹ В Европе единственные образцы — 24 папирусных свитка, найденных в Геркуланее.

обстоятельство побудило будто бы покровителя персидского книгохранилища, царя Евмена III, поощрять попытки усовершенствования старой дифтеры. Опыт имел блестящий результат, приведя к выработке пергамента — материала, превосходившего папирус прочностью, способностью не гнуться без вреда для ткани и гладкостью. Рассказ звучит легендарно. Несомненно, что под именем „мембраны“ материал был известен античности с I в. Обилие ослиных шкур в области Пергама благоприятствовало производству одного из лучших его сортов и постепенному распространению имени „пергамента“.

Впервые название *membrana pergamena*, *pergamen* встречается официально в Диоклетиановом эдикте 301 г. *De pretiis rerum venalium*.

Это слово рано усвоила христианская литература, и самый пергамен, почти с первых ее шагов, стал ее преимущественным материалом.

Следует также заметить, что весьма скоро после своего появления он представляется уже в другой форме, нежели папирус. Потому ли, что в качестве весьма прочного материала, кожа удобно поддается перегибанию, фальцеванию и разрезанию, потому ли, что в этом случае сыграли посредствующую роль восковые, а потом пергаменные полиптихи, — пергамен очень рано является в форме книги — кодекса (*codex*), сложенного из отдельных тетрадей.

Несколько деталей, небезинтересных для датировки кодексов.

Кодексы первых веков имели вид почти квадратных книг, ширина которых была только немного меньше высоты. Они складывались из тетрадей, которые, в свою очередь, состояли из 1, 2, 3, 5, 6, но чаще всего из 4 листов (кватернион), сложенных пополам и образовавших таким образом 2, 4, 6, 8, 10, 12 листов отдельной тетради. В средние века, для мастерских лучшей поры, в частности непосредственно докарولينгской и каролингской, в особенности твердым является обычай кватерниона, причем унион (2 л.), бинион (4 л.), тринион (6 л.) вводились, когда они хорошо подгонялись к распределению отдельных частей книги, поручавшихся, как известно, отдельным писцам. Бинион и тринион фигурируют обычно только в начале и в конце книги, для оглавления.

Что касается квиниона, и реже, секстиона, то они очень характерны для островных кодексов, в особенности VII—IX вв., а секстион — для итальянских кодексов XIV в. Каждая тетрадь имела свой номер, *signatura*, чаще всего проставлявшийся в конце тетради, на нижнем поле, посередине или слегка справа (более древние кодексы). Номером этим является обычно римская цифра с предшествующим ей иногда *q.* или *qu.* или *quat.* Островные кодексы характерно отличаются тем, что вместо римских цифр их сигнатуры используют буквы алфавита, то минускульные, то маюскульные, ставят их не в конце, но в начале тетради, на верхнем поле, слева. То же делают часто островные писцы в мастерских континента. Мастерская Корби, характернейшие рукописи которой хранятся в Ленинграде, жившая под сильнейшим влиянием островных писцов, в века VIII—IX ставила, в качестве сигнатур, буквы алфавита, но в конце тетради, внизу. С XI в. для связи тетрадей, а иногда и самих листов, начинает появляться так наз. реклама: приписанное под последним словом одного кватерниона, первое слово следующего кватерниона.

Появление пергаменного кодекса вместо папирусного свитка совпало с мировой революцией, сведшей со сцены классическую языческую античность и открывшей пути феодальному обществу: варварскому по происхождению и христианскому по идеологии. Пергаменный кодекс стал спутником и символом этого мира.

Совпадение это было замечено и констатировано палеографами. Но для него искали объяснений, которые навряд ли можно принять. Их искали в мнимой бедности первоначальной церкви, ее демократизме, обусловливавшем стремление дать в руки возможно большего числа черных недорогую и прочную книгу.

Это не соответствует фактам. Правда, что уже в века распространения христианства папирус обходился дороже пергамена.¹ Но мы ничего не знаем о большей распространенности книг в массе верных в эпоху гонимой „демократической“ церкви. Сведения, какими мы располагаем, относятся к эпохе ее торжества, ее аристократизации. А в эту

¹ Cp. Th. Birt. Die Buchrolle in der Kunst, Leipzig, 1907, 26 sqq.

пору стремление церкви одеться в блеск золота и лазоревых мозаик, в вечность и красоту мрамора и драгоценных камней отражается и на книге производством фиолетовых и пурпурных пергаменов, покрытых золотыми и серебряными письменами, со всей роскошью цветного, сверкающего убора переплетов и заставок. Торжество пергаменного кодекса не находит объяснения в духе евангелия. Но по каким бы то ни было,—вероятно чисто-случайным,—причинам, оно совпало с его торжеством. Однако, затем, этот факт, быть может, не имея мотивов в новой культуре, будет иметь в ней неисчислимые следствия.

Выше замечено, какими неизбежно узкими и изолированными струями должна была идти литературная и научная традиция через папирусные свитки. Ученый исследователь, который вынужден был держать обеими руками предмет своего изучения и знать, что свиток немедленно свернется, едва он оставит его, чтобы сделать выписку или заметку, копиист, который мог списывать только под диктовку, полагаясь на чужой глаз и связанный чужою медленностью или торопливостью,—такова картина зависимости от прячущейся формы свитка. С кодексами, которые можно разложить вокруг, в числе нескольких, развернув их на нужных страницах и легко переверачивая к искомым местам, должна совершенно измениться картина работы. Она превращается в широкий поток, могущий на пути увлекать многочисленные подлинники материалы и перерабатывать их в более сложные, обобщенные элабораты. С формой кодекса исследование могло получить в руки новое могучее орудие.

Его появление совпало с общим упадком духовной жизни. Атония отходящей классической культуры, грубость нарождавшейся варварской,—все это не содействовало счастливому использованию новых условий традиции. Но была в психологии этого изменившегося мира одна черта, которая оказалась ей созвучной и благоприятно сочеталась с новой техникой литературного дела.

Если новое общество не было одарено ни творческим духом, ни критическою мыслью,—зато оно в высокой мере обладало другими качествами: почтением к заветному древности, не всегда доступному в своем содержании, но бережно хранимому в своей форме наследству, как пагани

стической, так и христианской мысли и тенденцией бесконечного „рюминирования“: пережевывания и сопоставления, то реально-исторического, то формально-логического, то мистико-символического, — разных осколков священной древней мудрости. Вкус к крохоборству у богатого стола античности, литература всевозможных „Жемчугов духовных“, „Цепей златых“ и „Пчел“, ссылки на авторитеты, весь этот характерный для сумеречной поры эклектизм получил прочную опору и стимул в новой технике книги. Из него, однако, кроме мозаичных подборов старых культурных ценностей, родились и произведения более высокого полета. Только на этом фоне стало возможным появление мировых хроник; и хроника Орозия, как и „Церковная история“ Евсевия, со всей широтой их всемирно-исторической концепции, с полнотой и точностью „отовсюду заимствованных“, *undique congestitis*, материалов и цитат, обе являются в указанном смысле богатым и дорогим плодом этого бедного мира и одним из косвенных результатов воцарения пергаменного кодекса.

Имя пергамена осталось самым устойчивым названием нового материала на Западе, хотя рядом с ним впоследствии мы встретим различные национальные названия, как французское *vélin*, от *vitulinum* (телячья кожа), итальянское *carta di pecora* (ныне *carta pecora*), немецкое *buochvel* и *puchvel* и англо-саксонское *boe-fel*. Из животных, кожа которых шла на пергамен, в древности чаще всего называют козлов и баранов (*hircos*, *arietes*), а также свиней. В средние века, с IX в., рядом с этими кожами, преимущественно в Германии и Франции, начинает особенно часто поминаться телячья кожа. Кожа новорожденных, и в особенности нерожденных, ягнят давала особенно нежный пергамен для книг небольшого формата. Методы обработки, повидимому, на протяжении столетий, в общем, оставались одинаковыми: вымачиванье, золенье, втирание мела для впитывания содержимого жировых пузырьков (если не все они были раздавлены и осушены, жир впоследствии расплывался в пергамене, давая на нем неприятные и обесцвечивающие чернила, масляные пятна), шелушенье, при помощи острого ножа, уравнивающего шероховатости, и выглаживанье пемзой. При очень тщательной обработке можно бывало добиться того, что обе

стороны, лицо и оборот — так наз. recto и verso почти не отличались друг от друга по белизне и гладкости. К этому, в особенности, стремились французские и немецкие мастерские. Итальянские и испанские выработывали пергамен с особой тщательностью по recto. Verso их всегда был более грубым и шероховатым, в особенности в листах, предназначенных для грамот, которые исписывались обычно по одной стороне.

1. Складывание и линование. Разница лица и оборота: стороны „волосяной“, HS (Hair-side) и FS (Flesh-side), „мясной стороны“, как их называли англичане, сыграла весьма существенную роль в технической жизни мастерских. Не так давно сделано Э. Рендом интересное наблюдение над обычаями складывания и линования листов, основанными на этой разнице и дающими нынешним исследователям очень точный критерий для локализации и датировки (приблизительно по полустолетиям) кодексов как раз в наиболее смутные века VI—X. Наблюдение заключается в том, что листы для каждой тетради и часто для всего кодекса подготовлялись и линовались заранее, обычно разом по 4 (соответственно 5, 2, 3) развернутых („двойных“) листа с таким расчетом, чтобы, сложенные в тетрадь, они образовали комбинацию, при которой HS глядела бы на HS и FS на FS. Это правило получило имя „правила 1“. При этом замечена была совершенно определенная, в разные века различная, процедура. 1) С одной стороны, в древности, до конца VI в., повторившаяся с началом IX в., за что ее и называли „новым стилем“ (nev-style, NS), хотя правильнее было бы назвать ее „древнейшим“. 2) С другой стороны, в преддверии и начале каролингской поры: вторую половину VIII в.; эпоха „старого стиля“ (old style, OS). Разница OS и NS заключалась в том, что в эпоху NS (= „древнейшему“) листы линовались подобранными так, чтобы всегда HS лежал наверху, и таким образом при линовании смотрели друг на друга HS и FS. Только затем, наливав, их переключивали в соответствии с „правилом 1“. И тогда, по сложении, следы линейки с двух соседних страниц глядели друг на друга, выпуклые на выпуклые и обратно, скажем: рельеф (+r) на рельеф (+r). Таким образом, эстетика соседних страниц оказывается одной образной в смысле ткани и в смысле рельефа линеек.

В OS листы уже до линования подбираются так, чтобы соблюденo было правило 1, и затем, по линованию, сгибаются в тетрадь. Отсюда, понятным образом, получается то, что однообразие наблюдается лишь в ткани глядящих одна на другую страниц, но не в характере их линеек: здесь рельеф (+r) глядит на вдавленные линейки (-r).

Эпоха VII и начала VIII вв. представляет в этом смысле полный беспорядок и произвол (впрочем см. некоторые ограничения в нашей книге о Корби). Островные же кодексы, а также совершавшиеся под островным влиянием работы некоторых континентальных мастерских, напр. Корби, Луксея и др., линовались уже перегнутыми в тетради, по 8, 6, 10 и т. д. листов (точнее, „полулистов“) одновременно, отчего „эстетика“ соседних страниц в них совершенно иная, как в смысле ткани, так и в смысле линеек.

Заметим, что немало темных случаев разрешила, в комбинации с другими соображениями, эта удачная находка наших дней, как-раз для тех случаев колебаний между началом и концом VIII в. и началом и серединой IX в., где так трудна бывает датировка.¹

Пергам недолго сохранил привилегию главной мастерской „мембраны“. Такие мастерские создаются во всех культурных очагах Востока и Запада и множатся с ростом спроса на книгу. Статуты Адаларада, аббата Корби VIII—IX вв., где указывается „один пергаменщик“ (pergaminairus unus), дают возможность предположить, что каждая большая обитель имела мастера, выделявавшего этот материал на потребу своей мастерской письма.

В Париже XIII в. был целый цех пергаменщиков, подчиненный университету. Ученые баварские монастыри, не имевшие собственных „пергаминариев“, посылали в города телячьи кожи на предмет выделки пергамена.

в) Палимпсесты

Но в смутные периоды общего упадка культурной продукции производство пергамена отставало от спроса

¹ Выработанная харвардским профессором Э. К. Рендом на огромном материале мастерских VI—IX вв. и подтвержденная многочисленными учеными (см. впоследствии и наши наблюдения над древней мастерской

на него. Так было в особенности в VII—IX вв. накануне и в эпоху каролингского ренессанса. Тогда пускали еще раз в оборот старые, преимущественно античные рукописи, вытирая написанный на них классический текст, покрывали их новым. Так *Анналы Лициниана*, написанные унциалом V в., были стерты в VI, на пергамене написан курсивом грамматический трактат, в свою очередь, в IX или X в. уступивший сирийскому тексту гомилий Иоанна Златоуста.¹ Текст Цицеронова *De re publica*, написанный унциалом IV в. в две колонны, перекрыт унциалом VIII в., воспроизводящим комментарии к псалмам бл. Августина и написанным полными строками.²

Мы не знаем всех подробностей методов, какими уничтожали старый текст. Бирт (*op. cit.*, 290) вопреки Ваттенбаху (302) доказал, что во всяком случае в раннюю эпоху изготовление палимпсеста осуществлялось путем простого смыванья губкой (*spongium*, *peniculus*). Повидимому, однако, впоследствии написанное иногда сцарапывали ножом (*rasorium*), иногда вытирали пемзой (*pumex*), иногда обесцвечивали какою-то смесью из молока, сыра и необожженной извести (английский рецепт) Баварские книжники знали рецепт самого основательного уничтожения текста, который хранили в строгой тайне, чтобы не давать искушения невеждам к уничтожению ценных текстов,³ ибо мания стирания охватывала целые группы и учреждения. Король Хильперих, изобретший четыре новых буквы, потребовал не только, чтобы по новой орфографии учились отроки, но и древлеписанные книги были бы выглажены пемзой и переписаны заново (*Greg. Tur.*, „*Hist. Franc.*“ V 45). У Салимбене (*Chronica ad an. 1235*) находим любопытный

Корби в нашей книге *Histoire de l'atelier graphique de Corbie dès 651 à 830*), меткая формула Ренда изложена им в его исследованиях, цитированных выше в библиографии.

¹ См. факсимиле этой рукописи в *Catalogue of ancient manuscripts in the British Museum. Part 2, lat. pl. 1*. Оригинал — в Британском музее № 17212.

² Воспроизведено у *Silvestre. Paléographie Universelle*, pl. 97; *Zehn gemeister et Wattenbach. Exempla codic. lat., tab. XVII*; Ваттенбах готовит полное издание.

³ *Rockinger. Zum bayerischen Schriftwesen. Sitz. Ber. München Abad. I (1867), 322 sqq.*

рассказ о том, как один из знакомцев его, монах Альберт, занимался „стиранием“ — *abradere* — текстов Герарда из Борго-Сан-Доннино: „И ни одной буквы из писаний его не осталось на свете: все его книги я вытер собственной рукою, и скажу вам, зачем и как“. В обители *Fontana Viva*, близ Пармы, был монах, „который прекрасно умел вытирать пергамен“. Он просил своего аббата дать ему несколько учеников, „которые пожелали бы выучиться стирать хартии и после его смерти могли бы быть полезными монастырю“. Монах Альберт отозвался на предложение и упражнялся в этом искусстве на герардовых пророчествах, „во-первых, чтобы иметь материал, на котором я учился бы стиранию, а также в виду того, что из-за этих пророчеств я подвергался немалым соблазнам, *habueram scandalum valde grande*“. О монтекас-синских монахах XIV в. Бенвенуто да-Имола сообщает, что они¹ вытирали целые томы и „паделывали псалтырчиков, которые продавали школьникам“.

В первую очередь в этих патентованных пращених средневековья принесены были в жертву классические авторы, чтобы дать место отцам церкви. Сочинения (*Moralia*) Григория Великого погребли под собою веронского Ливия, Вергилия и Евклида; его диалоги закрыли Лактанция; бл. Иероним — остатки Гая. С другой стороны, однако, *Sacramentarium Gelasianum* лег на *Anastasianum*, *Vulgata* на *Itala*, *Codex Justinianus* похоронил *Theodosianum*.² Насущная нужда эпохи и невежественная недооценка уничтожаемого были причиной этого общего явления эпохи раннего средневековья. Однако, в основе его не лежало никакой прямо враждебной античности тенденции. На практике бывало то, что именно употребление рукописи, в качестве палимпсеста, для новой важной нужды, сберегло ее от окончательной гибели. С расцветом классического средневековья, начинают множиться обратные случаи. В библиотеке Гроттаферраты, состоявшей на большую половину из палимпсестов, монахи XIII в. переписывают Илиаду на коринфские послания ап. Павла, и Софокла — на библейский текст. Сан-Галленская библиотека VIII в. хранила один текст

¹ *Comment. ad Dant. Parad, Cant. XXII.*

² *Traube. Vorlesungen, I 96.*

Лукана на тексте Овидия и другое сочинение того же писателя на Библии и т. д.¹

И все же большинство явных и тайных методов стирания не обеспечивали полного уничтожения текста. Чернила глубоко проникают в пергамен и изменяют его химически. В результате, не только некоторых реактивов, но даже длительного действия воздуха бывает достаточно, чтобы оживить первоначальное начертание. В особенности относится это к самым ценным античным текстам, написанным на прочном пергамене крупным письмом² и слабо стертых несовершенными методами VII IX вв., и, в меньшей степени, к написанным минускулом поздним рукописям, выглаженным основательно в эпоху Салимбене и, чаще всего, представляющим уже меньшую ценность. Начиная с мавристов XVII в. и кончая сотрудниками Monumenta Germaniae historica, исследователи начинают пробовать на палимпсестах различные химические методы оживления стертого текста. Они, в большинстве, приводили к временному успеху и длительно оказывались губительными для рукописи; через известный срок подвергшийся реактиву лист (вначале применяли обычно дубильную кислоту) начинал темнеть и становился нечитаемым. В таком виде нашел Тишендорф знаменитый Codex Alexandrinus, Вайц — кодекс библии Вульфилы; „как выглядит веронский Гай, к сожалению, слишком известно“.³ Кодексы, которые испытывал реактивами Анжело Май, ныне так испорчены, что о знаменитом Колумбе палимпсестов — „Scopritor famoso“, как называл его поэт Леопарди — сложилась злостная легенда, будто он портил их нарочно, чтобы помешать раскрытию сделанных им ошибок. В каждой из значительнейших рукописных европейских библиотек имеется скорбный лист таких исследовательских экспериментов и загубленных ими рукописей. Подобный опыт приводил многих осторожных и совестливых палеографов к тому, что они вовсе отказались от применения реактивов, приглашая к большему напряжению глаза и — терпению. В недавнее время еще часто прибегали к рецепту Карла Перца: гидросульфату аммония или лучше к раствору 1 доли синеродистой серы в 15 долях

¹ Wattenbach, 301 sqq.

² Унициалом или капитальным письмом. См. ниже.

³ Wattenbach, 311, 315.

воды с прибавлением нескольких капель сгущенной соляной кислоты. Этот раствор заставляет на некоторое время выступить красноватые очертания старого письма, которые в этот момент следует схватить фотографическим аппаратом. Затем всякий реактив должен быть, как можно скорее, смыт. Можно было, однако, представить случай, когда без применения сильного реактива, — стало быть, не рискуя будущим рукописи, — не было надежды оживить палимпсест. Как должен был поступить в таком случае исследователь? Ваттенбах, после длинного ряда предостережений и призывов к его совести и осторожности, все же решился дать ему на этот крайний случай разрешение: после того как приняты все меры, чтобы в момент прояснения исчезнувшего текста запечатлеть его образ в фотографическом снимке, — тогда, „но только тогда можно решиться принести в жертву будущее рукописи“.

Однако, со времени, когда написаны были эти строки, успехи фотографии почти устранили трагизм этой дилеммы. После блестящих опытов светописы уже нет нужды воздействовать реактивами на рукопись, ибо при помощи чувствительной пластинки прямо на фотографическом снимке могут быть выявлены очертания старого текста. Об этих методах см. в цитированных в нашей библиографии этюдах Кегеля и Самарана.

d) Бумага

Библиография. О древнейшей бумаге и ее составе: С. М. Брикет. La légende paléographique du papier de coton. Genève, 1885. — I d o m. Recherches sur les premiers papiers employé sen Occident et en Orient du X au XIV siècle. Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France, XLVI (1886), 135—205. — S. W i e s n e r. Die microscopische Untersuchung des Papiers mit besonderer Berücksichtigung der ältesten orientalischen und europäischen Papiere. Wien, 1887. — J. K a r a b a ÷ e k. Das arabische Papier. Wien, 1887. — S. W i e s n e r. Ein neuer Beitrag zur Geschichte des Papiers. SB. Wien. Ak. CXLVIII (1903/4) Abhandlung.

История бумаги: А. В л а н ч е т. Essai sur l'histoire du papier et de sa fabrication. Paris, 1900.

О филигранах: Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение водяных знаков, Пб., 1889, 3 тома с альбомом. — С. М. Брикет. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, avec 39 fig. dans le texte et 16112 fac-similés de filigranes. Genève 1907, 4 vol.

Бумага в интересующем палеографа смысле есть материал для письма из волокон технических растений. Так как она представляет этим растительным своим происхождением аналогию с папирусом, то ей и присвоены были оба его названия: *papyrus* и *charta* — франц. *papier*, итал. *carta*, англ. *paper*, нем. *papier*. Конопля, хлопок и лен одинаково могли бы служить материалом для бумаги. Но первая известная в Европе бумага приготавливалась исключительно из льна, притом не прямо из самого растения, но из тряпок, подвергшихся перемыванию, размачиванию и валянию. Микроскопический анализ в настоящее время установил с несомненностью льняной состав средневековой бумаги¹ и рассеял легенду о хлопчатой бумаге, повод к которой дало итальянское название бумаги XIV в. *charta bambagina*, *charta di bambagia*. Имя это, как теперь оказывается, намекает вовсе не на хлопок (*bambax*), но на сирийский город *Bambyse* (араб. Мамбидш), где находилась фабрика бумаги. Таким образом, происхождение этого имени представляет полную аналогию с другим названием бумаги — *charta damascena*. Если в Китае фабрикация бумаги уже существовала в I в. н. э., то арабы узнали ее только с оккупацией Самарканда в 704 г., чтобы разнести затем по всем путям своего завоевания. И если папирус был спутником греко-римской античности, а пергамен — христианского средневековья, то бумага — спутник победоносного Ислама. Прежде чем, по образу арабов, Западная Европа начнет сама фабриковать бумагу, она знает ее как *charta damascena*, а также как *pergamena graeca*, *quae fit ex lana ligni*,² „греческий пергамен из растительного волокна“.

Арабские станции на Западе были первыми фабриками европейской бумаги. Италия училась ее выделке в арабской Сицилии, Франция — в мавританской Испании. Регистры королевской испанской канцелярии уже в середине XII в. пишутся на бумаге, и норманская династия в Сицилии в этот же век писала на ней немало своих грамот, — так же, как и ее наследница, династия Гогенштауфенов. И если все же, несмотря

¹ Волокна льна и конопли представляют цилиндры с продольными канавками, на известном расстоянии перехваченные узловатыми коленами. Бумажные волокна — плоские ленты с комочками на конце.

² Theophilus. *Schedula diversarum artium*. I 24.

на освященную уже практику, Фридрих II в 1231 г. запрещает употребление бумаги для официальных документов, это показывает, насколько непрочным и несовершенным представлялся материал, который через полтора года должен был стать соперником пергамента и вскоре вытеснить его. Петр Почтенный, клюнийский аббат, в первую треть XII в. знал бумагу, сделанную из обрезков старого тряпья.¹ Первые подлинники французские бумажные документы дошли только в свитках ревизоров эпохи Людовика IX, 1243 г., в регистрах счетов его брата, Альфонса Пуатевинского, 1243—1248 гг., в регистрах королевских комиссаров в Тулузской области, 1272—1274 гг., и марсельских нотариусов, 1248 г.² Однако, возможно, что замечание Петра Клюнийского дает нам право предположить уже в XII в. довольно широкое пользование бумагой, как материалом для письма, — по крайней мере, для текстов скоропреходящего значения, в сохранности которых не были особенно заинтересованы. Именно потому, что бумага XII в. была материалом ненадежным, ей доверяли только малоценные тексты, и с другой стороны, — потому что ими не дорожили, — они имели тем более шансов погибнуть. В виду этого обстоятельства, скудость бумажного французского наследства от XII—XIII вв., аналогично скудному наследству восковых табличек I—II вв., не служит еще противопоставлением наличности бумаги в культуре XII—XIII вв.

В XIV в., во всяком случае, она явится счастливой соперницей пергамента. Огромное размножение грамотной интеллигенции, в частности, пишущей братии, потребность в дешевом и удобном материале, большее совершенство самой бумаги (особенно плотной она является в XIV в., в XV в. становится тоньше) определяют ее торжество. В этот век бумага распространяется на севере Франции, проникает в Германию. Первая бумажная фабрика была здесь основана у Майнца, в 1320 г., а 70 лет спустя в Нюрнберге к работе бумажной мельницы была применена водяная сила. На бумаге начинают

¹ Petrus Venerabilis, Adversus Judeos, cap. 5 MPL. CLXXXIX, col. 606: „Legit, inquit, Deus in coelis librum Talmuth. Sed cuiusmodi librum? Si talem quales quotidie in usu legendi habemus, utique ex pellibus arietum, hircorum aut vitulorum, sive ex biblis vel iuncis orientalium paludum, aut ex rasuris veterum pannorum seu ex qualibet viliori materia compactos...“

² Национальный архив в Париже: J 889, KK 376 и 1228.

писать не только частные письма, счета и ревизии, но и литературные произведения и книги. В первых бумажных книгах бумага чередуется с пергаменом, обыкновенно в таком сочетании, что каждый отдельный бумажный кватернион (тетрадь, см. выше, стр. 34) книги охвачен пергаменным листом. В XV в. пергаменная книга — уже относительная редкость, сравнительно с бумажной. Хотя до конца XIX в. прослеживается употребление пергамена не только для хартий (папские буллы), но и для роскошных (молитвенники) книг, но это — исчезающее исключение.

С конца XIII в. европейские мастера, в отличие от восточных, азиатских, усваивают обычай метить бумагу своей фабрикации так наз. филигранами (водяными знаками): узорами, которые оттискивает на мягком еще листе проволочный орнамент, вделанный в дно формы, куда вливалась бумажная масса. Он особенно хорошо виден на свет, представляя светлый узор на более темном фоне бумаги. Бумажные фабрики отдельных городов Европы усваивали знаки на несколько десятилетий, иногда на целые полустолетия, даже века. Но попытки датировать и локализовать рукопись по ее водяному знаку, давшие много положительных результатов, привели и к некоторым разочарованиям, в том смысле, что слишком часты случаи, когда новый текст писался на бумаге старой фабрикации, и что бумага продавалась довольно далеко за пределы своей выделки. В развитии мотивов водяных знаков замечается переход от простых филиграней XIII в., где тему дает литера, к сложным рисункам XIV в. с целыми именами и гербами. Разнообразие рисунков бесконечно, и его приходится изучать в каждом отдельном случае, особо обращаясь к указателям, имеющимся в цитированных выше книгах Briquet и Лихачева. В Италии, где водяные знаки появились раньше всего и где их обычно обрамляли кругом, мы встречаем, в качестве любимых филиграней, в XIV в. ангела с крестом, венок, шлем, знамя, боченок, птичье крыло, пронзенное стрелой. Во Франции, где они приняты позже, появляются три лилии на геральдическом щите, петух, собака, наконец, — разнообразнейшие гербы городов, где фабриковалась бумага. Это последнее наблюдение относится также к Германии, где весьма частой темой филигрании было изображение свињи. В первую половину XVI в. стереотипным для всей Западной

Европы,— с известными вариантами рисунка,— стало изображение перчатки; во вторую же его половину, а также в начале XVII в.,— горшка или кувшина. Название и местонахождение фабрики вступает в водяной знак только в XIX в.

III. ЧЕРНИЛА

Библиография. О чернилах, их изготовлении см. гл. обр.: Wattenbach, 233 sqq. О золотых кодексах: Ch. Graux. Chrysographie, Статья в Dictionnaire des Antiquités par Darémberg et Saglio.—О цветных чернилах и роскошных иллюминированных кодексах см. также пособия по истории литературы. Для первоначального ознакомления лучше всего А. Воесклеi. Die Buchmalerei. Milkau, Handbuch, 150—253. Здесь же все; удаленнейшие указания на литературу— см. Н. Zimmermann. Op. cit.—Henri Martin. Histoire de la miniature. Paris, 1924.

Чернила в античности и в средние века могли бы входить, в сущности, в самое определение палеографии. Ранние в особенности века не знали карандаша, и все, что нанесено на мягкий материал папируса или пергамена, написано жидким материалом чернил.

На всех почти языках чернила получили имя по своему черному цвету (греч. μέλαν, лат. atramentum, древнегерм. black) и вплоть до XVI в., когда они начали сереть и желтеть, сохранили черноту, если только исключить каролингскую эпоху, когда они приняли рыжеватый оттенок.

В других языках имя определил способ приготовления. Если составные элементы чернил смешивались посредством нагревания, чернилам давали имя *εὐχαιστόν* — у греков, *encaustum* — у латинян, откуда итал. *inchiostro*, франц. *encre* — *encre*, англ. *ink*. Латинское же определение чернил, как красящего вещества — *tincta*, дало испанск. *tinta* и немецкое *Tinte*.

Античные чернила — лежала ли причина в их составе (смесь камеди и сажы (NH XXXV б), или в свойстве папируса, — довольно легко смывались водою, и „разрушительная губка“ — *spongia deletilis* — часто фигурирует в античной литературе (ср. ссылки из Варрона, Wattenbach, 235). В поэтических состязаниях, происходивших в эпоху Калигулы (Suet, Vita Caligulae, с. 20), неудачливые авторы должны были смывать губкой, если не слизывать языком свои проиязедения. Еще Августин, как и Авзоний, знакомы с разрушительной губкой, но уже Алкуин говорил о „дружественной пемзе“ (*fraternus pumex*), которая исправляет ошибки пишущего.

Вероятно, только более сильными средствами можно было свести с пергамена те новые, — для него, очевидно, созданные, чернила, о которых впервые говорит Марциан Капелла: сок чернильных орешков, смешанный с камедью. Средние века знали несколько рецептов чернил, но чаще всего и в них фигурирует та же камедь и чернильный орешек, связываемые путем нагревания: „и будут у тебя добрые и неразрушаемые чернила, на чем бы ты ими ни писал“.¹ Кто любовался четким кружевом иных средневековых рукописей, тот поверит и поймет эту заботу о добрых чернилах. „Хорошие книги аннулируются худыми чернилами“, замечает инструкция, которую дают своему либрарию „братья общей жизни“,² эти усерднейшие писатели и переписчики позднего средневековья. Чернила в малом количестве выносились на рынок, на неопределенного потребителя, но, как и большинство требовавших внимания товаров, готовились по инициативе самих потребителей: канцелярий и скрипториев. Этим объясняется вызвавшая столько недоразумений жалоба Петрарки на трудность найти хорошие чернила в богатом книгами Льеже, чтобы переписать речь Цицерона.

Как вместилище для чернил, употребляется чаще всего рог, вставлявшийся в отверстие столовой доски. Такой рог средневековая живопись изображает в клюве орла, перед пишущим евангелистом Иоанном, и на стене — подле пишущего Рабана Мавра. Отсюда имя чернильницы — *cornu*, *corniculum*, но также *atramentarium* и *incausterium*. Наряду с роговыми, существовали, очевидно, и металлические и иные закрывающиеся чернильницы, так как, напр., Иоанн Пфэфферкорн „всегда носил с собою атраментарий и во время проповедей и собраний записывал все ценное и примечательное“ (*Epist. obscur. vir.* II 30). Ученые друзья каролингской эпохи любили обмениваться подарками в виде „красивой серебряной, украшенной золотом чернильницы“ (*D'Achery, Spicil.* II 306). Во всяком случае рог, как особенно часто применявшийся материал, дал в Париже имя самим мастерам этих орудий: в налоговом списке 1292 г. показаны два *cornettiers* (*Geraud. Paris sous Philippe le Bel, 602*).

¹ См. *Wattenbach*, 237 sqq.

² См. цитаты у *Wattenbach*, 238—241.

а) Цветные чернила в рукописях

Говоря о цветных чернилах в рукописях, мы прежде всего имеем в виду различные оттенки красных.

Этот цвет служил уже египетским писцам, чтобы выделять части текста. В этом значении он перешел к грекам и к римлянам, откуда слово *rubrica*, красная строка или фраза, означало уже в латинской терминологии — „новый отдел“, смысл, в каком слово „рубрика“ употребляется и у нас. Применение „разнообразия красок“, *diversitas colorum*, особенно настойчиво рекомендует бл. Иероним в исторических хрониках, „где последовательность царствований, сливающихся, вследствие тесноты текста, могла бы различаться, благодаря применению красного цвета (миния)“ (*Chronicae Eusebii, etc. Hieronymi praefatio*, MPL XXVII 38). Красными чернилами подчеркивались в тексте значительные или руководящие слова; красным иногда писались даты. Красным писались вводные (*incipit*) и заключительные слова (*explicit*) главы, псалма, дневного чтения. Бывали, — правда, весьма редко, — случаи, что весь текст писался красным, а комментарий или вариант к нему — черным: таков красный текст VI—VII в. псалмов, хранившийся в библиотеке Боббио с черным к нему комментарием Кассиодора; красный текст св. Марка с черным комментарием Беды Почтенного VII в.; красный текст писем ап. Павла, 1067 г. с черным комментарием Ремигия. В параллельных хрониках пап и императоров целые столбцы, соответственно, выведены красными и синими чернилами.¹

Красные чернила (или краски) средневековых рукописей имеют несколько разновидностей. Запад более всего знал сурик: „миний“, *minium*, и самое искусство выведения красных букв и орнаментов обозначал *miniare*. Это — живая и яркая, скорее светлая, чем густая краска, расцветившая античные и средневековые рукописи X—XVI вв. (от которой невыгодно отличаются более бледные чернила итальянских гуманистов и какая-то тусклая краска некоторых ранних *mss* VI—X вв.). На Западе почти неизвестны были еще более совершенные и более густого тона, „священные“ (*sacrum incaustum*) пурпуровые чернила, приготовлявшиеся когда-то из подлинного пурпура улиток,

¹ Здесь и в дальнейшем мы опираемся на Wattenbach, 244—252.

а впоследствии из киновари, которыми гордилась и византийская канцелярия, предоставлявшая его пользование только императору для подписи его заключительного *legimus*. Образец такой подписи хранится в Париже на письме императора Анастасия к королю Пипину, на дипломах Карла Лысого. Впрочем, каролингские императоры иногда ограничивались только пурпуровой монограммой.

Этот обычай воспроизвели, очевидно, тоже под византийским влиянием, многие государи южной Италии, как ее лангобардские герцоги, так и впоследствии норманские короли. У Дюканжа приведена сицилийская грамота 1142 г., *unde dominus rex posuit suum signum per litteras rubeas*.¹

Таким образом, практика сплошных цветных текстов была исключительной. Нормально — употребление краски для отдельных строчек, отдельных слов и отдельных букв, преимущественно инициалов. В этом смысле с красною соперничали одно время и другие краски, служа иногда для выведения самого инициала, иногда только для частичного заполнения его фона цветным пятном. К последнему приему особенно охотно прибегали весьма рано ирландские писцы, чередовавшие в разных буквах или комбинируя в одной — красный, желтый и зеленый, несколько реже — голубой, лиловый цвета. Эти красочные пятна, которые, сопровождая все инициалы, а подчас все буквы начальных слов не только абзаца, но и отдельных фраз, разбросаны по странице ирландской книги, точно различных форм цветы, придают ей вид пестреющего естественным цветением луга. Континентальные рукописи расцвечивали обычно только один-два больших, начинающих новый отдел, инициала и комбинировали в нем более скромную гамму красок: в эпоху X—XI вв. — зеленую, красную, желтую, в XII в. — красную, зеленую и голубую. С XIII в., и особенно во Франции, рукописи усваивают обычай правильно чередовать только голубые и красные инициалы² и вести вдоль страницы нежные красные и голубые усики и завитки, — лазурно-алый убор, который придает такой характерный вид рукописным страницам второй половины средних веков.

¹ Du cange v. Encaustum.

² См. напр. ленинградскую рукопись F. v I № 3.

Все осложняющееся богатство цветов, какие имеет в распоряжении иллюминатор позднего средневековья, служит с этого времени не для инициалов второстепенного значения, но лишь для главного, начинающего книгу или главу, являющегося рамкой целой миниатюры. Здесь мы задеваем уже историю этого деликатного искусства, которое далеко выходит за пределы палеографии.

Но если даже не говорить о живописной, сама графическая работа не сосредоточивалась в одних руках, но соответственно распределялась. Только черный текст книги писал обыкновенный скриптор, хотя бы и каллиграф. Для всех красных мест он оставлял пустоты, которые затем заполнял специалист красных чернил,¹ — р у б р и к а т о р или м и н и а т о р. Выписыванье фигурных, разноцветных инициалов предоставлялось третьему мастеру — и л л ю м и н а т о р у. Нередки случаи, — на соответственные образцы наталкивался всякий, имевший дело с рукописями, — что только первая работа совершилась до конца. За отсутствием, вероятно, соответствующих специалистов, рукопись не дождалась ни рубрикатора, ни иллюминатора, и оставленные для инициалов пустоты остались незаполненными.

б) Золотые и серебряные кодексы

Фоны пурпурные здесь письма золотые покрыли;²
 Алою кровью гремящего царство открыто небес;
 Радости райские нам звездный чертог обещает;
 В ярком сиянии торжественно слово господне блещит.
 Божьи заветы, одетые алыми розы цветами,
 Нас сопричастными делают таинству крови его.
 В светлых же золота искрах и нежном серебряном блеске
 К нам нисходит таинственно белое девство небес.

Aurea purpureis pinguntur grammata scedis.²
 Regna poli roseo pate-sanguine-facta tonantis
 Fulgida stelligeri promunt et gaudia caeli.

¹ Minium, гласит немецкий словарь XIII в., rote dint est color rubeus quo depingui solent litterae capitales. Lazurium, pla dint, est color plaveus, vel celestis, quo etiam depingui solent litterae capitales. W a t t e n b a c h, 247.

² M. G. Poetae latini aevi carolini, 194. Перевод, близкий к буквальному, принадлежит нам.

Eloquiumque dei digno fulgore choruscans
Splendida perpetuae promittit praemia vitae.
En praecepta dei decorata colore rosarum
Munera martyrii demonstrant esse capenda,
Candida virginitas caelorum cara colonis
Auri flaventis specie hortatur habenda,
Argentique figuratur splendore micantis...

Так, облакая их торжественной символикой, возвещали придворные каролингские поэты книжную эстетику новых господ.

В век Карла Великого (к которому относятся вышеприведенные гексаметры Годескалька, являющиеся введением писца к переписанному им на пурпуре тексту евангелия), сильно оживился обычай золотых и серебряных кодексов. Но и ранее Запад его знал, хотя, несомненно, отставая в этом смысле от византийского Востока. Только там с такою определенностью отмечаются целые цехи, специальная профессия хрисографов, которую украшают имена нескольких императоров, мастеров золотого книжного искусства. До сих пор существуют известные сомнения по вопросу о его технике. Некоторые выражения дают основание заключить, что золотые буквы выводили тоненькой кисточкой, но западный монах Теофил в своем трактате *Schedula diversarum artium* употребляет только выражение „писать“, *scribere* и „золото от пера“, *aurum de penna*.

Древность хорошо знала золотое и серебряное письмо. С III же века начинает распространяться писание металлическими буквами на окрашенных пурпуром пергаменах. С торжеством церкви эта роскошная техника сохраняется исключительно для текстов евангелия и псалтыри. Она вызывала протест некоторых, аскетически настроенных, отцов церкви, опасавшихся, что отвлекаемые красотой убора, читающие мало будут вникать в глубину содержания.

Но, как и иконоборство VIII в., преследование золотого мастерства не могло остановить его успехов и славы. Церковь, чьи высшие органы сливались с господствующими классами, повелевала и хотела повелевать умом и чувством; и „церковное благолепие“: блеск и роскошь оформления церковных обрядов и предметов, импонировавших в этой форме

чувству пасомых и управлявших, поощряли одинаково церковная и светская иерархии.

Варварские короли, царственные аббаты и епископы, подражая императорам, не жалели средств, чтобы добыть искусного хрисографа и украсить свою библиотеку драгоценным кодексом. В Бреше хранится серебряное евангелие, которому традиция дает имя „бreviария королевы (лангобардской) Ансы“, в Парижской Национальной библиотеке есть памятник меровингских времен: так наз. псалтырь св. Германа Оксеррского, написанный крупным серебряным унциалом на ярко-аметистовом пергамене с выделенными золотом словами: Dei, Domini, Israel и др., в сокращениях. Ирландцы, высоко ценившие, как мы видели выше, колоритный убор своих рукописей, не знали, однако, или не приняли золотого письма, и из их кодексов никогда не сверкает искра металлического блеска. Но англосаксы, сильнее подвергавшиеся влияниям континента, усвоили этот обычай. Во вторую половину VII в. Вильфрид, архиепископ иоркский, дарит рипонской обители кодекс „чистейшего золота на пурпуром окрашенной мембране“ (Vita S. Wilfridi AA SS OSB IV 2 p. 552). Однако, характеристика кодекса как „чуда, невиданного донныне“, показывает, что в эту пору подобное сокровище было редкостью. С просьбой написать ему в золоте послания св. Петра св. Бонифаций обращается в 735 г. к настоятельнице Тентского монастыря, Идбурге.¹ Возможно, что именно женщины особенно охотно и легко усваивали искусство хрисографии. Ни один из описываемых английских кодексов не дошел до нас, и все сохранившиеся памятники — гораздо более поздней поры.

В Европе вкус к хрисографии вновь оживился с каролингской эпохой, оказавшись в соответствии с развивавшимся в ней „романским“ искусством. Мы подробнее остановимся на его образцах, в связи с каролингской реформой письма и более поздними разновидностями золотого орнамента в книгах. Здесь упоминаем только ленинградские листы Q. v. I № 8, кодексы Q. v. I № 21 и Q. v. I № 26 из музея Дубровского, полученные им, как и большинство его сокровищ, повидимому, из сен-жерменского фонда, но не носящие пометки ни Корби

¹ Заимств. у Wattenbach, 253.

ни Сен-Жермена. Во втором из них серебряный текст четырех евангелий усеян золотыми священными именами и написан минускулом IX в., в 23 линейки на небольшого (15 · 10 см) размера странице. Живописные изображения с сильным элементом золота в фонах украшают изящную книгу. Всем своим обликом она обнаруживает каролингское происхождение, но ее настоящая родина осталась загадкой.¹

Другой кодекс, Q v I 21, с золотым письмом на белом пергамене, алыми лентами для заголовков и превосходными золотыми инициалами, всем своим стилем графическим и художественным, облачает знаменитую мастерскую обителя Мартина Турского.²

В X в. вообще металлическое письмо начинает выходить из употребления после того, как из книг оно одно время, — по крайней мере, в Италии, Германии и Англии, — перекочевало в дипломы. Известны золотые грамоты Оттона I (962 г.) в пользу римской церкви, Оттона II (972 г.), Конрада II (1035 г.), Генриха IV (1079 и 1095).³ В Италии найдены даже частные хартии, целиком написанные золотом. Во Франции дипломатические акты всегда остались в черных чернилах. Но если применение золота и серебра в ней было относительно коротким для сплошных текстов книг, тем более пышным явится его дальнейший расцвет в инициалах, в орнаментах и миниатюре. Здесь, однако, будет идти речь уже не столько о металлических чернилах или металлической краске, сколько о настоящем золоте в листочках, накладывавшемся на фон пергамена.

IV. ОРУДИЯ ПИСЬМА

Библиография. W. Wattenbach. *Op. cit.* Глава: Schreibwerkzeuge, 219—232. — O. Dobiaš-Roždestvenskaia. *Les origines de l'écriture, dite gothique. Mélanges Lot.* Paris, 1926. — Eadem. *Corbie.* — Превосходное популярное изложение и рисунки см. у Milkau, *op. cit.*

От исхода античности до начала классического средневековья (V—XII вв.), три группы терминов звучат, в соответствии с тремя типами орудий, сменившихся в эти века в практике письма.

¹ Автор, *Corbie*, 175, склонен считать кодекс корбийским.

² Ср. автора, *Corbie*, 106 и Rand, A. *Survey*, № 102.

³ *Giry. Manuel de diplomatique*, 503.

Одна—„стиль“, *stilus*, впоследствии—*graphium*: металлическая, железная или бронзовая, палочка, на одном конце заостренная для писания и на другом закругленная для затирания написанного. Имя „стиля“ отошло с античностью. Тем тверже держалось, пройдя через бенедиктинский устав (см. выше, стр. 25) имя *graphium*. Самый же предмет сберегли меровингские клады.

Другое имя — *calamus*, *harundo*: заостренная камышевая тростинка, особенно подходящая, если делалась из италийского камыша (север уже не давал столь совершенного материала), а впоследствии — деревянная палочка. В VI в. Исидор говорит о каламе, как о соперничающем с пером.

Наконец перо, птичье перо: *penna avis*, которое можно заострить и расщепить, при помощи одного только очень острого ножа. Перо появляется в иконографии ирландских евангелий VIII и IX вв., но только в руках евангелиста Иоанна. Остальные евангелисты до XI в. будут вооружены каламом (см. наш, цитируемый в библиографии, этюд).

Каковы действительные отношения пера и калама в века VI — XI, когда два авторитетных писателя говорят о них? „Орудия писца,—говорит в VI в. Исидор (*Origines VI 13*),—калам и перо. Ими наносятся слова на страницы. Но калам—из дерева; перо же—птицы, чье острие делится на двое. . .“ В XII в. Петр Почтенный говорит в одном из своих писем (*MPL CLXXIV 606*) о „книгах, писанных птичьими перьями или каламами болотистых мест“ (*calamis palustrium locorum*).

Темный вопрос этот все еще разрешается путем гипотез. Есть догадка, что именно вступлением пера следует объяснить в VII в. изменение унциала (см. ниже стр. 69). Есть и другая догадка: что господством пера объясняются ломаные формы готического письма и его победа в XII в. В XII в. канонические изображения, всегда запаздывающие сравнительно с действительностью, рисуют однако всегда перо в руках евангелистов, а многочисленные литературные свидетельства этого века уже почти исключительно говорят о перьях гусиных, лебединых, павлиньих и металлических.

Б.

РАЗВИТИЕ ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА в РАННИЙ ПЕРИОД (I—VIII вв.)

I. ОБЩИЕ ОСНОВЫ

а) Элементы латинского алфавита

Библиография. Общая история алфавита: Taylor. The Alphabet. 2 Ed. London, 1899.—Ph. Berger. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. Paris, 1891.—H. Jensen. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925.—Lenormant. Alphabetum (Daremberg et Saglio. Dictionnaire des Antiquités).

Для древнейшей истории латинского письма руководства по эпиграфике: R. Sagnat. Cours d'épigraphie latine. 4-e éd. Paris, 1914.—E. Hübnér. Römische Epigraphik (Iv. Müller. Handbuch Bd. I, München, 1892).—Там же литература. Картины развития тех изменений письма, которые отмечаются ниже по большим периодам, можно проследить по руководствам и собраниям факсимиле, которые мы указываем в общей библиографии.

Как многое в античной культуре, латинский алфавит ведет начало из Египта. Идеографический принцип письма—живописное изображение самых предметов или символов идей—в древнем Египте с течением времени начинает сочетаться или уступать место силлабическому принципу: рисунок, выражавший известное представление, идею, теперь уже начинает обозначать первый слог того слова, т. е. сочетания звуков, которое само только символизировало идею,—чтобы, наконец, привести к фонетическому принципу, в силу которого рисунок, все более схематизирующийся, служит знаком отдельного звука,—обычно начального звука того слова, которое соответствовало в данном языке идее рисунка. Таким образом, в этой фазе письма в схематизированных рисунках мы уже имеем дело с буквами,—символами звуков, которые, вступая во всевозможные комбинации друг с другом, могут выразить всю бесконечность слов любого языка. Приняв эти знаки, финикийяне несколько переменили их порядок и дали им другие имена,—в связи с иным звуковым соответствием того же рисунка. В значительном большинстве этих финикийских знаков уже предчувствуются буквы греческого алфавита, точно так же, как большинство семитических названий перешло почти неизменными в греческий язык (aleph-alpha, beth-beta, kaph kappa

и т. д.). Подобно семитам, и греки вначале писали справа налево, но вскоре усвоили переменный метод, „борозды“, или „бустрофедона“, при котором одна строка пишется в направлении слева направо, а следующая идет в обратном направлении. В период колонизации, шедшей на Запад из Халкиды, около IX — VII вв. до н. э. письмо проникает в Италию. Следуя за греческим образцом, италики создали ряд своих, несколько варьирующих (у латинян, фалисков, этрусков, умбров, осков) алфавитов. В сохранившихся латинских, как и греческих, надписях письмо справа налево лишь постепенно уступает бустрофедону и письму слева направо. Борьба между областными соперничающими разновидностями письма в Италии в V и IV вв. была преодолена влиянием латинян и политической гегемонией Рима.

Латинский алфавит принял двадцать знаков из греческого западного алфавита: ABCDEFHIKLMNOPQRSTVX (в эпоху Квинтилиана буква X была „ultima nostrarum“) — и присоединил дополнительные три: G, Z, Y.

Так как латинское Z совпадает с звуком S, то zeta сперва был отброшен латинским алфавитом. Однако, впоследствии, в целях транскрипции греческих слов, он вновь был принят, но отнесен на конец алфавита, ибо его прежнее место занято было буквой G.

Потребность в этой последней была признана не ранее середины III в. До этого времени буква C удовлетворяла выражению звука, в котором, вероятно, сближались более поздние G и C, как видно из сокращений: C для Gaius и Cn. для Cneius. Однако с течением времени, уловленный ухом или развившийся определеннее, оттенок вызвал образование новой буквы, которая поставлена была в алфавите на месте отброшенного Z.

Греческий Y со времен Цицерона, для нужд, аналогичных с теми, которые вызвали Z, был адаптирован в латинский алфавит в его греческой форме Y.

в) Общие законы развития латинского письма

В огромном разнообразии алфавитных форм — всего, что написало и выгравировало западно-европейское человечество на протяжении своей грамотной жизни, мы ищем общих за-

конов, направлявших эту созидательную стихию. Мы ищем внутренних мотивов, которые стимулировали творчество форм, лежали в основе зрительных впечатлений и моторных движений, определяя образ буквы, течение строки и физиономию страницы.

Они кроются, как это бывает всегда в процессе воплощения, в разнообразных факторах, сводящихся, в общем, на фоне социального окружения, определяющего труд писца, к условиям техники письма, к темпераменту пишущего и к требованиям эстетики читателя и писца. Мы имеем в виду всю сложную комбинацию действующих здесь влияний: сопротивление или податливость материала,— как того, на котором пишут, так и того (орудия), каким пишут,— внутренний ритм работы, сосредоточенность или рассеянность, спокойствие или волнение, искренность или вычурность пишущего, потребность экономии затрачиваемого усилия и употребляемого времени, расчет впечатления целого, его доступности и его красоты. Совокупностью этих мотивов, с вариантами преобладания одних над другими, определяются бесконечные варианты исторического письма.

В классификации письма, в частности западного, теория палеографии, в качестве самых общих и, по первому впечатлению, формальных категорий, установила два основных типа письма:

1) письма маюскульного, *scriptura majuscula*, определяемого границами двух параллельных линеек и не выбрасывающего (вернее: почти не выбрасывающего, ср. стр. 63) за их пределы никаких элементов букв, и

2) письма минускульного, *scriptura minuscula*, определяемого четырьмя параллельными линейками, из коих две внутренние заключают то, что можно назвать телом буквы, а две внешние дают границы, вытягивающихся вверх (у букв *b, d, f, h, l*, впоследствии *t*) и вниз (*f, s, p, r*) осей, петель, крюков и т. д.

Определение чисто формальное, которое несомненно поддается разработке.¹

¹ Одна из остроумных попыток такой разработки намечена была недавно в этюде (пока неизданном) Ю. Я. Перепелкина „О происхождении минускула“. В буквах минускула, кроме признака „четырёх линеек“, он отмечает „недетализованность телец букв“, в противоположность детализации маюскульной буквы: условия четкости и потому массовой доступности алфавитов античности.

Выражение графического богатства прошлого можно наблюдать на представленных любым палеографическим альбомом¹ типах латинского письма, где в исторически закрепленных разновидностях, отмеченных именами „капитального письма“: „монументального“ и „рустичного“; далее—унциала, полуунциала, (семиунциала), курсива обиходного и дипломатического разных римских провинций, каролингского и послекаролингского минускула, „готического“ („монашеского“) письма и круглой возрожденной *antiqua*, наконец, в вычурных „куриалах“ и небрежных курсивах XV—XVII вв., проявились все вышеупомянутые тенденции.

I. Из них одна—тенденция создать письмо вечное и четкое,—в борьбе резца и молотка с твердым материалом камня и металла—определила классические, ясные формы капитального письма: *scriptura capitalis monumentalis*. Созданное на твердом материале, монументальное капитальное письмо перенесено было на папирус,—впоследствии на пергамен и бумагу. Но здесь, поскольку оно осталось неизменным в своих формах, оно сохранено было в дальнейшем только для инициалов, титулов и заглавных строк. Это письмо нынешних „больших букв“.

II. Тенденция к четкости и красоте, достигаемым хотя бы путем относительно медленной вырисовки букв на мягком материале, создала различные формы книжного письма. Их обозначали книжники римско-христианской эпохи, как *littera libraria*. Впоследствии Мабильон и Папebroх (см. ниже стр. 97) дали их совокупности имя *scriptura litteratoria*, а немецкие ученые—имя *Buchschrift*. Этими формами, с изобретением тиснения, вдохновлялся печатный станок. В роли

¹ См. альбомы: Arndt-Tangl, *Schrifttafeln zur Erlernung der lat. Paläographie*.—M. Prou. *Manuel de paléographie latine et française, Album*. P., 1924.—*Idem*. *Recueil des facsimilés d'écritures du V au XVII siècle*, P., 1910.—Fr. Steffens. *Lateinische Paläographie*. L. Delesle. *Le cabinet des Manuscrits de la Bibl. Impériale*. Paris, 1868—1881. Vol. 4, *Album*.—A. Chroust. *Monumenta palaeographica, etc.* München, 1899—1931.—*The new paleographical Society, etc.* Lond., 1903—1912. Вторая серия начата в 1913 г.—См. список собраний у Prou. *Manuel*, 294 л.; наконец, таблицы, выходящие приложением к настоящему изданию.

книжного письма, как указано, не могло сохранить долгую жизнь перешедшее на папирус и пергамен капитальное письмо.

Смягчаясь некоторым уклоном к быстроте, оно, в особенности на гладком и удобном материале пергамена, примет, под явным влиянием курсива, группу своеобразных форм и явится в виде унциала, затем полуунциала (семиунциала), и даже четверть-унциала (квартунциала), чтобы в дальнейшей эволюции дать минускул: строчное письмо IX—XII вв. и готическое письмо XII—XVI вв.

III. Стремление к быстроте и удобству, при возможной четкости, создало разнообразные разновидности обиходного письма, курсива: *littera cursiva*, *Bedarfschrift*. Главная характеризующая его тенденция: стремление писать, не отнимая стиля (соответственно, калама и пера), сберегая труд и время. Отсюда — связываемые одним непрерываемым движением пера формы букв, сильный наклон их вправо и обилие лигатур. Собственно курсив естествен только на мягком материале и потому по существу входит в область ведения палеографа. Но курсивные формы появились уже в надписях, в тех случаях, где их приходилось не высекать или вырезывать, но вырисовывать или вычерчивать: таковы курсивы помпейских стен и восковых табличек.

IV. Стремление к характерности и вычурности, хотя бы за счет (и даже намеренно и преимущественно за счет) удобочитаемости. Это письмо, представляя разновидность курсива, осложняло его вышеуказанными особенностями и было письмом канцелярий, — письмом грамот. Стиль его заботливо и веками оберегала от изменений корпорация писцов.

Древние антикварианты дали ему имя *littera epistolaris*, палеографы XVII в. — *scriptura diplomatica*; немецкие современные палеографы — *diplomatische Schrift*. Насколько глубоко проходило в жизненной практике различие между мастерством книжного и искусством эпистолярного письма (обиходное не нуждалось в такой специальной школе) видно из того, что как в греческом, так и в латинском мире очень определенно различались специалисты того и другого умения. Канцелярским писцам, — *ταχυγράφοι*, *notarii*, *tabelliones*, противопоставля-

лись книжные: βιβλιογράφοι, κληήραφοι в греческой античности, и scriptores, antiuarii, librarii — в латинской.¹

Таковы основные тенденции, руководившие созданием алфавитных форм в постоянных колебаниях между двумя крайними „полюсами“: монументальным капитальным письмом и самым быстрым, полным движения и лигатур, курсивом. В их исторической смене и комбинации можно ли уловить какой-нибудь эволюционный закон? Повидимому, да, и поскольку, конечно, мы не придаем ему, как и всякому эмпирическому обобщению, абсолютного значения, формула его представляется в следующем виде, — для истории, по крайней мере, латинской палеографии.

I. Ранний классический период. Относительная немногочисленность и чистота, а также взаимная далекость типов. Монументальному (и папирусному), чистому капитальному письму противостоит трудный и небрежный курсив (помпейских стен, восковых табличек, свинцовых пластинок, черепков и папирусов).

II. Поздний классический период. Появление промежуточных форм: рядом с монументальным письмом отчетливее определяется письмо рустичное, смягчается на пергамене в унциальное, делая шаг по направлению к курсиву. Со своей стороны, курсив, упорядочиваясь и совершенствуясь, является в виде среднего и позднего римского курсива императорских и равенских грамот (материал — папирус и пергамен).

III. Раннее средневековье. Возрастающая пестрота письма. При отсутствии индивидуальных отличий богатство провинциальных или, как их обозначала палеографическая теория XVII в., „национальных типов“, более всего — в области дипломатического курсива, весьма, в большинстве случаев, грубого, варварского и своеобразного. Унциал, сохраняющийся, в общем, почти неподвижно в книжном письме, делает еще дальнейший шаг к сближению с курсивом в промежуточной

¹ Диоклетианов эдикт о ценах оценивает 100 строчек работы „скриптора“ в 25 денариев и ту же работу „табеллиона“ в 10 денариев. За обучение разным типам письма полагалось нотарию 75 денариев в месяц, а „либраю“ или „антиварию“ 50: Scriptori in scriptura optima versibus numero C. den. XXV, sequentis scripturae versuum numero. C. den. XX. Tabellioni in scriptura libelli vel tabularum in versibus numero C. den. X. Изд. текста Mommsen'ом CIL III 2 831.

форме полуунциала (семиунциал), и четверть-унциала, гибернского (ирландского) письма. В области курсива заметен уклон к ассимиляции унциала в вестготском письме. Таким образом, задержанная и осложненная вторжением варварской стихии, эволюция латинского письма продолжается в направлении сближения крайностей и образования промежуточных типов (материал — пергамен).

IV. Ее венец в эпоху каролингского ренессанса — в создании каролингского минускула. Красивый, четкий, легко читаемый шрифт, он по быстроте и удобству писания (отдельные его буквы пишутся, не отнимая руки от пергамена, и так как они соединяются лигатурами, то и целые слова в нем выводятся непрерывным движением пера) отличается всеми преимуществами курсива. Но, вместе с тем, это письмо настолько переработано влиянием унциала, что, при своей ровности и элегантности, может служить и действительно служит целям книжного письма. С его созданием и постепенным совершенствованием в XI и XII вв. разнообразие местных и иных типов все больше ассимилируется ему и в нем исчезает. История взаимного тяготения друг к другу курсива и унциала нашла в нем свое завершение. Книжное, обиходное и дипломатическое письмо в большинстве памятников больше не отличаются друг от друга.

V. Но эта классическая эпоха органически созревшего письма — канун нового декаданса. Огромное разномыслие пишущей интеллигенции, демократизация „священного“ искусства грамоты, начинающееся вместе с нею спешное, неряшливое пользование драгоценным орудием открывает простор всем уклонениям небрежности и всем прихотям личного вкуса. Зато индивидуальность пробивает себе все больше пути в ставшем всем доступным искусстве и устраняет доминирующее значение школы (материал этого периода — пергамен и наряду с ним, а под конец уже почти исключительно, — бумага).

VI. Книгопечатание застало в области книжного письма два конкурирующих типа: монашеского угловатого (так наз. готического) письма, особенно излюбленного с XIV в. в странах германской культуры, и возрожденного каролингского круглого письма, так наз. *antiqua* или *gotica*, которое пре-

обладало в Италии и Франции. Гутенбергово изобретение закрепило эти типы, в качестве „преимущественно романской“ или „преимущественно германской“ разновидности *litterae librariae*. Высокое совершенство литой буквы и переход книг на тиснение освобождают книжного писца от главного мотива его усилий. Великая реформа разрушила школы письма и сделала ненужными высоко реномированные скриптории. Обычное письмо, предоставленное случайностям индивидуальных исканий, развернется в неподдающееся классификации богатство проявлений, где находят выражение все оттенки дурной и хорошей подготовки.

Эти общие положения надлежит проверить на более внимательном изучении отдельных типов.

Мы хотели бы, однако, предпослать ему одно замечание общего характера из глубокого этюда Штейнакера:¹

„Генеалогия шрифтов всегда будет до известной степени необходимым злом. Но она не должна остаться последним словом палеографии (стр. 132). Развитие письма, как выражение и воплощение культуры и ее связей не может быть исчерпывающе охвачено под аспектом „шрифтовой категории“ (*Schriftart*). Реальным и первичным являются известные шрифтовые тенденции... Так, унциальная тенденция к закруглению гораздо старше, и ее область простирается дальше, чем область унциального и полуунциального письма. И действует она и после возникновения этих категорий не только при их посредстве, но совершенно независимо, именно как тенденция, которая усваивается глазу и руке пишущего человека и выражается различно, в зависимости от материала и орудия письма, а также изменяющегося „чувства письма“. И, как к унциальному округлению, существуют тенденции к образованию угловатому, маюскульному и минускульному, к письму стоячему или наклонному, к несвязанному или связанному (курсивному), к четкой или нечеткой манере, к регуляризации и стилизации письма по величине и форме, к ассимиляции букв и их частей или их диссимиляции, к неравномерности, многообразию, к свободе (или связанности) образа письма...“

¹ H. Steinacker. Zum Liber diurnus und zur Frage nach dem Ursprung der Frühminuskel. *Miscellanea Francesco Ehrle*, IV (1924).

II. КНИЖНЫЕ ТИПЫ ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА

а) Капитальное письмо

Библиография. Для этой и последующей главы (античные курсы) основное руководство: Schiapparelli. См. нашу библиографию № 14.

Специальные альбомы, посвященные древнейшему латинскому письму. H. Zangemeister et G. Wattenbach. *Exempla codicum latinorum litteris maiusculis scriptorum*. Heidelberg, 1876. Suppl. 1879. — C. Wessely. *Schrifttafeln zur älteren lateinischen Paläographie*. Leipzig, 1898.

Обозрение письма надписей можно найти у Hübner. *Exempla scripturae epigraphicae Latinae*, 1805.

Перечень всех сохранившихся рукописей, исполненных в капитальном (квадратном и рустичном) письме, см. у Traube. *Vorles.*, I, 161 — 171.

Перешло ли действительно, и когда именно, на папирус и пергамен „капитальное письмо“ надписей, каким мы его видим в Августов век и далее почти неизменным, в эпоху императоров, его преемников?

В эту эпоху на своем бронзовом или мраморном фоне, оно являет все черты вечного, спокойного, широкого и бесхитростного письма. Ширина каждой буквы равняется приблизительно двум третям ее высоты. Закругления букв С, О, D представляют почти правильные дуги.¹ Горизонтальные линии букв Т, L, E строго перпендикулярны к их вертикальным осям. Те и другие имеют на концах небольшие правильные замычки. Чередование утолщенных черт, выражающих как бы фас соответственных частей буквы, и волосных линий, выражающих их профиль, строго выдержано. Буквы укладываются в „две линейки“, и только L и F слегка подымаются за пределы верхней. Буквы каждой строки следуют на равномерных расстояниях одна за другой, и слова друг от друга ничем не отделены. В этом, да еще в нескольких, немногочисленных аббревиатурах,² — единственная трудность этого превосходного письма. Его характер соответствует своей цели: объявлять с высоты таблицы, стелы или триумфальной арки, видимых на расстоянии, о памятных событиях, возвещать законы или закреплять посвящения в понятном, простом и величавом воплощении. Соответственно этой цели медленно вырабатывает каждую букву резец или молоток.

¹ Все эти наблюдения читатель проверит на прилагаемом в табл. II, образце капитального письма.

² См. ниже главу Д.

Многочисленные исследования и описания древнего маюскула, главным образом в лучшем его выражении — квадратном капитальном письме — метко подчеркивают в нем ему имманентные черты, в качестве орудия свободной демократической античности. Рожденный очень живой общественностью, он в своих формах и технике отразил основное стремление: быть понятным, доступным широкому читателю. В падении общественных форм — одна из причин его вырождения.

Уже на камне это благородное и четкое письмо имело конкурента в худшем и смутном типе *scripturae actuariarum*; на папирусе, соответственно, — „рустичного письма“, *scriptura rustica*.¹ Этот „деревенский“ родственник квадратного письма отличается от него общим впечатлением, но также и известными определенными признаками. Знаменатель отношения высоты к ширине не менее двух. При общей сжатости и узости буквы, особенно поражают малыми размерами верхнее закругление у R и B; горизонтальные черты у E и T, весьма короткие и не прямые, скашиваются или изгибаются. Косые элементы букв A и M также слегка изгибаются, A потеряло свою перемычку. Расстояние между отдельными словами по-прежнему не больше, чем между отдельными буквами, но зато границы между ними отмечены точками, стоящими приблизительно на середине высоты букв. V обнаруживает тенденцию скруглиться внизу, предвещая унциальное U.

Таким образом, даже на твердом материале капитальное письмо изменило своей строгости. Но когда на место камня вступил мягкий материал, и вопрос стал о текстах, гораздо более длинных (целых, положим, литературных произведениях), не в такой уже мере торжественно-вечных, могло ли удержаться квадратное или даже рустичное капитальное письмо? И можно ли думать, что у писца явится мотив и охота выводить в этом письме, с его системой вырисовки отдельных букв, целые трактаты или поэмы?

Повидимому, в этом не было практического смысла, но вместе с тем несомненно, что еще в течение нескольких ве-

¹ Образцы капитального письма на твердом материале см. у Zange-meister et Wattenbach. *Exempla codicum latinorum litteris maiusculis scriptorum*, Heidelberg, 1876—1879. Также: CIL T. III *Exempla scripturae epigraphicae latinae*, ed. Hübner, 1885. См. табл. II, фиг. 3 и 4.

ков капитальное письмо служило этой цели. К сожалению, мы вовсе не имеем возможности наблюдать процесс перехода письма с камня на папирус. Один из характернейших сохранившихся образцов латинского письма на мягком материале открыт был в отрывках поэмы о битве при Акции, и Геркулане, ¹ стало быть, во всяком случае, он несомненно ранее разрушения этого города извержением Везувия в 79 г. н. э. Рустичное письмо этого папирусного свитка, несколько менее правильное, нежели в современных ему надписях, в общем, воспроизводит их стиль. Но трудно сомневаться, что сохранись у нас более полная картина папирусного римского письма, мы нашли бы в нем древнейшие образцы, написанными в более типичном монументальном письме: квадратном „капитальном“. Игра случая сделала то, что подлинное предание этого, повидимому более раннего, письма дошло до нас в более поздних и даже относительно весьма поздних образцах.

Все эти образцы уже не папирусные свитки, но пергаменные кодексы.

Почти все они — замечательный факт — представляют различные отрывки из Энеиды Вергилия.

В цитированных выше изданиях Цангемейстера и Ваттенбаха, ² так же, как и в изданиях Английского палеографического общества, ³ можно видеть образцы этих величественных кодексов. Исчерпывающий список всего, что сохранилось от латинского квадратного (4 образца) и рустичного (23 образца) капитального письма, составлен по запискам Людвиг Траубе его учеником Р. Lehmann'ом и вышел в посмертном издании его *Vorlesungen und Abhandlungen, I Band: Zur Paläographie und Handschriftenkunde, 161.* — Для каждой рукописи Траубе дает: указание ее происхождения, *Schrifttheimat*, буде он мог его определить; местонахождения, *Bibliothektheimat*, и указание ее изданий, факсимиле и описаний. Дата этих кодексов была предметом энергичных исканий и

¹ См. *Fragmenta Herculanensia*, ed. W. Scott. 1885. Также Zangemeister et Wattenbach, *op. cit.* tab. I—IV.

² См. примеч. на стр. 58. В этом издании интересующие нас факсимилиа можно видеть в таблицах 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 14-а, 15.

³ *Palaeographical Society*, I, pl. 113—114 и 86.

жарких споров. Из них знаменитейшие, коих подробную библиографию и указания факсимиле см. у Traube, Vorl., I: семь листов текста Вергилия, в рукописи квадратного письма от библиотеки Сен-Дени, получившей имя Dionysianus и поделенной между Берлином и Римом. Этот mss. относят к концу IV в. (Traube, № 2).

Одиннадцать листов того же автора в том же письме, IV или V вв., хранящиеся в Сен-Галленской библиотеке в Швейцарии. Traube, № 1.

Палимпсест — отрывок речей Цицерона против Верреса, в рустичном письме, хранящийся в Ватикане и относимый к IV в. (Traube, № 19).

Кодекс Вергилия, известный под именем Romanus, и другой, под обозначением Palatinus, — оба в рустичном письме весьма архаического вида, близкие к надписям I в., по типу начертания, которое само по себе могло бы дать основание отнести их также к этой эпохе, если бы характер сокращений, варваризмы языка, грубый характер иллюстрирующих Codex Romanus рисунков и ряд иных соображений не заставляли исследователей передвинуть дату вплоть до VI в.¹ (Traube, №№ 12 и 17).

Не менее знаменитыми считаются еще два вергилиевых кодекса. Один — интересно иллюстрированный рисунками, воспроизводящими гораздо более древний образец; он известен под именем Vergilius Vaticanus (Traube, № 10). Другой — Медичейский Вергилий из Флорентийской Лоренцианской библиотеки (Traube, № 1). Этот последний замечателен тем, что в его лице мы имеем, наконец, единственный кодекс в капитальном письме, который можно точнее датировать: он был читан, размечен и корригирован неким Терцием Руфом Априаном Астерием, который занимал должность consul ordinarius в 494 г.

Одинокие образцы книг в капитальном письме еще встречаются в VI, VII и даже начале IX вв. Таковы стихотворения Пруденция в Парижской Национальной библиотеке, Туринский Седулий, Утрехтская Псалтырь. Следует также, в особенности, отметить один особенно интересный для русского читателя драгоценный фрагмент кодекса VIII в., который на-

¹ Ср. L. Traube. Strena Helbigiana.

писан на пурпуровом пергамене золотом в рустичном капитальном письме. Принадлежавший некогда Корби, затем Сен-Жермен-де-Пре, где он носил № 603, он затем со всем „фондом Дубровского“¹ перешел в нашу, ныне Государственную публичную библиотеку. Это — отрывок из евангелия Матфея. Но в сколько-нибудь значительных размерах конец V в. был границей применения капитального письма. Освобожденное, наконец, от противоестественной роли — служить для воплощения длинных текстов, — капитальное письмо сохранилось для заглавных строк, для инициалов и в некоторых исключительных случаях для целых (обычно начальных) страниц.

Роскошные каролингские библии дают образцы такого употребления этого пережитка каменного письма. В качестве титулов, инициалов и „больших букв“, оно существует и донныне.

Весьма замечательно, что, повидимому, поэма Вергилия была тем текстом, ради которого преимущественно доживало на пергамене это торжественное и медленное письмо. Как текст Гомера наполняет почти все сохранившиеся литературные греческие папирусы, а библия — все ценнейшие и древнейшие пергаменные греческие кодексы, Вергилий связал с собою и, быть может, продолжил за его естественные границы применение классического письма. Все три книги были, каждая по свосму, величайшими книгами своей эпохи. „Гомер в греческом мире, Вергилий в классическую эпоху Рима, библия в первые века христианской церкви заполняют собою огромное, исключительное место, на какое не могут претендовать другие книги их поры“.²

б) Унциал³

Библиография. Специальный альбом, иллюстрирующий унциальное письмо, кроме уже цитированного в предыдущей главе Zangemeister etc., можно найти в E. Châtelein. *Uncialis scriptura codicum latinorum novis exemplis illustrata*. Paris, 1901 — 1902. — Перечень унциальных рукописей всего мира у Traube, Vorl. I, 171 — 261.

¹ См. ниже.

² Thompson. *Introduction to greek and latin Palaeography*. Oxford, 1912, 273.

³ См. образец унциала на нашей табл. II, фиг. 4.

Помимо указанного выше труда Schiaparelli, много материала для изучения унциала, особенно древнейшего, дают работы E. A. Lowe. A sixth century fragment of the letters of Pliny the Younger. Washington, 1922.

Происхождение этого имени, как и письма, им обозначаемого, тонет в скользкой терминологии средневековых антиквариатов и в неясных, — за недостатком материала, — отношениях между эпиграфическим и палеографическим преданиями. Евсевий Иероним в V в. (Prefatio in librum Job. MPL XXXVIII, col 1142), Луп Ферьерский (Ibid. CXIX, col. 448) и анонимный комментатор Доната¹ в IX и X вв. употребляют слово litterae unciales в смысле крупных, толстых букв, обнаруживая тенденцию отождествлять их с „начальными“ (initiales). „Некоторые буквы называются унциальными, — объясняет последний из цитируемых авторов, — те, что особенно велики (maximae sunt) и пишутся в начале книг“ (in initiis librorum).²

Следует ли производить, полагаясь на эту этимологию, слово uncialis от меры uncia (≈ приibl. дюйму), или, не доверяя толкованиям комментаторов, по исходя из впечатления самого письма, связать его со словом uncus, крюк? Общее впечатление этого письма — его большая мягкость и округлость. Оно избегает остриев и углов и, где возможно, скругляет ломаные линии в изгибы, а прямые — в дуги. В этом смысле отдельные формы унциального стиля появляются задолго до его господства в IV в. Они наблюдаются изолированно в различных курсивах и весьма часты среди капитального письма надписей. Но совершенно очевидно, что на самом камне они появляются только, как результат подражания письму рукописному, что не на нем они создались, и плохо вяжутся с его техникой. Их смысл — возможно сократить затрату сил и времени, связывая несколько элементов буквы в один и добиваясь возможности вывести ее одним непрерывным движением руки. Восемь или девять букв считаются, вообще говоря, особенно характерными для унциала, и в иных случаях мы можем наблюдать, в других вообразить, каким путем переходных форм и естественных движений руки в особенности на гладком фоне пергамента могли они получиться из угловатых и изолированных форм капитального письма.

¹ См. Traube. Perrona Scottorum, 533.

² Quaedam litterae enim unciales dicuntur, quae et maximae sunt et in initiis librorum scribuntur.

Этот процесс для девяти характерных букв, где, путем постепенных скруглений, из капитальных форм букв *A, D, E, G, H, M, Q, T, V* получились формы

a d e s h m q t u

Этот процесс может быть мысленно восстановлен, по образцу хотя бы того, какой открывают в рукописной эволюции последовательные изменения буквы *H*, совершившиеся уже в стеновых надписях и на папирусе.

h h h h h

См. аналогично для буквы *E* у Prou, p. 62 и т. п. Из этих „девяти“ впрочем правильно П. Леман считает менее характерными *G, T, U*, а Скьяпарелли вводит в список „унциальных“ только *A, D, E, M*, относя *h* и *q*, а также *T* — к минускульным.

Каково бы ни было происхождение и первоначальные судьбы унциальных форм, их сильный расцвет связан с торжеством пергамента, стало быть, мы можем датировать его отчасти III, но преимущественно IV веком н. э. Вместе с пергаменным кодексом унциал есть внешний спутник книжной христианской литературы, ее *littera libraria*, ей присущая *Buch-schrift*. Он господствует в ней от IV до VIII в., составляя сакральное искусство иноков, гордость обительских скрипториев. Особенной свободой и отчетливостью характеризуется он в V и отчасти VI в. Затем чувствуется в нем мутность и небрежность, — иногда декаданс, иногда искусственность и напряженность (замена калама пером?), тщательность в выведении букв, в VIII в. — даже прямая порча форм. Но в VIII в. мы уже накануне каролингской реформы письма.

Всемирную известность получили старейшие из сохранившихся кодексов в унциале: относимые к IV в. отрывки Цицероновой *De republica* — рукопись-палимпсест в два узких столбца, по 15 строк крупного четкого письма, хранится в Ва

тикане;¹ Верчелльское евангелие,² приписываемое самому Евсевию, поэтому относимое ante 371. Париж³ хранит весьма древний образец унциала, содержащий текст постановлений собора в Аквилее 381 г., который, повидимому, написан только несколько позже этого года. Берлин гордится одной из старейших пасхальных таблиц,⁴ отнесенных Моммсенем к 447 г. Библиотека Кельнского соборного капитула обладает старейшим каталогом пап,⁵ который был написан при папе Агапите в 535 или 536 гг. Образцы унциалов различных веков собраны в цитируемых нами (в примечаниях) изданиях: немецком — Ваттенбаха, французском — Шателена и английском — Палеографического общества. В приложении к цитированной книге Traube⁶ сделана попытка полного списка унциалов IV—VIII вв. Отсылая к ним читателя для иностранных рукописных хранилищ, мы даем в следующем ниже экскурсе описание унциалов, которые хранит Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

*с) Унциалы Государственной Публичной библиотеки
им. Салтыкова-Щедрина*

1. Здесь прежде всего выдвигается загадочный mss. Q. v. I № 12, которого ни родина, ни библиотека не оставили следов в традиции, но который по характеру покрывающего его крупного унциала может быть отнесен к самому началу V в. Это одиночный лист из евангелия от Луки в 20×19.5 см,⁷ покрытый в два столбца, каждый по 23 строки, четким письмом. Его описание и факсимиле имеется у Dom Antonio Staerk (Les manuscrits de St. Pétersbourg, p. 1) и в нашем Catalogue под № 2.

¹ См. Zangemeister-Wattenbach, 17 и Palaeogr. Soc., I, 160. Ватиканская библиотека ныне готовит полное факсимиле этой рукописи.

² Ibid., pl. 20.

³ Bibliothèque Nationale, lat. 8907. Châtelain. Uncialia scriptura, pl. XI.

⁴ Berlin, Kaiserliche Bibliothek, lat. 40298. Zangemeister-Wattenbach, 23.

⁵ Ibid., pl. 37 et 38.

⁶ Vorlesungen u. Abhandlungen, 171 sqq.

⁷ Здесь указываем только размеры текста; размеры листов см. в нашем Catalogue.

В следующем далее ряде рукописей большинство собирается в цельную группу одного происхождения или, по крайней мере, прошедшую несколько совместных этапов по пути в Государственную Публичную библиотеку. Они до XVII в. хранились в знаменитой, основанной в VII в. с участием англо-саксонских писцов, в соседстве Амьена, Корбийской обители, частью написаны были ими и в ней, все попали в библиотеку Сен-Жермен-де-Пре в Париже, в период, когда бенедиктинцы конгрегации св. Мавра создали в этой обители свой научный и издательский центр и собирали в ней целыми фондами старые рукописные библиотеки; все исчезли в эпоху Французской Революции, будучи кем-то украдены, и затем проданы в Париже Дубровскому. Большинство их описано в сочинении Leopold Delisle, *Le Cabinet des manuscrits*; у Montfaucon, *Bibliotheca bibliothecarum*; у Dom Tassin et Dom Toustain, *Nouveau traité de diplomatique*; у Gillert, *Lateinische Handschriften in St.-Petersburg* (в *Neues Archiv* V и VI); у Châtelain, *Uncialis scriptura*; у Dom Antonio Staerk, в его цитированном выше издании; наконец, в приложении к упомянутому выше сочинению Traube, *Vorlesungen und Abhandlungen*, гл. *Die lat. Handschriften etc.*, а также в цитированном сочинении автора *Histoire de l'atelier graphique de Corbie etc.* и в редактированном им *Catalogue des anciens manuscrits*. Здесь мы будем ссылаться только на последний (где имеются указания на все другие важнейшие описания), а также на доступные факсимиле Staerk'a и, где нужно, на наше исследование, Corbie. Добавим, наконец, что миниатюра и орнаментальные элементы наших кодексов представлены в прекрасном альбоме H. Zimmermann, *Vorkarolingische Miniaturen*, Berlin, 1916.

2. Из них по характеру унциала древнейшим представляется написанное в Италии или Африке собрание некоторых второстепенных сочинений бл. Августина.¹ Это — кодекс Q. v. I № 3 в 153 листа 21.1 × 19.1 см, коего листы покрыты, как это очень обычно для унциала, письмом в два столбца, каждый в 28 строк. В Корби он носил №№ 2 и 17, в Сен-Жермене № 254. Кодекс, несомненно, относится к V в. См. наш *Catalogue*, № 1 и Corbie, № 1.

¹ S. Augustini libri II ad interrogate Simpliciani и др.

3. Следующие пять по характеру письма следует отнести к VI в. Они помечены в Государственной Публичной библиотеке разными шифрами (Q. v. I № 6, 7, 8, 9, 10), но собственно составляют в совокупности один кодекс, который идет из Корби, где носил № 173, через Сен-Жермен-де-Пре, где был помечен № 840. Этот кодекс, в целом 220 листов (17 × 13 см, 1 столб., 22 стр.) покрыт был четким унциалом с неуловимыми оттенками различных рук в каждом отдельном произведении.

По убеждению автора, он полагает, им доказанному, кодекс писан отнюдь не в Корби, как думают, но, обличая самыми размерами своими большую древность, и—характером письма, рубрик, стилем инициалов и самым подбором текстов—VI век и Италию, он писан в Виварии Кассиодора и имеет глоссу его руки. Catalogue № 4, 5, 6, 7, 8, Staerk I 6—7, II pl., Corbie № II.

У Стерка имеются facsimilia большинства описанных отдельных произведений, вошедших в кодекс. Это:

Pelagii, De fide, 61 лист (1—61).

Fulgentii, De fide catholica, 52 л. (62—113).

Origenis, Expositio in canticum canticorum, 41 л. (114—153).

Hieronymi, Epistola ad Fabiolam, 38 л. (154—191).

Hieronymi, Epistola ad Demetriadem virginem, 29 л. (192—220).

4. Следующий кодекс несколько более ранней эпохи Q. v. I № 2: Origenis, Homiliae и Optati Milevitani, libri duo, прошедший через Сен-Жерменскую библиотеку, с шифром 718. Это—изящный кодекс (276 листов, 21.3 × 16 см, 1 столб. в 28 стр.), покрытый жирным и четким унциалом. Catalogue № 3, Staerk, p. 3.

Кодекс помечен неправильно, как корбийский, у Траубе и верно, как Реомейский, у Стерка: он носит на поле помету Реоме.

5. К концу VII в. относят очень любопытный образец унциала на папирусе: F. I. № 1—одиночный лист (27-й по счету) 30 × 21 см. из кодекса, коего 63 листа хранятся в Парижской Национальной библиотеке (lat. 11641), а 53—в Женеве (I, 16). Это—отрывок из S. Augustini, De penitentia, написанный (1 столбец при 29 строках) унциалом, резкая четкость которого так характерна для техники письма на папирусе.

Родина рукописи — французский юг, обитель св. Юста в Нарбонне. В Петербург, ныне Ленинград, она попала, пройдя Сен-Жермен-де-Пре и Национальную библиотеку. Catalogue № 16.

Дальнейшая группа ленинградских унциалов уже подходит к самой границе VII и VIII в. и даже переходит в VIII в., обличая в манере письма ту напряженность, ту подражательность технике капитального письма, которая справедливо считается характерной чертой этого века. В этой группе имеются следующие рукописи.

6. Sancti Basilii Magni, Regula (F. v. I № 2), пергаменный кодекс (в 55 листов $24 \times 18,2$ см, в 2 столб. по 33 стр.) носил в Корби № 231 и прошел через Сан-Жермен-де-Пре, где его поместили № 400², частично (лл. 29—30, 38 и 49—55) писан полуунциалом. Catalogue, № 14,¹ Staerk, p. 12, Corbie, № IV.

7. Dionysii Exigui, Canonum ecclesiasticorum collectio (F. v. II № 3 в 185 л. $27 \times 19,3$ см, 1 столб. при 19 стр.; в унциале написаны только лл. 1—15, 63', 154—185; остальное писано полуунциалом). Родина его Лион. Во всяком случае, он прошел через Лионскую соборную библиотеку и парижскую библиотеку Collegii Claromontani, где носил № 569; затем он приобретен в Сен-Жермен-де-Пре и попал к Дубровскому. Он сильно пострадал от огня, повидимому, в том пожаре, которому подверглось аббатство в августе 1794 г. Драгоценная рукопись эта — одна из старейших коллекций соборных постановлений. Catalogue, № 11 и Staerk, p. 13.

8. S. Gregorii Magni, Homilia XI in Ezechiel, оторванный лист (Q. v. I. № 1, 29×23 см, в 28 стр.), неизвестного происхождения, описанный Staerk'ом, p. 16.

9. Johannis Chrysostomi, De reparatione lapsi (кодекс F. v. I № 4, размера $23,5 \times 18,5$ см в 45 л. 1 столб. при 23 стр.). Ленинград является уже третьим этапом для этого кодекса, вышедшего из Корби (№ 28 и 230), попавшего в Сен-Жермен (N 197), и затем, частью в Лондонский Британский музей (fonds Burney, № 340) и, частью, в „Музей Дубровского“. Один из самых типичных унциалов VIII в. Staerk, p. 23. Ср. наш Catalogue, № 12 и Corbie, № VI.

10. Gennadii, De Dogmatibus et Hieronymi, Epistolae (кодекс Q. v. I № 13; $16,3 \times 11,5$ см в 24 л., 1 столб., при 23 стр.)

Заглавный лист его украшен изображением святого, с каламом в одной руке и открытой книгой в другой. Унциал обнаруживает эпоху упадка, предшествовавшего каролингской реформе. Инициалы, в виде сцепившихся рыб, говорят об островном влиянии. Кодекс вышел из Корби (№ 83 и 178), прошел через Сен-Жермен (№ 861). Catalogue, № 13 и Corbie, № III.

11. Часть (листы 166 — 183) кодекса, первая половина которого находится в Париже, и который в общем представляет собрание различных произведений отцов церкви. Ленинградский фрагмент (Q. v. I № 5) дает тексты *Maximi Taurinensis, Passio sanctorum Johannis et Pauli*. Этот кодекс, любимого корбийского размера (18 × 13.5 см), покрытый унциалом (в 1 столб. при 20 стр.), происходит из Корби и прошел через Сен-Жермен-де-Пре (№ 960). См. Catalogue, № 15, Staerk, I 11 и Corbie, № V.

12. *Liber Job, glosa addita* (38 л., часть кодекса F. v. I № 3, где остальные части написаны англо-саксонскими курсивами (26 × 18 см, 22 стр.). Англо-саксонский (аббревиатуры обличают это происхождение) крупный унциал, сопровождаемый глоссой в англо-саксонском курсиве. Написан, вероятно, англо-саксонскими писцами в Корби. Этапы: Корби (библ. помета XVII в.), Сен-Жермен (№№ 660 и 211), Петербург. Staerk I 34, наш Catalogue, № 19 и Corbie, № VII.

13. *Passio S. Apollinarii* (часть, лл. 47 — 62 кодекса F. v. I № 12 (30 × 20 см, 20—25 стр.). Очень крупный и грубый, неровный унциал, с инициалами мелкого плетенья островного типа, конца VIII в. Этапы: Корби (помета библиотекаря XVII в.), Сен-Жермен (№ 1038), Петербург. Staerk, I 35; наш Catalogue, № 41 и Corbie, № VIII.

14. *Fragmentum Evangelii Lucae*. Q. v. I № 1. Обрезанный на $\frac{1}{5}$ высоты фрагмент 25 × 29 см, $1\frac{1}{2}$ л. по 2 столбца при 17 и 21 стр. необыкновенно тщательного унциала, типа роскошных островных евангелий, с островным инициалом. Детально описан Vilmart'ом в *Revue Bened.*, 1929 г. Staerk, I 27, Catalogue, № 2.

15. Последний унциал Государственной Публичной библиотеки. Послания ап. Павла (F. v. XX, Codex Gracco-latinus 28 × 23 см, 176 л. при 2 столб. и 31 стр.) представляет ту любопытную особенность, что это — греко-латинский кодекс, где текст идет параллельно на двух языках, в обоих выве-

денный том же искусственно отделанным письмом, что и предыдущий. Авторы *Nouveau Traité* III 165 датировали его IV в., Мабильон VII в., Делиль, а вслед за ним Стерк отнесли его к VIII в., но большинство ученых XIX в. (ср. Omont, *Facsimilés des plus anciens mss. grecs.* Paris, 1892) — к IX в. Несомненно, он является довольно поздней, рабской и вместе не выдерживающей строгого стиля аббревиатур унциалов лучшей поры, копией знаменитого клермонского кодекса VII в. Описания, кроме цит. Делиля II 231 и 438, Стерка I 28 и Омона, см. в нашей *Corbie*, 102.

Таким образом, резюмируя сущность приведенных описаний, редкая вообще разновидность ранних латинских унциалов, полный список которых, как полагали ученики Traube, исчерпывается 390 №№ (в списке есть, но не в слишком большом числе, пробелы), представлена в ленинградском книгохранилище пятнадцатью образцами, дающими иллюстрацию письма большинства веков, когда унциал жил в качестве нормальной *littera libraria*. Эти образцы относятся к V—IX вв. и идут из Италии или, в большинстве, с французского севера: Корби и Реоме, два — с французского юга: Лиона и Нарбонны. В большинстве это пергамены, вероятно, местной выделки; но один из унциалов является на папирусе. В некоторых образцах эти рукописи дают любопытные примеры фигурных унциалов, заставок и миниатюр. Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что ленинградская группа унциалов представляет одну из самых выразительных коллекций этого типа письма и одну из самых драгоценных частей фонда Дубровского.

III. АНТИЧНЫЕ КУРСИВЫ

а) Древний римский курсив

Библиографии. Античному курсиву посвящена монография Н. В. Van Hoesen. *Roman cursive writing.* Princeton, 1915.

Литературу для письма посковых табличек см. выше стр. 23. Для истории изучения нового римского курсива, в частности письма равеннских грамот см. Marini. *I papiri diplomatici raccolti ed illustrati.* Roma, 1805.—Massmann. *Die gothischen Urkunden von Neapel und Arezzo.* München, 1837.—Об этом письме см. K. Brandi. *Ein lateinischer Papyrus aus dem Anfang des VI Jahrh. Die Entwicklung der Schrift in den älteren Urkunden.* AUF V (1914) eu 269—288.

1) Старейшей, доступной наблюдению группой античных курсивов, той, которая является в памятниках I—II вв. н. э.,

дали имя древнейшего курсива, *ältere römische Cursive*, а также капитального курсива.

Это последнее название мотивируется тем, что формы этого письма представляют только быстрое начертание обычных капитальных форм. Оно ранее других явилось в помпейских графиках. Это стенные надписи I в., обычно — цитаты из поэтов, любовные обращения, шуточные замечания и сатирические выходки. Большинство их датируется периодом между 63 г. до н. э. — когда значительная часть города, после разрушившего его землетрясения, была перестроена, — и 79 г. н. э., когда город погиб навсегда, покрытый лавой и пеплом Везувия. Аналогичны надписи Геркуланея и надписи в катакомбах римских христиан. Помпейские надписи знают и чистое капитальное письмо. Оно выведено кистью и применялось для уведомлений делового характера. Формы эти встречались на черепках, найденных в некоторых итальянских городах и исчерченных, ранее их обжигания, отдельными буквами, стихами и памятными заметками, на свинцовых пластинках и восковых табличках Помпей и Дакии, наконец, немногих дошедших от I—III вв. папирусах.

Об именах нет нужды спорить. В некоторых образцах древнейшего курсива, действительно, весьма многие буквы определяются тем же графическим принципом, как их настоящие „капитальные“ соответствия. Кроме того, в этом курсиве, как и в собственно капитальном письме, мало лигатур: не только буквы стоят отдельно, но часто и элементы букв не связаны, как то видим в помпейских церах. Надо, однако же, заметить, что все-таки многие буквы имеют чисто-курсивные или чисто-унциальные формы, уже не объясняющиеся небрежным выведением капитальных, но совершенно иным моторным побуждением. Таковы, как это ясно из таблицы Prou, буквы *b* и *c* в обеих ее формах,¹ *d* и *e* в их обеих формах, буквы *h*, *l*, *m*, *g*, *v*. В других мы также констатируем какие-то отклонения, находящие объяснения не в небрежном выведении, но в курсивном „ведении“ (дукте).

¹ Ввиду трудности в настоящем издании дать читателю полный альбом таблиц, мы в некоторых, редких, впрочем, случаях будем вынуждены ссылаться на таблицы других изданий. Настоящее описание предлагаем читателю проверить хотя бы по Prou, Manuel de paléographie. P. 1924, pp. 47—48.

Кроме того, в различных образцах за различные периоды (при столь разнообразном материале!) этого письма оттенки весьма значительны. Калам пишет жидким материалом чернил по папирусу иначе, чем кисть мажет по извести, чем уголь, мел и острие царапают по стене, и иначе, чем стиль чертит по воску.

При двух последних техниках получались особенно своеобразные формы. Пишущий, идя по пути наименьшего сопротивления, уступал естественной склонности давать по воску параллельные вертикальные удары. Все буквы, обнаруживавшие малейшую способность разложиться на такие параллельные черты, шли по этому пути разложения. Процесс этот можно наблюдать хотя бы на таблице, которую дает Proo, op. cit. (см. наше прим. на стр. 76).

е превращалось в две параллельные черты, слегка изгибающиеся, а иногда и совсем прямые. *o*, *g* и *d* распались на две слабо изогнутые дуги, в последних двух случаях неравной величины. *u* выродилось в две параллельные прямые, *N* в три и *M* в четыре, причем первая из них пишется несколько длиннее следующих. У *P* и *R* закругление вовсе исчезло и заменилось короткой вертикальной черточкой вверху, *s* вытянулось в длинную, слегка лишь изгибающуюся наверху линию. Описанная тенденция дает очень характерный вид табличке. „Капитальный курсив“ папируса производит уже иное впечатление. Все разновидности „древнейшего“ курсива — на стене, на воске, черепице, свинце или папирусе — объединяют несколько характерных форм. Это, главным образом, — буквы *a*, с изгибающейся правой линией, *b*, с переместившимся налево закруглением, превращающим его в аналогию унциального *a*; сильно вытянутое *c*; буква *N*, в ее форме вилки, буква *R*, образованная из несколько скошенной оси, которая уходит под строку, и небрежной, короткой, слегка изгибающейся вертикальной черточки вверху; буква *p*, вполне напоминающая только-что описанное *R*, с той разницей, что его ось стоит на строке; загибается вправо, а не влево, а перемычка обычно короче. Все эти модификации, совершенно непривычного для нас вида, составляют в настоящее время наибольшее затруднение для лица, незнакомого с древнейшим курсивом, для знакомого с ним — критерий его распознавания. Один из главных источников недоразумений в этом письме

заключается в том, что модификации отдельных букв, путем незаметных переходов, приводят их к формам, слишком сближающим различные алфавитные индивидуальности. Как ясно из приведенной таблицы, *A* часто становится трудно отличимым от *R*; *b* от *d*; *c* от *o* и *t*; *e* от *u* и т. д. В некоторых разновидностях этого курсива трудности возрастают, вследствие своеобразной системы лигатур-„монограмм“, где один и тот же элемент служит одновременно двум буквам. Эта система, как правильно замечает Томсон (210), усиливает естественную тенденцию письма на воске изолировать элементы. „Куда пришло бы письмо, спрашивает Томсон, если бы воск остался единственным его материалом?“. Несомненно, в нем исчезли бы все петли и дуги.

Тайну этих скользящих форм долго не могла разгадать пытливая мысль новой палеографии. Их расшифровка, осуществившаяся в сороковых годах прошлого века, явилась одной из величайших ее побед, и честь ее,—в противность предшествующей истории палеографии, где блистают преимущественно французские имена,—принадлежит немецкой науке. „Сохрани нас, боже, от национального высокомерия“, такими словами начинает Траубе отдел, посвященный истории палеографии в Германии: „У нас было только три выдающихся палеографа. Они занимались письмом не для нас (немцев) существенным. Но то были Копп, Массман и Цангемейстер, — все трое оригинальные умы“. Это, „не для германского филолога особенно существенное“, письмо был курсив восковых табличек, и к ним приложена была вся энергия оригинального ума великих немцев.

Другая, сохранившаяся от латинской античности, разновидность курсивов, а именно курсив императорской канцелярии ведет нас в V век: между нею и первою группю имеется, таким образом, мало чем заполненное зияние. За два века, которые отделяют смутную пору середины III столетия от эпохи преемников Феодосия, латинская „скорая“ (*cursiva*) рука оставила немного следов и отчасти унесла с собой тайну форм, переходных к тому типу, который нас встречает в V в. О том, однако, что в этой области совершалось какое-то движение, и появлялись формы более свободные и круглые, более свойственные технике письма жидким материалом чернил, нежели чистогола восковых табличек,—показывает самый факт появления унциалла.

Во всяком случае, курсив второй разновидности представлен чрезвычайно малым числом образцов и является в совершенно иных условиях, чем все ранее описанные разновидности. В этой разновидности, которую немецкие палеографы одно время обозначали, как средний курсив, *mittlere römische Cursive* (французская система не приняла этого термина, она считает „средний курсив“ одной из разновидностей нового римского курсива) воплотились не частные записи, не любовные письма или шуточные стишки, но императорские рескрипты. Его мастерская—канцелярия, и его творцы и хранители—придворные нотариусы, которых эдикт Диоклетиана представляет отличными от писцов книг, „антиквариев“ (см. выше, стр. 60), и которые целыми сколами ютились во дворце, передавая от старших к младшим искусство *notarum*,—дипломатического письма. Его цель, мы указывали на это выше,—не быстрота начертания: писец не может достаточно заботливо отнестись к императорскому рескрипту. Но он не заинтересован также удобочитаемостью. Наоборот: всякой канцелярии, а в особенности канцелярии описываемого торжественного и намеренно далекого от толпы государственного стиля, свойственно охранять тайну своих форм, не вводя в нее непосвященных и открывая возможность проникновения только избранным. Отсюда этому письму свойственны характерность и преднамеренная вычурность. Они встречаются нас и в описываемом („императорском“) курсиве. Он оставил очень мало памятников, из которых до последней трети XIX в. известны были только два рескрипта, адресованные к префекту Египта *post 413* и сохранившиеся в Лейдене и Париже. Парижский фрагмент издан Шамполион-Фижаком, который по этому поводу вынужден был признаться в неспособности дешифровать его. В 1840 г. Массман прочел Лейденский отрывок,¹ наведя тем французского палеографа *Natalis de Wailly* на разгадку парижского фрагмента,² а *Mommsen* и *Jaffe*,³ сопоставив их наблюдения с алфавитом вошечков, установили таблицу общего тому и другому алфавиту. Впоследствии она была применена к вновь открытым в Фалиюме образцам того же письма.

¹ *Libellus aurarius*, 147.

² См. *Mém. de l'Institut*, XV 399.

³ *Jahrbuch des gem. deutsch. Rechts*, VI 398.

Более всего затрудняет в нем широко практикуемая система монограмм. В одной и той же форме мы должны угадывать одновременно две и даже три буквы: один элемент служит конечным для одной, начальным для другой и основным для третьей формы. Но общее впечатление письма,—как то свойственно всегда папирусу,—широкое, четкое, ясное. Он доставляет затруднения не глазу, но соображению. Характерны для него и сразу схватываются глазом¹ простые формы *e*, *o*, повисающего петелькой, и *u*, повисающего ижицей в верхней части строчки, вилкообразных *M* и *N*, далее — *s* и *c*, напоминающих теперешнее латинское *l*; *v*, уже близкое к современному курсивному, но все еще с закруглением налево, а не справа. Величайшие затруднения доставляют группы *RT*, *AT*, *TA*, как читатель может убедиться, подставляя буквы в табл. 18 Steffens'a (см. ниже, прим. 1). Особенно следует обратить внимание на монограмматическую группу *RATA*, в третьей строчке (в слове *memorata*) и *ARRAT* (в слове *narratione*).

Насколько правильно имя „среднего“, которое одно время давали этому курсиву? Он не является таким хронологически, ибо образцы того, который окрещен именем „нового“, *neue römische Cursive*, появляются в том же V в., в каком явился нам и „средний“ курсив. В смысле форм он не представляет никакого перехода от древних к новым, а стоит особо, направляемый своими специальными мотивами и особыми законами развития. Общее впечатление частотола из параллельных линий (наклоненного только не влево, как на восковых табличках, а вправо, что соответствует технике письма пером) ближе к впечатлению *цер*, нежели к образцам нового курсива. Есть и немало совпадающих форм (*R*, *P*, *A*, *T*, *N*), но нет ничего, что служило бы мостом к новому. Скучное число памятников, оставленных императорским курсивом, не дает возможности судить о его внутренней эволюции. С VI в. мы вступаем в период, когда империя, окончательно сосредото-

¹ Все эти наблюдения за невозможностью дать образец в настоящем издании предлагаем читателю проверить на таблицах, данных в цитир. выше № XV *Mémoires de l'Institut*, или в издании Steffens'a, *Lateinische Paläographie*, t. I, табл. 18, в особенности в последней строке, подставляя соответствующие буквы.

Таблица I

a		m	
b		n	
c		o	
d		p	
e		q	
f		r	
g		s	
h		t	
i		u	
k		x	
l		y	

чипшись на Востоке, перестает писать на языке Рима, и латинской графии больше нет места в ее канцелярии.

b) Новый римский курсив

Новый римский курсив встречается нас всюду на Западе и более всего в Италии, в ее городах, как Неаполь, Арrezzo, но особенно Равенна. Очаг, где одно время укрылась перед напором варварской стихии императорская власть, и где впервые, повидимому, если не считать самого Рима, вышла на поверхность архитектура христианского храма, был очагом, более всего сохранившим и культивировавшим классическое письмо. Оно могло образоваться в школе городских нотариев, а, может быть, и прямо в школе дворцовых нотариев, и стать образцом для создавшейся рядом церковной канцелярии. Если римская папская канцелярия, как видно из истории администрации папы Григория Великого, была копией императорской константинопольской, тем естественнее такой переход в Равенне: здесь жил императорский, уже христианский, двор, и местные епископы играли роль в управлении. Королевское остготское правительство Теодориха Великого, исполненное почтения к античной культуре и, неизбежно, особенно отзывчивое на ее внешнюю сторону, бережно подобрало и ее канцелярские традиции. Кассиодор говорит о сундуках королевского дворца, „которые заключают памятные хартии“ (quae continent monumenta chartarum. Cassiodori Variarum VI 10). Еще в эпоху лангобардских нашествий Равенна особенно долго удерживала независимость и обособленную жизнь. Так создалась долгая традиция равеннской, сперва папирусной, потом пергаменной, грамоты, которая связывает почти непрерывную цепью эволюцию нового, „молодого“ римского курсива в итальянское, варварское средневековое, так наз. „лангобардское“ письмо (см. ниже).

В настоящее время равеннское архивное наследство рассеяно в разных местах: в Риме, Париже, Лондоне, Марбурге. Парижские хартии, ныне выставленные в Gallerie des Chartes (Bibl. Nat.), представляют акты утверждения завещаний перед равеннским магистратом и дают прекрасный образец позднего классического курсива на папирусе, с его смелыми и четкими штрихами. Петли и оси букв *b*, *p*, *d*, *h*, *f* и т. д., спускающиеся и поднимающиеся ниже и выше строки (таким обра-

зом письмо это, сообразно принятой выше, стр. 57, характеристике, „определяется четырьмя, а не двумя линейками“), дают основание причислить его не к маюскульному (как древний и императорский курсивы), но к минускульному, строчному письму. Все его буквы косят вправо и последовательно связаны лигатурами. Вместе с тем, за немногими исключениями, новый курсив почти отказался от системы „монограмм“ (связных букв) старого письма. Он культивирует петли, а также дуги и закругления, которые в этом последнем почти исчезали. Все эти черты кладут резкую границу между ним и старой системой письма. На табл. I мы даем его алфавит, и при его рассмотрении ясно, что он очень близок в деталях к современному латинскому, как близко и общее его впечатление. Есть, однако, и известные особенности, которые мы настойчиво подчеркиваем здесь, ибо они лягут в основу развития всего средневекового курсивного письма.

Следующее ниже описание опирается на прилагаемую табл. I, где мы предлагаем сопоставить каждую букву с ее описанием.

Буква *a* является здесь в новой форме, и даже в трех: закрытой, представляющей соединение *c* и *i* (наше курсивное *a*), и двух открытых, из которых одна рисуется соединением двух *i* (аналогично латинскому курсивному *u*), а другая, в обратной последовательности, соединением *i* и *c*, особенно неудобным при чтении и составляющим источник постоянных недоразумений. Если после такого *ic* (= *a*) следует *i longa*, то вся группа неизбежно читается как *id*.

Особенность *a*, разделяемая им только с *u*, это — особый прием лигатуры, в какую оно вступает с другими буквами. Именно: оно взбирается наверх строки, и его второй элемент (*i*) прямою осью спускается вниз, образуя начальный элемент следующей за ним буквы (*p* или *n* или *m*, и т. д.); см. на прилагаемой табл. I группу *as*, где начальное *a* находится наверху.

b является в привычном нами курсивном виде: с закруглением справа и даже петлей сверху.

c представляет (весьма часто, по крайней мере) известное своеобразие. А именно: оно пишется как бы состоящим из двух элементов. Его нижняя часть есть продолжение загибающейся вниз линии, спадающей от вершины предыдущей буквы;

верхняя присоединяется к ней резким и широким движением, сильно подымаясь над строкою. В таком виде оно в некоторых случаях напоминает *x* со стертým нижним левым концом. Если стоят рядом два *c*, то, так как второе также в нижнем своем элементе представляет волосную, спускающуюся с вершины первого, в совокупности два *c* напоминают опрокинутую на бок восьмерку, как это видно в слове *accepit*, из которого группа *scer* дана на таблице. Интересны лигатуры *co* и *ct* (см. табл. I).

d имеет привычный нам курсивный вид — иногда с петлей наверху. Попадаетея и вариант унциального *d* (см. на табл. I, третье *d*).

e строится как полная аналогия *c*, только с петлей наверху или перемычкой посередине. И здесь чаще всего нижний элемент — изгибающаяся линия, идущая от предыдущей буквы. И здесь верхний элемент обычно резко подымается над строкой. Перемычка идет вкось, спускаясь вниз. Она чаще всего начинает собою соседнюю букву, являясь первым элементом для *n*, *m*, *x* и т. д. При лигатуре *et* (в союзе *et* и его комбинациях) получается своеобразная „монограмма“, где нижняя загибающаяся вверх волосная *e* играет роль оси для *t*, а перемычка *e* является перемычкой для *t* (см. в таблице букву *t*). Иногда петелька повисает в воздухе (см. пятое *e* на табл. I).

f. При описании этой буквы мы сразу должны предупредить, что в новом римском курсиве — и впоследствии во всех средневековых — три алфавитные индивидуальности подходят друг к другу весьма близко, иногда до полного отождествления. Это *f*, *r* и *s*. Та общая форма, на которой иногда они все сходятся, дана нами в табл. I, в качестве первого *s*.

Однако более заботливые писцы делали между ними оттенки; только *s* принимало отмеченную среднеобщую форму, расщепляясь от одной основной оси в два идущих направо и налево изгиба, из которых второй откидывался вправо плавной свободной дугой. При *r* обычно не бывало этой свободы. Идущая снизу вверх и начинающая отгибаться вправо линия затем шла горизонтальным росчерком влево или резко переламывалась и падала вниз. Иногда она делала даже нечто вроде петли, завязав которую, также круто спускалась вниз.

чтобы таким путем образовать первый элемент следующей буквы. Если при этом переломившаяся линия резко скашивалась влево, она тем самым выражала *i*, и вся группа, получавшая очень характерный вид, равнялась *ri*.

Наоборот: у *f* оба его плеча, и во всяком случае второе, плавно скругляются, завертываясь часто в кольца. Иногда после кругового поворота линия завязывается петлей на оси буквы, в начале ее расщепления, и дает затем легкий росчерк вправо. Самая ось, вообще говоря, длиннее, нежели у *s* и *g*, и не в пример тому и другому спускается ниже строки.

g принимает самые капризные формы, превращая свою голову в замкнутое или открытое закругление: в нечто вроде треугольника и просто угла, иногда почти ее теряя; и только спускающаяся ниже строки и в разных направлениях искривленная петля или извивающаяся кривая предупреждает нас о его присутствии в слове.

h имеет привычный нам вид, с петлюю, иногда без нее.

i (никогда до XI в. не писавшееся с точкой) принимало несколько различных форм: 1) очень короткого, с небольшим придатком слева, делавшим его похожим на небрежно написанную арабскую цифру 1; 2) более длинного, лигированного с предыдущей буквой (напр. *r* или *t*) и резко скашивающегося влево; 3) весьма длинного, подымавшегося выше строки и украшенного завитками или петлями наверху. Такое *i* (*i longa*) писалось в начале слова и перед *n* и *u*.

k, *l*, *m*, *n* являлись в привычной нам курсивной форме.

Следует, впрочем, отметить довольно частое появление характерного капитального *L*, смело вычерченного среди слова.

o писалось в виде петли — особенно, если лигировалось с обеими соседними буквами — или в виде неполного закругления, замкнутого прямой замычкой сбоку.

p большею частью имело привычный нам вид, но, лигуясь с предшествующей буквой, своеобразно изменяло свою форму. Особенно интересны лигатуры с буквами *e* и *s* (табл. I). Возможны близкие его совпадения с типом *r*, *s*, *f*, если его закругление выводится не особым движением пера, но обратным движением, идущим от нижнего конца оси, и особенно, если само *p* не вполне замкнуто.

q представляет затруднения лишь в тех, сравнительно, редких случаях, когда оно является совершенно открытым,

напоминая *u* или *i* с продолженным вниз вторым своим элементом.

Особенно интересна та причудливая игра, какую проделывал этот курсив с буквой *t*. Простой принцип буквы: вертикальная ось и горизонтальное покрытие давали неожиданные модификации, которые имеются на табл. I. Все они вытекали из свойственной курсивному дукту тенденции скашивать оси, заканчивать их внизу круговым поворотом направо, а облегающее их покрытие — начинать и заканчивать круговым движением, завершавшимся иногда далеким спадом вниз. Получались, в результате, формы, напоминавшие больше *a*, как унциальное, так и курсивное, нежели *t*. Все это богатство форм унаследовано было впоследствии средневековыми курсивами и, более всего, меровингским.

IV. ПОЛУУНЦИАЛЫ, ЧЕТВЕРТЬ-УНЦИАЛЫ, ПОЛУКУРСИВЫ

(иначе, семиунциалы, квартунциалы, семикурсивы)

Библиография. История полуунциала была написана Траубе, но этот труд, не приведенный в законченную форму автором, остался неизданным. Перечень полу(семи)унциальных рукописей составлен E. A. Lowe. A Hand List of Halfuncial Manuscripts. Miscellanea Francesco Ehrle IV (Roma, 1924) 31—61. О значении полуунциала в образовании каролингского минускула в переходную эпоху VII—IX вв. писали все авторы, подходившие к этой проблеме, и, соответственно, библиографию читатель найдет в связи именно с этой проблемой (см. ниже, стр. 141).

Уже создание унциала было попыткой примирения между противоположными принципами капитального и курсивного письма. В этом направлении в самой римской древности сделаны были еще три дальнейших шага, выразившиеся в создании разновидностей письма, из которых одну давно обозначили именем семи(полу)унциала, другой дали имя четвертьунциала, а третью в последнее время Стеффенс предложил назвать семи(полу)курсивом.

Семиунциал отличается от унциала общим своим впечатлением, заставлявшим многих давать ему имя каллиграфического курсива (ныне ему предлагают дать имя „древнего“ минускула), а Ваттенбаха — предложить название прекаролингского (докаролингского) минускула. В нем появляется и несколько новых, чисто курсивных форм.

Особенно характерны буквы *a, b, f, g, h* и *r* (см. табл. I). Кроме того, курсивную форму часто принимают буквы *d* и *s*. Буква *m* есть нечто среднее между унциальным (со скругляющимися внутрь крайними своими ногами) и курсивным (с его прямыми ногами). Наоборот, *N* чаще всего имеет капитальную форму; и появление формы курсивной редко и несистематично.

Как это видно из самого описания полуунциального алфавита, с его многочисленными чисто курсивными формами, из коих, очевидно, столь многие, отсылающие оси и петли вверх (*b, d, h, l*) или отсылающие их, наоборот, вниз (*f, g, p, s*, отчасти *r*), определяются „четырьмя линейками“, другие же, как *a, e, m, n*, не детализуют форм своих основных телец, — тип полу(семи)унциальный есть несомненный минускул. При своей — особенно в раннюю эпоху: века V—VI — размашистости, крупности, кровной связи своей с унциалом, при минимальном числе лигатур и вместе нередко уже при разрыве *scriptio continua*, — это конечно одно из самых приятных и четких писем поры переходной от античности к средневековью. Не приводя, из соображений необходимой экономии, чистого семиунциала в нашей таблице и ограничиваясь только более поздним образцом „четверть-унциала“, где еще отчетливее возросло число курсивных элементов, мы отсылаем ко всем цитированным нами собраниям факсимиле для этого письма, не представляющего никаких затруднений при чтении. К истории семиунциала в докарولينгскую эпоху мы еще вернемся, в связи с вопросом о том, к какому графическому течению больше всего привязывается новое творчество того, что впоследствии назовут „карولينгским минускулом“.

К этому же моменту отнесем мы более углубленное рассмотрение „полу(семи)курсивов“, особенно расцветающих в века VII—VIII. Их многочисленная, капризная семья уже в VI в. заявляет права на роль „книжного письма“. Обратное течению, идущему от письма капитального через унциал к семиунциалу, где в величавой неподвижности маюскулов все более пробивает путь „движение“, — в семикурсивах, успокаивая их беспорядочное движение, проявляется все большая регуляризация, создавая огромное множество — с ними мы встретимся в главе VII—книжных семикурсивов. Здесь отметим только следующее:

Разновидность, которой Стеффенс предлагает дать имя полукурсива,¹ действительно, представляет очень любопытную и элегантную попытку приспособить новый римский курсив к целям книжного письма. Образцов таких ранних попыток сохранилось—да, повидимому, и было в свое время очень мало: в книгах до самой каролингской реформы преобладали унциал и семиунциал. Имеющиеся образцы перечислены в западных руководствах по палеографии² и даны в снимках у Стеффенса. Таковы, напр., прекрасный текст Иосифа Флавия в Амброзианской (Милан) библиотеке, гомилии св. Максима Туринского (там же) и св. Авита Вьеннского.

По сравнению с курсивом равеннских грамот, ранний книжный полукурсив отличается несколько меньшими размерами букв, меньшею раскидистостью форм. Он представляется сжатым, сосредоточенным, очень четким, с какими-то утолщениями верхних концов у букв *l*, *b* и *d*, происходящими, быть может, от неразвившейся петли.

Все отмеченные выше рукописи принадлежат Италии или южной Франции и представляют, очевидно, плод непрерывной традиции классического курсива.

Полу(семи)унциалы Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина

Государственная Публичная библиотека обладает некоторым числом полуунциалов VI—VIII вв., пришедших через тот же путь „Музея Петра Дубровского“, иногда из Италии, через Корби и Сен-Жермен-де-Пре. Все они описаны в книге Лове НУ, в нашем Catalogue, Fasc. I et II и в нашей Corbie. Там же более подробна библиография. Это:

1. Aurelii Augustini. De civitate Dei. Кодекс Q v I № 4, 370 лл. Письмо VI в., в два столбца, по 29 строк. Идет из Италии, прошел через Корби, где носил №№ 2 и 10, и Сен-Жермен (№ 766). См. наш Catalogue № 2, Corbie № XIV.

2. Sancti Marci evangelium (O v I № 2). Фрагмент в 8 л. Письмо начала VII в., в два столбца, по 26 стр. Писан в Корби (№ 21), прошел через Сен-Жермен (№ 1200). См. Lowe, NU, № 125. Наш Catalogue Fasc. II № 2, Corbie № IX.

¹ Fr. Steffens. Lateinische Paläographie, VII, col. 2 и табл. 21, 22 и 23.

² Напр., Thompson, p. 338, № 114 и Prou. Manuel de paléographie, 72.

3. *Basilii Magni Regula* (F v I № 2). Полуунциальные листы: 29—30, 38, 49—55 (см. стр. 73), Lowe HU, № 121. Наш *Catalogue Facs.* 1 № 14, Corbie № IVa.

4. *Dionysii Exiguï, Canonum Collectio* (F v II № 3). Полуунциальные листы: 16—63, 64—153 (см. стр. 79), Lowe HU, № 12. Наш *Catalogue* № 12. К четверть-унциалам следует причислить наши знаменитые кодексы Амвросия, комментарий на ев. Луки F v I № 6 и Иеронимов перевод Псалтыри: F v I, № 5; описание в наших *Catalogue* № 28, Corbie №№ XVI и XVII. На семикурсивах мы остановимся после обзора национальных типов письма.

В

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ПИСЬМА

I. ИСТОРИЯ НАУКИ ПАЛЕОГРАФИИ

....Она родилась в борьбе.
Она доставила оружие для
решения многих битв. Но она
не одержала еще своих луч-
ших побед*...¹

Библиография. Traube, Vorl., I, 1—127, — E. de Broglie. *Mabilion et la Société de Saint-Germain des Prés.* 2 vol. Paris, 1888. Из трудов самих ученых XVII—XVIII вв. назовем только (все остальное, имеющее отношение к этой проблеме, читатель найдет в указанной главе Траубе). J. Mabilion. *De re diplomatice libri VI.* Lutetiae Parisiorum, 1681; Suppl., 1704; Ed. 2, 1709; Ed. 3, Neapolis, 1789, 2 vol.—B. Montfaucon. *Palaeographia graeca sive de ortu et progressu litterarum.* Parisiis, 1708.—Dom Tassin et Dom Toustain. *Nouveau Traité de diplomatique par deux religieux bénédictins.* Paris, 1750—1765.

Мы считаем уместным именно здесь оглянуться на важнейшую страницу в истории нашей науки, ибо, если „спор, который был отцом столь многого на свете, был и ее отцом“, ² этот плодотворный спор разгорелся более всего около вопроса о национальных типах письма.

С него начинается ее история. Все остальное было для нее лишь преисторией. Конечно, самый процесс письма—продукт такого напряжения сознания и самосознания, что в известном смысле, можно сказать, теория графики заро-

¹ L. Traube, *Vorlesungen*, 3.

² *Ibid.*, 13.

ждается вместе с письмом, но в ней нет элементов истории палеографии. Впервые, может быть, в IX в., ученый французский аббат, Рабан Мавр,¹ восчувствовал потребность свести к какой-то системе или привести к сопоставлению различные известные ему алфавиты, отмечая то, что он знал об их происхождении. В не всегда привычных для нас формах отдельных букв являются у него азбуки еврейская, греческая, латинская и немецкая, указания некоторых сокращений, античных и средневековых, и образцы восемнадцати монограмм. Этим исчерпываются его наблюдения. Гораздо глубже и любопытнее соображения Рожера Бекона об источниках и методах аббревиатур.² Средневековые вадемекумы приходских священников, сообщавшие им критерий для распознавания подлинных грамот от подложных, дают подробные указания касательно дипломатических формул, шнуров, печатей и булл,³ но ничего не говорят о характере письма, свойственного разным канцеляриям. Словари сокращений, начавшие появляться с каролингской эпохи, имели, конечно, чисто практическое значение, как и некоторые названия групп письма: *scottica manus*, или *scriptura langobardica*, имя, которым итальянские филологи эпохи возрождения покрывали все, что представлялось более древним, чем привычный им минускул, и не было похоже на него; или *scriptura gotica*,⁴ в тех двух различных значениях, в каких употребляли это слово: 1) испанские ученые, обозначавшие им старое испанское письмо; 2) гуманисты, покрывавшие этим именем всю совокупность средневекового, особенно плохо читаемого, „варварского“ письма; или наконец, *littera saxonica*,—название, под которым английские ученые XVI в. подразумевали письмо старых памятников английского прошлого. Очевидно, все эти термины имели лишь относительное значение: противоположения, в каждом отдельном случае, местной старины письму ренессанса. Таким образом, кроме терминов и совершенно

¹ Rabani Mauri. De inventione linguarum, MPL CXII col. 1579 и др.

² См. изд. его сочинений Nolan and Hirsch. Cambridge, 1902. Этим ствовано у Traube, *Nomina sacra*, 213.

³ См. Martene et Durand. *Thesaurus anecdotorum* IV, 760 Traube. *Vorlesungen*, 25.

⁴ Детали см. ниже, стр. 159.

разрозненных наблюдений, средневековые и возрождение не оставили ничего науке палеографии.

а) Система Мабильона

Система создана была впервые гением Мабильона.

В истории рукописной традиции время, в какое он жил и действовал, было порой реакции. В Европе только начинали утихать бури, вызванные политическими и социальными катаклизмами, движением религиозной реформации, какое было с ними связано. Подавленное революционное движение уходит на дно, выдвинув наверх активные новые группы, которые используют завоевания.

Новое общество, борясь за власть и достояние с силами и учреждениями средневековья, предъявило им не только притязания нового теоретического права и силу меча, но также иск об их положительных правах. Оно потребовало от них оправдательных документов и поставило вопрос об аутентичности их архивов. „На чем основана светская власть и финансовые притязания римской курии? Какие права имеют епископы на территории городов? Что такое Германская империя и ее прерогативы? Что такое власть сеньеров?“ „Никогда дипломы и хартии не были предметом таких многочисленных и страстных споров... С хартиями в руках разрешаются между юрисконсультами, феодистами, генеалогами и государственными людьми вопросы права, привилегии, прерогативы, территориальные и иные притязания. Архивы становятся арсеналами, где адвокаты короны ищут необходимого оружия, чтобы защищать во всем королевстве права короля. Юрисконсульты выкапывают в них доводы, чтобы защищать или оспаривать „свободный аллод“; сеньеры перекладывают их, чтобы найти доказательства древности своих феодалов, дипломаты опираются на них в своих спорах, и юристы ищут в них элементов для своих постановлений.¹

Этому времени дали имя периода „дипломатических войн“ — *bella diplomatica*.

Идея названия принадлежит некоему Людевику, ученому архивисту, пожелавшему на склоне лет вспомнить „минувшие дни и битвы“. Сочинение, посвященное этому вопросу, назы-

¹ Giry. Manuel de diplomatique, 59.

пается „Об употреблении и значении дипломов и дипломатического искусства; далее—о дипломатических войнах, разгравшихся во Франции, в Италии, а также в верховных трибуналах Германской империи“.¹ В период бури и натиска архивный материал и ученость его хранителей должны были прежде всего ответить на острую практическую нужду. Усилия сосредоточились на этой задаче с небывалой энергией. В пылу битвы хватались за любое оружие. Но так как им во всяком случае было знание и мысль, а они имеют свои законы, то вскоре возник вопрос о ценности самого оружия, об общем основании цитируемых знаний и мыслей. Он постепенно стал определяться, как главный. Начав с сражений за права на власть и достояние, бойцы кончили бескровными битвами за мысли и за научные тезисы, которые увлекают их ради них самих. В дипломатической войне постепенно начинает определяться строгий образ науки дипломатики.

Незаметно для их участников, проникало влияние той философии скептицизма, расцвет которой совпал с разгаром *bella diplomatica*. Они в своей бескорыстной основе „были отчасти продолжением волн, которые подняла эта философия“; вместе с тем, они же питали ее. „Со времени Монтеня не замирало движение против традиции и авторитета... Оба великих метафизика, Декарт и Мальбранш, получившие стимулы своего научного мышления и своей методики в историко-критических трудах великих юристов и филологов XVI в., несомненно оказали самое решительное влияние на научный склад тех, о ком будет речь ниже: ораторианцев и мавристов“.²

Во Франции социальная и религиозная коллизия была исчерпана раньше, чем в других странах. Осторожная политика Генриха IV и Ришелье успокоила если не страну, то во всяком случае вождей наиболее видных групп, смягчила для них острие горечи и обиды политических и религиозных споров, а за ними—и дипломатических войн. Враждующие группы верхних слоев общества, подчиняясь их примирительному посредничеству, протянули друг другу руку для мирного сотруд-

¹ L u d e w i g. De usu et praestantia diplomatum et diplomaticae artis. Porro de bellis diplomaticis, cum in Gallia excitatis tum in Italia atque in supremis Germanici imperii tribunalibus. Lipsiae, 1720.

² T r a u b e. Vorlesungen, 14.

ничества. Вместе с тем, вынужденное жало у протестантской оппозиции, королевская политика лишила ее многих стимулов работы. На первый план в этой работе выступают элементы консервативные, зачастую прямо официальные. Это соотношение сил будет характерно во Франции для всего XVII и для первой половины XVIII вв.¹

Ученые работают при материальной поддержке и под покровительством королевской власти. Они—верные ее слуги и почти все несут официальные функции. Среди них выделяются André Duchesne, издатель богатейшего собрания нормандских летописцев, Etienne Baluze, вечный холостяк, приверженец галликанских идей, яркий независимый ум, хотя и библиотекарь королевского книгохранилища. Как ученый исследователь, он больше всего интересовался актами законодательного характера, обработал издание капитуляриев франкских королей² и один том актов церковных соборов. Как библиотекарь, он собрал громадные богатства рукописных оригиналов, а также ранних и поздних копий с них, многие из которых сделаны его рукою. Эти копии и собственноручно написанные им каталоги—красные сафьяновые тетрадки, исписанные его характерным почерком,—ныне вошли, в качестве fonds Baluze, в Национальную библиотеку. В нем мы находим копии многих пропавших памятников. К тому же кругу принадлежали „братья Саммартаны“—Scèveole et Louis de Sainte Marthe, „королевские историографы“, которые положили начало и осуществили два тома одного из интереснейших изданий французской эрудиции—Gallia Christiana,³ только ныне приближающегося к концу. Оно вошло в работы конгрегации св. Мавра и вместе с ними впоследствии перешло в ведение Французского Института. Далее мы должны отметить того, кто носил имя Charles du Fresne, sieur Du Cange, казначея города Амьена. Скромный, сдержанный, молчаливый, полная противоположность Балюзу, отец семерых сыновей, которые, по его горькому замечанию, „проявляли таланты ко всему, кроме ученья“, он сам с ранних лет полу-

¹ G. Monod. Du progrès des sciences historiques. Revue historique, 1897.

² Capitularia regum Francorum.

³ Это—расположенное по церковным провинциям и скомпонованное по подлинным текстам собрание биографий местных епископов и летописей епархий.

чил вкус „к приятному и честному времяпрепровождению, *passé-temps agréable et honnête*“, которое заключалось в чтении, с пером в руках, средневековых текстов. В сорок пять лет он еще ничего не напечатал, но его ящики полны были папок, в которых каждая отдельная карточка классифицировалась одновременно по алфавитному принципу и по принципу содержания (*histoire, jurisprudence, inscriptions, monnaie*). В его способе работать чувствовалась одновременно какая-то наивная свежесть и глубина настоящего исследователя. Он очутился перед совершенно неспаханным полем: перед массой неизданного материала. Он мечтал о грандиозной систематической работе по истории французских учреждений. У него получился „Словарь средней и низкой латыни“, *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*, где под соответствующими словами собраны ценные исторические комментарии и, в большой полноте, соответствующие тексты.¹

Именами Дюшена, Балюза, Саммартанов и Дюканжа не исчерпывается список замечательных эрудитов XVII века. Полная история этой эрудиции еще не написана, и ее приходится искать по частям в различных монографиях из области историографии и в истории литературы. Не светские, во всяком случае, ученые были той славой, которой в этом смысле гордится XVII век. Умиротворение и объединение католической церкви, наступившее после Тридентского собора, благоприятно отразилось на научных предприятиях духовенства. Вступая целыми конгрегациями в научную работу, оно внесло в них столь характерные для него качества: „терпение, методичность, уважение к традиции, которая обусловила и сделала возможными обширные и длительные предприятия, систематичность и осторожность в труде и, наконец, любовь и понимание средних веков, важной поры в жизни церкви“.²

Мы здесь в интересах главной нашей задачи только упоминаем о предприятиях второстепенных духовных компаний,

¹ Об этой странице истории французской эрудиции см. исследования, указанные у Ch. V. Langlois. *Manuel de bibliographie historique*, 303 sqq. Трехтомный в первом издании, *Glossarium* в 1878 г. вышел в семи томах в издательстве Henschel. Ныне существует Международная комиссия по дополнению и переизданию Дюканжа при Французском Институте и специальный орган *Archivium Ducangii*.

² G. Monod. Цит. статья.

как янсенисты и ораторианцы, и даже о таком первоклассном, но не имевшем прямого влияния на развитие палеографии, как издание житий святых болландистами. Мы остановимся на том, которое имеет ближайшее к нам отношение, ученом предприятии, которое организовано было в 1627 г. под именем св. Мавра и нашло свой центр в древнем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре.

Бенедиктинцы конгрегации св. Мавра, так наз. „маврсты“, в новой программе своей деятельности примкнули к давним традициям ордена св. Бенедикта, старейшего из всех западных орденов. Основанный в VI в. Бенедиктом Нурсийским, испытавший сильное влияние деятельности Кассиодора, под воздействием которого книжное дело стало одним из главных послушаний братии (Виварий на юге Италии, затем Монте-Кассино близ Неаполя и Субьяко вблизи Рима были первыми его центрами), реформированный в X в. Бенедиктом Анианским, он в XI в. был главным деятелем Ключинской реформы. В XII и XIII вв. его значение падает перед новыми орденами. Конец средних веков застал его, повидимому, в полном разложении и смысле организации и нравов его братии. Но после Тридентского собора он,—по крайней мере, в отдельных частях своих, —находит в себе новую энергию, чтобы реформироваться. Создаются отдельные большие преобразованные его конгрегации: св. Ванна и св. Мавра, которые, как в далекие времена Кассиодора, поставят рукописное и книжное ремесло главной своей задачей.

Дом¹ Тарисс и его ближайший сотрудник, библиотекарь, дом Люк д'Ашери были первыми руководителями конгрегации, которые выработали для деятельности своих членов определенный план. Он потом служил руководящим в течение двух веков. С уничтожением конгрегации он достался в наследство Французскому Институту, и его кадры в настоящее время заполнены множеством ценных и солидных изданий. Согласно этому плану, работа конгрегации должна была сосредоточиться на разыскании и издании памятников, а также написании трудов, подходящих под следующие рубрики:

издания отцов церкви; далее, памятники истории церкви; памятники, относящиеся к истории бенедиктинского ордена;

¹ Dom-Dominus, титул бенедиктинского монаха.

- труды, относящиеся к вспомогательным наукам истории;
" " к церковной истории Франции;
" " к общей политической истории
Франции
" " к литературной истории Франции;
" " к местной и провинциальной истории
Франции;

извлечения из рукописей и заметки;

другие предприятия—неопределенная рубрика, куда отходило все, что не укладывалось в предшествовавшие рубрики.

20 мая 1648 г. собрался в Вандоме генеральный капитул ордена, которому представлен был этот план. Здесь он был утвержден и положен в руководство членам. Здесь же выработаны были правила хранения рукописей и пользования библиотекой. Конгрегация обратилась к целому ряду частных лиц и учреждений, а также, через епископов,—ко всем священникам французских и иных диоцезов, с предложением присылать рукописный материал в дар или временное пользование конгрегации. Орден имел обширные сношения со своими собратьями всех концов Европы. Эти связи были пущены в ход.

Мы не должны забывать, что ученая компания действует в век, когда связи между отдельными государствами Европы слабы, и дипломатические сношения носят неправильный, случайный характер. В этом смысле организация старого, хорошо дисциплинированного ордена, за кредитом которого стояло в глазах его контр-агентов более чем тысячелетнее существование, который по всей Европе, независимо от национальных границ, говорил и переписывался по-латыни,—эта организация оказалась могущественнее любого европейского правительства. Орден имел пути к лучшим рукописным хранилищам, ибо ими были хранилища братских обителей. Его переписка занимает 70 картонов в рукописном отделе Парижской Национальной библиотеки. Она далеко не издана и не разобрана. В день, когда все эти пожелтевшие бумаги, исписанные характерным монастырским почерком, увидят свет,—мы будем иметь одну из любопытнейших картин умственной жизни общества XVII в., в которой предстанет иное его лицо, отличающееся от привычного нам образа. Это—век Корнеля и Расина, век Фронды и Мазарини. Ника-

ких отзвуков этих политических бурь, этих литературных сияний мы не найдем в переписке бенедиктинцев. Один кропотливый исследователь вздумал подсчитать, сколько раз в этих десятках тысяч писем упоминается имя Расина. Он нашел его только один раз. Ученое общество, группирующееся около Сен-Жерменского аббатства, живет совершенно особою жизнью. „Когда мы выходим, — замечает историк Мабильона, де-Броли, — из круга тех великих имен, которые освещают лучами бессмертной славы замечательный в истории Франции век, мы не без удивления становимся лицом к лицу с обществом очень активным, очень живым и вместе нисколько не похожим на то, которое, по общему признанию, считается выражением „великого века“. Это — его ученые и эрудиты. Когда мы впервые подходим к этой мало блестящей части литературного мира XVII в., нам кажется, что новая область открывается нашим глазам. Наше впечатление в этом случае похоже на впечатление исследователя, добравшегося в своих раскопках до более глубоких слоев почвы, которые, невидимые глазу, несут в себе фундаменты самых прекрасных зданий и корни самых мощных деревьев. В стороне от избранного круга блестящих писателей живет, несколько в тени, многочисленное общество ученых, эрудитов, умных и трудолюбивых, в непрерывных взаимных сношениях, которые от края и до края Европы знают друг друга, общаются в непрерывной переписке и непрерывно осведомлены о ходе работ и открытий друг друга“.¹

Нет ни возможности, и не было бы смысла перечислять даже более видных деятелей этого предприятия, авторов этой переписки. В такого рода общей работе невидные и преданные работники не менее нужны, чем выдающиеся гении. Они входят важным элементом в тот глубокий слой подпочвы, который, согласно только-что цитированному выражению Броли, поддерживает фундаменты самых высоких зданий и корни самых мощных деревьев. В наше время совсем явбыто, даже специалистами, имя скромного бордосского священника Никеза. А в середине XVII в. не было ни одного участника бенедиктинской работы, который не был бы ему обязан прямо или косвенно. Невидимый, сам полуслепой как крот, он рылся

¹ De Broglie. Mabillon et la congrégation de St. Maur, 161.

в самых глухих провинциальных архивах и поисках рукописных сокровищ. В кабинете рукописей Национальной библиотеки сохранилось несколько тысяч писем, адресованных к нему. Они идут из всех концов католического мира. Один шутник при жизни посвятил ему комическую надгробную эпитафию.

Ci gît l'illustre abbé Nicaise
Qui la plume en main, dans sa chaise,
Mettait lui seul en mouvement
Toscan, français, belge, allemand,
Non par discours mutuels,
Mais par lettres continuelles...
C'était le facteur de Parnassel
Or gît il, et cette disgrâce
Fait perdre... mainte curieuse riposte.
Mais nul n'y perd tant que la poste.

Предприятие бенедиктинцев было сильно более всего подобными сотрудниками и громадной дисциплиной своей армии. Но судьба не отказала ему и в другом необходимом условии: в талантливых вождях. Дом Тарисс, при котором начертан был план работы, сошел в могилу, не дождавшись его осуществления. Место его занял дом Люк д'Ашерри. Но уже в 50-х гг. рядом с ним становится замечательная фигура Иоанна (Жана) Мабильона.

Этот крестьянский сын из местечка St. Pieremont в Шампани уже в отроческие годы, учеником реймской Collège des Bons Enfants, обнаруживал самый живой и упорный интерес к подлинным следам прошлого. Возвращаясь на каникулы, он отправляется в исторические экскурсии, ищет и списывает надписи с забытых надгробных камней. В 17 лет роется в книгохранилищах окрестных церквей и монастырей. В одном из таких хранилищ он нашел прекрасную библию каролингской эпохи и сделал на ней пометку: „biblia sacra infiniti valoris et servatu dignissima“ — „священная библия, бесконечной цены и достойна сохранения“. Мабильон не подозревал, делая эту надпись, что в глазах любителей она значительно повышает цену редкого манускрипта.

Двадцати пяти лет Мабильон вступил в реформированный орден бенедиктинцев, конгрегации св. Мавра, а в 1654 г. мы видим его членом обители Saint-Germain-des-Près. В этом дре-

нем аббатстве он нашел то, чего искал: редкую, великолепную библиотеку средневековых рукописей, самоотверженных товарищей, прекрасную рабочую дисциплину, направляемую твердой рукой Люка д'Ашери, и целую группу опытных ученых руководителей. Все, что в эту пору интересовалось средневековым прошлым, группировалось около аббатства, — целый замкнутый, но живой и деятельный мир ученых исследователей, эрудитов, коллекционеров, библиотекарей, библиофилов, архивистов, книгопродавцев, светских людей и клириков, аббатов, кардиналов и простых монахов, которые все сходились в установленные часы в рефектории аббатства. Здесь постоянными гостями были Du Cange, Baluze, братья Valois, Pierre Renodaut, знаток 17 языков, Robert de Gaignères, собиратель гравюр, портретов, камней, печатей, расписных церковных стекол, затем реймский кардинал Le Tellier и его отец, канцлер Франции, знаменитый иезуит Jean Hardouin, „ученейший и парадоксальнейший“¹ член кружка, страдавший некротимой подозрительностью в отношении текстов и объявивший всю античную литературу подделкой средисвековых монахов.

Следует сказать, что блестящие литературные салоны и двор игнорировали эту ученую организацию, но она пользовалась прочной поддержкой короля и видных государственных людей: Кольбера, Боссюэ, канцлера Франции и многих членов парламента. Две черты характерны были для научной работы кружка: ее изолированность от окружающей жизни и официальное признание правительства. Работа эта остается особым, самодовлеющим священнодействием, которое имело горячих адептов, но не выходило из своего святилища.

Когда в 1654 г. Мабильон явился в Сен-Жерменское аббатство, он первое время занял там положение младшего ученика, которого руководили своими советами д'Ашери, Балюз и Дюканж. Эти советы и указания скоро сформировали из него первоклассного эрудита. Пройдет немного лет, и в сомнительных случаях руководители будут отсылать к Ма-

¹ Шутливая эпитафия на его могилу гласит: *In expectatione judicii hic jacet, hominum paradoxatatus, natione gallus, religione jezuita docte febriciatus, credulitate puer, audacia juvenis, delirium senex Verbum dicam: Hic jacet Harduinus. De Broglie, op. cit., 105.*

Мабильону. В 1657 г. вышел первый издательский его труд *Vita et opera Sancti Bernardi*, где, подвергнув строгой критической оценке рукописное предание сочинений св. Бернарда, Мабильон устанавливает в нем границу между подлинным и неподлинным. Книга вызвала резкие нападки католической критики. Критический метод автора задел традиционные чувства членов церкви. Его обвиняли в самомнении, в отсутствии благоговейного уважения к преданиям церкви. Отвечая на эти нападки, Мабильон пишет:

„Судьба работников нашего ремесла всегда одинакова. Если мы издаем, не мудрствуя лукаво, нас называют глупцами; если издаем критически, — притязательными. Из этих двух путей я предпочитаю второй, как более гармонирующий с любовью к правде, какая приличествует христианину, монаху и священнику, как более соответствующий чести ордена, наконец, как совершенно неизбежный в наш просвещенный век, когда уже никак нельзя писать басен или пускаться в какие бы то ни было утверждения без настоящих доказательств. Лгать — значит отказываться от искренности, добросовестности и чести“;

В этом признании высказался весь Мабильон, и выражены основы его жизни, как и его писательской и издательской деятельности. Он приложил руку почти ко всем современным ему изданиям бенедиктинского ордена. Из них *Annales Ordinis S. Benedicti* и *Acta Sanctorum Ord. S. Ben.* являются плодом исключительно его работы. Но главная слава его имени связана не столько с этими изданиями, сколько с теоретическим их обоснованием, — тем замечательным трактатом, который создал впервые целую новую науку, или, вернее, ряд дисциплин, являющихся важнейшими орудиями исследования историка-медиевиста.

Условия, в каких зародилась и явилась на свет замечательная книга, дали повод к проявлению беспримерной дисциплины конгрегации, какая свойственна большинству ее работников, и внутренней силы самого Мабильона.

С середины XVII в. наряду с бенедиктинцами, работали над изданиями житий святых компания иезуитов, имени Боланда. Один из главных работников предприятия, Даниил Папebroк, исследуя основания подлинности или подложности житий, натолкнулся на мысль контролировать их при помощи

официальных королевских грамот, так наз. дипломов, и в выпущенной им в 1657 г. книге, которая озаглавлена была *Propyleum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis*, путем целого ряда ошибочных посылок пришел к довольно странному заключению по вопросу о подлинности дипломов, а именно, что диплом тем более подозрителен, чем он старше.¹ Наряду с другими важными группами под этот вывод подошло все собрание дипломов, данных меровингскими и каролингскими государями древнему аббатству св. Дионисия.

Можно вообразить впечатление, какое должен был произвести такой результат в среде бенедиктинцев! Выводы Папемброка не только подкапывались под основания имущественных и юридических прерогатив одной из старейших и самых видных бенедиктинских обителей. Они аннулировали раннюю историю династии и опорочивали издания бенедиктинцев, посягая, таким образом, на их научное достоинство. Если вспомнить о давней вражде, которая разделяла старый и новый ордена и ставила их в боевую позицию друг против друга, то можно подумать, что Папемброк сознательно сделался ее орудием.

Мабильон решился выступить на защиту своего ордена и его архивов. „Но он органически неспособен был допустить вырождение важной научной контроверзы в монашескую свару“.² Он не хотел отвечать Папемброку одною из тех полемических брошюр, какие были в ходу в его время. Он мечтал о другом: установить и формулировать самые принципы дипломатической критики с такою убедительностью и силой научных доводов, чтобы практические выводы вытекали сами собою. Он работает шесть лет, чтобы только в 1681 г. выпустить грандиозный том *in-folio*, в 600 листов, с множеством рисунков и чертежей, с ссылками на бесчисленные документы.³ В нем заложено было основание дипломатики, как и хронологии, а также и науки палеографии. Теперь, когда более 250 лет прошло со времени ее появления, и ее

¹ *Fidem habent eo minorem, quo maiorem prae se ferunt antiquitatem.* Папемброк заимствует этот тезис от Marsham'a, из его предисловия к *Monasticon Anglicanum*. London, 1655, т. I.

² Broglie. *Mabillon et la congrégation de St. Maur.*

³ *De re diplomatica libri sex.* Paris, 1681.

тезисы выдержали испытание бесчисленного ряда фактов, все еще можно, хотя с значительными ограничениями, повторить то, что писали о Мабильоне бенедиктинцы, его продолжатели

„Система его верна. Кто вздумает пробивать путь, против воположные тем, какие он наметил, обречен заблудиться. Кто захочет строить на иных основаниях, будет строить на песке“.

Сила его аргументации импонировала прежде всего мысли самого Папebroка. „В начале чтения книги, должен сознаться, пишет он в письме, немедленно посланном Мабильону, я испытывал чисто-человеческое чувство досады. Но затем наслаждение, какое давала твердая и целесообразная система доказательства, чарующий блеск всюду светящейся истины и восхищение перед множеством дотоле мне неизвестных вещей так сильно захватили меня, что я не мог удержаться, чтобы немедленно не сделать участником открытого блага товарища моего, отца Бертия“. Мабильон тотчас отозвался на великодушно принесенную повинную: „Я скорее бы хотел быть автором такого смиренного письма, нежели хвастливо кичащимся сочинителем любого трактата. Ты же моли, чтобы мы, стремящиеся быть твоими подражателями в освящении деяний святых, заслужили стать твоими товарищами прежде всего в осуществлении закона смирения“.¹

В магистральный труд Мабильона, которому он сам дал титул „Трактата о дипломатике“, палеография входит только как часть. Он охватывал исторический памятник полнее и шире его шрифтового определения и предупреждал против опасности оценивать его только этим критерием: „Не из одного письма, и вообще не по одному роду признаков (*neque ex uno characterismo*) дается оценка (памятнику). Да и не одно письмо характеризует на протяжении одного века определенную область“.² Но если палеография являлась лишь

¹ Передаем сокращенно. *Malim esse modestissimae epistolae autor, quam cuiusvis operis vanus ostentator. Tu vero, vir piissime, Deum precare, ut qui tui in Actis sanctorum illustrandis imitatores sumus, etiam in consecranda christiana humilitate socii esse mereamur. Oeuvres postumes de Jean Mabillon, I, 460.*

² *Non ex sola scriptura, neque ex uno characterismo, sed ex omnibus simul pronuntiandum. Neque enim unus est in uno saeculo unave provincia scripturae generis, ibid., p. 241.*

одною из глав капитальной книги Мабильона, она была во всяком случае важной, значительной ее главою.

Мы имели случай отметить, какой бедный материал теории палеографии был налицо до Мабильона. Три имени, из которых каждое в отдельности для каждой национальной культуры употреблялось лишь в ее пределах, соотносительно впечатлению современного, нового письма, исчерпывали ее систему. Мабильон, имевший в распоряжении сравнительный материал, который шел из разнообразных центров, дал этим именам определенное, абсолютное значение, наполнил их содержанием, установил их характеристику и создал законченную классификацию.

Отчасти примыкая к Папebroку, он устанавливал отмеченное нами выше разделение книжного и дипломатического письма: *scriptura litteratoria* и *scriptura diplomatica*. В первой отмечается и характеризуется *scriptura uncialis*, которая, однако, для Мабильона тождественна с нашей *capitalis*. Наиболее любопытно установленное им далее разделение групп, которым он дал (отчасти заимствуя их из старого словаря) имена *gothica*, *langobardica*, *franco-gallica seu merovingica*, *saxonica* и *romana*.

В этом делении, в группировке иллюстрирующих его образцов, в верном методе, на основании этой группировки, датировки и локализации рукописей — огромная заслуга Мабильона.

В тех выражениях, какими он высказывается об их происхождении и взаимоотношении — его большое, донныне не вполне исчерпанное заблуждение.

Мабильон говорит о всех пяти типах письма, как о чем-то зародившемся спонтанно, „о чем-то автохтонном, самостоятельном и равноправном“ рядом с „римским“ письмом, о чем-то, что еще не было названо им „национальными типами“, но по всему смыслу его выражений тяготело к этому имени. Это имя — *écritures nationales* — породившее надолго палеографический мираж, было произнесено учениками Мабильона Dom Tassin et Dom Toustain в расширенном руководстве по дипломатике, так наз. *Nouveau traité*, которое вышло в 1750—1765 гг. и стало основой ряда пространных и кратких выжимок из труда Мабильона, какими впоследствии долго питалась палеография. Оно оставило ложное впечатление совершенно

оригинального палеографического творчества варварских народов, которое будто бы проявилось рядом с доживавшим римским, покрыло и вытеснило его в Италии, расцвело самостоятельно в Испании, Британии и Франции. Впоследствии, Maffei, которого патриотические соображения привели к протесту против этой системы, видит себя вынужденным спорить с положением, будто бы „лангобарды октроировали Италии ее письмо“.

Особенность всякого большого и широкого научного завоевания заключается в том, что его ошибки могут быть исправлены из им самим данного материала.

Мабильон умело и широко использовал богатый корбийский фонд, в котором прослеживаются стихи меровингского, островного и специально корбийского письма, в известных отношениях представлявшего подготовку каролингского. Таблицы,¹ определения и наблюдения автора дают огромную часть того, на чем можно и в настоящее время основать такую систему палеографии, которая была бы более верной и всеобъемлющей, чем система самого Мабильона, которая углубляла бы его собственную.

Совершенно оригинальным у Мабильона являются имя и понятие *scripturae merovingicae*, так же, как и той, которая со временем имела покрыть и устранить „национальные“ типы— *scripturae carolinicae*. Так „ввел Мабильон имя Карла Великого в историю письма“,² не преувеличивая вместе с тем роли Алкуина в каролингской реформе, как то делали до него немецкие филологи. Не можем не отметить по пути, что так как с тех пор значительная часть корбийского фонда очутилась в Российской (ныне государственной) Публичной библиотеке и не прошла через проверку новых палеографов, таблицы и описания Мабильона явились существенным средством признать их и восстановить их историю.

Мы не считаем нужным длительно останавливаться на нескольких заключительных эпизодах бенедиктинско-иезуитского спора, которые имеют не столько серьезный и насущный, сколько парадоксальный и анекдотический характер. Путей, на которые вступила разработка палеографии после Мабильона,

¹ Мабильон применял к воспроизведению шрифтов способ медной гравюры.

² *Tr a u b e. Vorlesungen, 27.*

не смогли изменить полемические выступления отцов ордена Иисусова: Ардуэна и Жермона.

„Ученейший и парадоксальнейший“ *pater Harduinus*, издатель одной из лучших коллекций соборных деяний и превосходно обработанного текста Плиния, известен был в рефектории Сен-Жерменского аббатства как отличный нумизмат и крайний скептик. В результате пристального изучения легенд на античных и средневековых монетах, он пришел к заключению о подлинности исключительно тех рукописных памятников, которые по своим графическим формам аналогичны надписям на монетах.¹ Но так как надписи ранних средневековых монет являются, преимущественно, в капитальном или унициальном письме, то все, что написано или переписано было в минускуле, тем самым для Ардуэна оказалось заподозренным. За исключением Цицерона, старшего Плиния, а также георгик Вергилия и сатир Горация, он объявил всю античную, дошедшую в средневековых списках, литературу подделкой XIV—XV вв. В дальнейших его исследованиях ту же участь разделили все греческие писатели, кроме Гомера и Геродота, многие отцы церкви, соборные деяния, все авторы, писавшие по англо-саксонски. Таким образом, теперь фальсификацией объявлялось не одно архивное, но и рукописное наследство как средневековья, так и античности. Ардуэн великодушно обнял его во всей полноте в своем скептицизме. Эти крайности совершенно трезво оценивались большинством его друзей и противников, которые (Буало) в беседе и переписке с Ардуэном шуточно цитировали славных римских поэтов, объявленных им за подделку средневекового монаха — не иначе, как „frère Horace“ и „dom Virgil“. Но из его разрушительных аргументов более определенный вывод сделан был его товарищем по ордену, Бартеlemi Жермоном. Он, вместе с целой группой своих сателлитов, „жермонистов“, снова направляет удары на сен-жерменские архивы и на дипломатику Мабильона; удары, которые на фоне созданвшейся репутации его огромного труда приняты были публичным мнением Европы как чисто-полемические выходки, вынужденные

¹ *Johannis Harduini S. I. presbyteri chronologicæ ex nummis antiquis restitutæ prolusio de nummis Herodiadum*. Paris, 1693. - Его же. *Prolegomena ad censuram scriptorum veterum*. Paris, 1766.

орденским соперничеством. Косвенно обезвреженные Мабильоном в его *Supplementum*,¹ они без особенного труда были ликвидированы в работах Dom Coustant и группы его сотрудников. Спор, несколько раз переходивший с материала грамот на материал кодексов, оказался чрезвычайно плодотворным не только для палеографии, но и для критики текста и истории наслоений на средневековой патрологии. Он раззернул в большой глубине вопрос о рукописной традиции сочинений Аврелия Августина и Илария Пуатевинского и тенденциозном искажении их богословского словаря в средние века.

б) Значение деятельности Монфокона для науки палеографии

Во всяком случае, результатом бескровных битв был возрастающий интерес к рукописному наследству средневековья. Жизнь рефектория св. Германа и аналогичных ему приютов ученых антиквариев захватывала круг гораздо более широкий, чем тот, какой очерчивали их стены. Мы знаем не одного светского любителя, вступавшего в конгрегацию, в надежде найти в ней подходящую школу и обстановку для антикварных студий. Одним из таких был Бернард Монфокон, из знатной нарбоннской семьи, солдат в юности, сохранивший в монашеском одеянии чисто-светский лоск, мирские вкусы и даже буйные замашки и подчинявшийся дисциплине ордена лишь в пределах строго необходимого. Непохожий на Мабильона всем своим моральным обликом, он, однако, воплотил в себе тот же неукротимый дух научной и антикварной страсти и, наряду с Мабильоном, стал второй славой ордена, обосновав его репутацию в области познания рукописной старины и установления научных методов этого познания.

В истории палеографии его имя в известном смысле еще более почетно, чем имя Мабильона. Мабильон затронул палеографию попутно, в связи с дипломатикой. Его метод определять рукопись *pec ex sola scriptura*, сам по себе правильный и широкий, не давал ему достаточно поводов присмотреться ближе к истории буквы. Предприняв обширные

¹ *Mabillonii. Librorum de re diplomatica supplementum, in quo archetypa in his libris pro regulis proposita ipsaeque regulae denuo confirmantur etc Paris, 1704.*

странствия только после издания *De re diplomatica*, погруженный значительную часть жизни гораздо более в дипломы, нежели в кодексы, он был слишком мало историком искусства, чтобы глубже задуматься над вопросом о нюансах и последовательных изменениях форм: *de progressu litterarum*.

К этой задаче более специально обратился Монфокон. Быть может потому, что предметом изучения он сделал греческую палеографию, где, вследствие скудости дипломатического материала, внимание сосредоточивается на кодексах, а книжное письмо, *scriptura libraria*, по существу каллиграфическое, одетое роскошью инициалов и разнообразием миниатюр, естественно, наводит мысль на историю форм; быть может потому, что с юных лет он много странствовал, изучая на почве Италии и Франции памятники ее античного и средневекового искусства: статуи, руины, надписи; результаты этого изучения выразились в огромных, долго не утративших своей ценности трудах *L'Antiquité expliquée et représentée à figures* (15 vol. Paris 1719) и *Les monuments de la monarchie française* (5 vol. Paris 1729); по той или другой причине Монфокон подошел к своей задаче прямее и определеннее, чем Мабильон. Для него палеография явилась самостоятельной задачей, как бы одной из отраслей истории искусства, а не только частью дипломатики. Сам он ведет свое вдохновение от Мабильона. *Monebat enim laudatum a laudatis viris Mabillonii nostri τοῦ μαχαρίτου opus de re diplomatica latina, paria in graecis litteris posse praestari.*¹ Его *Palaographia graeca* должна была явиться лишь параллелью, соответствием латинских изысканий Мабильона. Но она стала чем-то большим и иным. Ее подзаголовок выражает ее специальную задачу: *de ortu et progressu litterarum*. В ней проложил он методологически новый путь. Установив, на основании точных показаний (руководящих надписей, описаний, каталогов), дату изучаемой рукописи, Монфокон подбирал ряд памятников одной эпохи, располагал группы в хронологическом порядке, чтобы затем выписывать, на предмет составления алфавитных таблиц, отдельные типичные буквы, которые затем гравировались, составляя, таким образом,

¹ *Palaographia graeca sive de ortu et progressu litterarum, opera et studio Domni Bernardi de Montfaucon, sacerdotis benedictini e congregatione Sancti Mauri. Paris, 1708.*

наглядные схемы *histoire abécédaire*. В 1715 г. полученный им таким путем определитель приложен был самим Монфоконом к классификации библиотеки *Cosleiana*. Таким путем создан первый научный каталог рукописей.

Заслуга Монфокона заключается не только в том, что на примере греческой палеографии он дал образец „алфавитной истории“, образец, осветивший также пути палеографии латинской. Его труд был первым опытом сравнительного изучения обеих ветвей европейской палеографии. Он оказался в этом смысле одиноким. „Доныне, — замечает Траубе, — не создано того, что должно быть поставлено как научный идеал в области нашей дисциплины: сравнительной истории греко-латинской палеографии и сравнительного миниатюроведения“.¹ Единственная из более новых, сделанная в этом направлении попытка Томсона² дала не сравнительную историю, но две параллельные истории восточной и западной дисциплины. Специалисты той и другой до сих пор работают изолированно, вне настоящего контакта и сотрудничества. Доведенное до надлежащей глубины, оно несомненно должно привести к важным культурно-историческим наблюдениям для истории каждой из них. „Не только потому, что оба алфавита имели общий источник, не только потому, что поразительно сходным было развитие того и другого письма. Но потому, что, несомненно, в эпоху империи должен был иметь место прямой обмен, взаимное влияние, которые осуществлялись в восточно-римской имперской канцелярии, а также и в восточно-римских школах письма, во всех вообще центрах, где деятельно работали над усовершенствованием корректности и каллиграфического изящества роскошных *mss.* Огромную роль сыграла в этом смысле христианская каллиграфия“.³

На работах Монфокона надолго прерывается блестящая история французской палеографической науки. С ними кончается также целый период в жизни бенедиктинской конгрегации и тесно связанной с нею судьбы обители Сен-Жермен-де-Пре. „Новый дух проходит в ордене: его характеризуют

¹ Traube. *Vorlesungen*, 42.

² Цит. руководство Thompson. *Handbook of greek and latin Palaeography*. London, 1893. След. изд. 1912 г.

³ Traube. *Ibid.*

более определенные яansenистские симпатии, резкая борьба против буллы *Unigenitus*“ (ультрамонтанских и иезуитских течений в церкви). В нравах ордена можно констатировать известную распущенность. Его члены войдут в салоны и будут жить жизнью наполовину светских людей до того дня, „пока великая буря Революции рассеет монахов, сожжет их книги, разбросает старые рукописи и пройдет с плугом по развалинам обители, приюта стольких трудов и воспоминаний“.¹

с) Система Маффен

В настоящее время представляется очень благодарной задачей обвинять Мабильона в его заблуждениях. Но, вероятно, мы оценим их только по справедливости, если признаем, что они были фатальными.

Взгляд его был прежде всего поражен характерными чертами известных групп провинциальных шрифтов и их варварским характером. Зарегистрировать и верно определить эти типы, уловить их дальнейшую эволюцию, на этом основании найти критерий датировки и локализации пампфилов, такова была главная его задача в споре с Панаброкком. Он ее исполнил. Для установления генеалогии и преистории этих шрифтов, действительного их отношения к римскому письму, ему нужны были бы последовательно наслаивавшиеся графические впечатления переходной эпохи. Таких впечатлений он не имел в сен-жерменском фонде.

Да и ни в каком ином из доступных ему рукописных хранилищ. Большинство библиотек, к которым подходило его ищущее внимание, были библиотеками весьма сложного происхождения, куда отдельные фонды вступали в разные времена, без ясных указаний на пути, какие они проходили, и на скриптории, из которых вышли. Для его ощущения существовал разрыв между римским и варварскими курсивами. Между теми и другими зияла ничем не заполненная пропасть.

Верная интуиция действительной истории письма, способная правдиво осветить отношения между классическим курсивом и средневековым письмом, могла притти от такого типа библиотеки, которая сложилась бы совершенно естественно, в более или менее замкнутом кругу определенной графиче-

¹ De Broglie. Op. cit.

ской традиции, связывавшей путем постепенных переходов, без вторжений посторонних стихий, старое и новое.

Такую библиотеку дано было открыть человеку, стоящему совершенно вне круга мавристских исканий, стоявшему долго вне круга рукописных интересов.

Мотив чисто-эмоционального характера побудил его к ее исканию; он также помог верно угадать тот закон, какой вытекал из ее наблюдения для истории письма: то был страстный итальянский патриотизм, римская гордость. Этим человеком был маркиз Сципионе Маффеи (1675—1755), веронец по происхождению, отчасти солдат по ремеслу, по вкусам—литератор, среднего достоинства драматург, но один из видных реформаторов итальянской сцены XVIII в.

Его огорчал тот несоответствующий ее достоинству вид, в каком Италия являлась перед иностранцами: отсутствие в ней осведомленных путеводителей, плохая регистрация ее сокровищ. Он обратил внимание на то, что в его родном городе, Вероне, записки иностранных путешественников отмечают какую-то старую библиотеку, которую по их указаниям искали и не нашли Мабильон и Монфокоп.

Задавшись целью составить путеводитель по Вероне, Маффеи ищет эту библиотеку с свойственной ему настойчивостью и формирует из себя, по пути, антиквара и палеографа, которые помогли ему оценить ее по достоинству. Он нашел ее в книгохранилище Веронского капитула, но не в шкапах, где ее долго и тщетно искали, а на их верхах, сваленную туда во время наводнения реки Эча. Драматически изображает он, как, приставив лестницу, он наконец дрожащей рукой схватил тысячелетние сокровища. „От восторга я почти лишился сознания и соображения. Мне казалось, что я вижу сны наяву“.¹

И в самом деле, он открыл самые прекрасные, самые старые и, может быть, в научном смысле самые ценные латинские рукописи, какие вообще существуют.² Он использовал свою находку для издания оказавшегося в ней Кассиодора, в предисловии к которому высказал некоторые из своих па-

¹ Alienabar paene mente ac sensibus prae admiratione et vigilans somnare mihi videbar. Предисловие к *Complexiones Cassiodorii*, p. XVI. Заимств. у Traube, op. cit., 44.

² Ibid.

леографических наблюдений. Затем Маффеи увлекается эпиграфикой, составляет библиотеку латинских папирусов, разбрасывается по множеству литературных предприятий, чтобы только урывками возвращаться к своему открытию.

Он проектировал систематическое опровержение Мабильона в большом предисловии к задуманному сочинению *Bibliotheca Veronensis manuscripta*, где был бы использован найденный им материал. Этот план не был им выполнен, и о своем открытии он дал отчет и сделал вытекающие для теории и истории палеографии выводы в разные периоды своей деятельности в сочинениях *Istoria diplomatica* (1727), *Verona illustrata* (1732), *Istoria Teologica* (1742), которая сопровождается таблицами. В тоне страстной полемики против Мабильона, против системы множественности графических очагов он выдвигает систему органического единства.

„Никогда не существовало национальных шрифтов. Я могу доказать это с очевидностью геометрической аксиомы. Все, что вы об этом слышали от ученого и почтенного падре Мабильоне, есть ошибка, заблуждение! Существует только три типа единого римского письма: маюскул, минускул и курсив, которые являются нам в разнообразных изменениях и превращениях. Это—разновидности одного типа, не различные типы: и их мы наблюдаем в римских рукописях“.¹

Субъективный аргумент, более всего убедительный для самого Маффеи и оказавшийся, быть может, самым действительным для его читателей, заключался в априорном утверждении невозможности графического творчества у варваров и какого-либо сопоставления его, в качестве равноправного, с римским письмом. „Разве можно поверить, будто существовало лангобардское письмо, и будто оно, с вторжением лангобардов в 568 г., было октроировано римскому народу? Разве в то время как я пишу,² не стояло в этой части Италии (в Вероне) восемьдесят тысяч наемных немецких солдат (*soldati alemanni*) с женами, детьми и обозами? Изменился ли из-за этого итальянский народ? Меньше ли отдастся он своим привычным занятиям? Изменилось ли в характере наше искусство, язык, письмо? И почему нет? — Потому что немцы куль-

¹ *Istoria diplomatica*. Mantua, 1727, 113.

² Это было в 1732 г., в эпоху австрийской оккупации северной Италии.

тивируют и интересуются исключительно тем, что некогда исключительно культивировали и чем единственно интересовались лангобарды“.

„Иными словами,—комментирует это место Траубе, немцы гордились ремеслом меча, но искусство и наука цвели в доме Италии“.¹

Но кроме этого общего и субъективного аргумента, у Маффеи был другой, убедительный для самого придирчивого исследователя. Это была сама Веронская библиотека; это был клад ее рукописей, в которых естественно и постепенно, на протяжении трех критических столетий, от VI до IX вв., не осложняемая вступлением никаких посторонних рукописных фондов, наблюдается эволюция позднего римского курсива в „лангобардское“—после исследований Маффеи лучше было бы отказаться от этого имени,—в средневековое итальянское письмо.

Подобной картины нельзя наблюдать ни в одной из европейских библиотек. Во многих имеются рукописи более глубокой древности, чем Веронская, но все они очень рано принимали вливавшиеся в них разными путями весьма разнообразные фонды. Ватиканская уже в раннем средневековье представляла склад самых разнохарактерных материалов, шедших из Франции, Германии, из Африки и с Востока. В ней можно знакомиться с огромным разнообразием типов письма, но нельзя установить закон их эволюции. Веронская библиотека, органически росшая в строго замкнутом кругу местных графических влияний, открывает этот закон и иллюстрирует его убедительными примерами. Они импонируют читателю уже в тех таблицах, какими Маффеи сопровождает свою книгу: *Istoria Teologica*, 1742 г. А priori притягательное положение о едином корне латинского письма получает опытное оправдание.

В настоящее время не может возникнуть сомнений в верности его тезиса. „Национальные шрифты“—миф, созданный неосторожной терминологией Мабильона. Варварским племенам на почве империи не принадлежит никакой прямой инициативы в установлении типов письма. Чем больше мы всматриваемся в различные его элементы и их деривации

¹ I. Traube. Vorlesungen, 47.

на почве отдельных провинций старой империи, тем больше мы убеждаемся, что все они были даны целиком или в зародыше в унциале или курсиве поздней классической эпохи. Естественно, что с разложением единства империи, с образованием областных миров, дальнейшее развитие письма совершается не в одном, но в нескольких различных, все более расходящихся направлениях до момента нового каролингского синтеза; что это развитие в особенно варварских центрах приходится квалифицировать как вырождение и упадок; в других — улавливать известные местные вкусы и оттенки дукта. В этом смысле мы имеем право говорить не о национальных, а, может быть, только провинциальных типах письма. И принимая для них хотя бы установленные Мабильоном обозначения, помнить, что „лангобардское“ означает только провинциальное-итальянское; „вестготское“ — значит испанское письмо, „меровингское“ — письмо варваризующейся Галлии; и „саксонское“ — северное, островное письмо. Все они — не более, как областные разновидности римского письма. Во всяком случае, *scriptura romana* не может быть сопоставляема, в качестве равноправной, с этими разновидностями, ибо она объемлет их в себе и от себя производит. Неосторожные выражения Мабильона, закрепленные огромным авторитетом его имени, надолго затушевали этот факт, и даже доныне он остается иногда в тени под влиянием непродуманного употребления традиционной терминологии „национальных шрифтов“.

В упорно продолжающемся недоразумении есть доля вины на прямых продолжателях дела Мабильона, бенедиктинских ученых, как и он, примкнувших к его труду общей традицией и заглавием, хотя и попытавшихся ввести в свои построения нечто из того нового, что дал Маффеи. *Nouveau traité de diplomatique par deux religieux bénédictins de la congrégation de S. Maur*, вышедший последовательно в Париже в годы 1750—1765, — труд Dom Tassin и Dom Toustain, — должен был в добросовестной сводке подвести итоги работе, вызванной к жизни стимулами, которые дали Мабильон и Маффеи. Более полувек прошло со времени появления трактата *De re diplomatica*, и несмалое число лет возбуждали тихий мир палеографов огненные выходки Маффеи. Движение открытий, наблюдений, систематизации

совершалось в разных странах: в Англии,¹ Германии,² Франции.³ Тассен и Тустен видели свой долг, долг членов конгрегации в том, чтобы снова собрать в русло бенедиктинской традиции потоки палеографических изысканий. Nonnus (1714) был замечательно добросовестным, — менее, может быть, талантливым, — разрешением этой задачи. Впрочем, у него был и более близкий задушевный повод: окончательно счастлив с возобновившимися, в лице Ардуэна и Жермона, скептическими заподозриваниями сен-жерменских сокровищ. Добрый бенедиктинский обычай требовал в таких случаях выступления в бой с основательным снаряжением и тяжелыми орудиями. Те, которые двинули дом Тассен и дом Тустен, были подчас уж слишком тяжеловесны. Шеститомный „корпус“ задуман, как всеобъемлющий компендий. Всем прошедшим в истории палеографии системам дано здесь место, в несколько эклектическом сочетании. Такое место находит Мабильон, как и Маффеи; причем конструкция последнего не является, однако, поводом для принципиальной ломки системы Мабильона, но сперва пристраивается к ней, в виде приложения, которое авторы приемлют в первых частях с известным осуждением, затем с возрастающей похвалой. Необходимость примирить и сочетать разнообразный и иногда гетерогенный материал заставляет их устанавливать очень сложную, подчас запутанную систему классификации с бесконечным множеством подразделений. Но огромная полнота материала, добросовестная, а в отдельных случаях остроумная свodka наблюдений и систем делает их труд незаменимым еще в настоящее время, когда наука палеографии уже насчитывает не одно произведение более принципиальной конструкции и оригинального значения. Что касается еще недавнего прошлого, то учебная литература жила Тассеном и

¹ В 1703—1705 гг. Hickes and Wanley издают *Thesaurus linguarum septentrionalium*, из которого II том содержал каталог всех англо-сакс. mss. В 1743 г. появился Cosley. *Catalogue of the mss. of the King's Library*.

² Кроме других важных фактов, о которых см. Traube, *op. cit.* 48, следует более всего отметить открытие в 1717 г. почти равной по своему значению Веронской — Вюрцбургской библиотеки.

³ Отмечаем опубликование в 1738 г. C. Rodriguez. *Biblioteca universal di polygraphia espanola publicada por D. B. A. Nasarre*.

Тустеном, извлекая из него выжимки на разных языках. Во всяком случае, им принадлежит заслуга разграничения маюскульного письма на капитальное и унциальное, принятие, рядом с ними, семи (полу-)унциального письма и, в последних частях их работы, ряда общих верных замечаний о вырождении всех этих типов на почве различных римских провинций в „национальные“ шрифты. Имеющиеся в их труде описания и снимки почти всех известных в то время ценных рукописей, систематические индексы делают из их книги настоящий компендий тогдашней палеографической науки. Эта книга была одним из тех подвигов, созданий изумительной дисциплины и научного мужества, какими справедливо гордится XVIII век, и какие после того уже не дано было осуществить отдельным людям.

II. ОБЛАСТНЫЕ ТИПЫ ПИСЬМА

Библиография. Для изучения всех областных типов много материала дает Zimmermann, op. cit., с его превосходным альбомом. W. M. Lindsay у. Notae Latinae. См. нашу библиографию, № 40. Особо отметим приложения к обоим трудам каталоги рукописей. Далее см. описание отдельных типов.

В настоящее время никто уже не принимает всерьез термина „национальное письмо“. Однако историк, который умеет мыслить не в смутных обобщениях, но в живой реальности, существо раннего средневековья, не примет без серьезных ограничений также и самую идею провинциального письма, как она выразилась в больших рубриках Мабильона,— даже в переводе на более соответствующий их существу язык: испанское, итальянское, франко-галльское и островное письмо. Термин „провинциальное“ предполагает, что определенные традиции сложились в отдельных больших областях империи как продукт оригинальной культуры провинциальных римских миров, и закреплены были в каждом отдельном кругу их разделением, их обособлением под властью варварских королей. Но всегда ли, затем, существовало под покровом каждой из таких властей культурное единство? Какими путями оно могло передаваться и закрепляться в кругу ее влияния? Есть, правда, одно интересное указание, свидетельствующее о том, что сама варварская власть иногда пыталась брать на

себя культурную инициативу в формально подчиненном ей мире, в частности, законодательствовать и попросил алфавит. Самый развратный и деспотический из меровингских королей, Хильперих, по словам Григория Турского, „прибавил к латинским буквам (четыре новых), а именно: *o*, какое имеют греки, *ae*, *the* и *wi*, коих начертания следующие: ω , ψ , ζ , Δ . И послал он грамоты во все города (*civitates*) своего королевства (с повелением), чтобы отныне так обучались отроки, и чтобы издревле писанные книги были подчищены пемзой и переписаны заново“ (Gregorii Turon. Hist. Franc. V 45).

Но королевство Хильпериха, одного из „удельных“ государей бывшей державы Хлодовеха, не включало даже всей франкской Галлии. Об алфавитных причудах его братьев нам уже ничего не сообщает меровингский историк. И если бы действительно распоряжение короля было исполнено „во всех городах“, и древле писанные книги были подчищены и исправлены, если бы отроков переучивали, сообразно королевской фантазии, — то ее следы могли бы остаться в книгах меровингской эпохи. До нас не дошло ни одной страницы, написанной или исправленной в духе реформы Хильпериха. Таким образом, в этом единственном известном нам эпизоде законодательная инициатива центральной власти не воплотилась в действительность.

Как она могла влиять на нее, не имея никакого аппарата просвещения? Даже при его наличии мы видим, что подобные изменения осуществляет только исключительное реформаторское рвение и энергия власти. Ни подобной энергии ни такого аппарата не было, конечно, налицо в средневековом прошлом латинского Запада. Традиции письма должны были передаваться через естественно связанные культурные „амфикионии“: группы школ и скрипториев, тяготеющих к одному центру. Но пути этих связей шли прихотливо, перерезывая границы племен и королевств, объединяя круги значительно меньшего радиуса, нежели государственное или провинциальное целое. Уже Томсон в своем интересном руководстве отмечает, что южногалльское письмо довольно трудно отличить от италийского („лангобардского“).¹ Северногалльское письмо оседлостей ирландских, отчасти англо-саксонских,

¹ Thompson. Introduction, 341.

расположившихся на берегах Ламанша, соответственно было близко к островному, но несомненно, само „меровингское“ часто определялось его влиянием. В конце концов, если, — положим, для франко-галльского культурного круга, — откинуть кодексы, которые, мы знаем, писались преимущественно в унциале и, стало быть, лишены топографической (как и хронологической) определенности; если откинуть те южные и северные типы, которые тянут к другим кругам, — у нас в руках остается одна несомненно однородная, весьма характерная группа: дипломов меровингской королевской канцелярии. Она, действительно, узнается сразу и безошибочно и обличает единство создавшей ее традиции. Рядом с нею другие „меровингские“ типы уже сильно от нее отклоняются.

Эти наблюдения, очевидно, должны иметь такое же значение для всякой крупной области. Установленные Мабильоном рубрики далеки от того, чтобы иметь абсолютное значение. Они относятся к каждому данному кругу к одной-двум особенно ярко и характерно проявившим себя школам, где царствует определенный „закон“ письма. Остальные подчиняются этому закону более или менее, или не подчиняются вовсе.

Один основной факт господствует, во всяком случае, в жизни письма переходных веков: постепенное, неотвратимое разложение античных шрифтовых форм и движение спонтанное к стилю иному, тому, что воплотился в различные формы минускула.

„Когда, — говорит в своем исследовании Штейнакер, — (см. выше стр. 62) в IX в. процесс вполне завершился, — от античных традиций не осталось более ничего. Исчез характерный дуализм книжного и обиходного письма, исчезла масса замкнутых шрифтов: *quadrata*, *rustica*, унциал прямой и наклонный, полуунциал; исчез курсив с его различными резкими канцелярскими типами. В общем, на франкском континенте и на периферии — Англия, Испания, Италия — для книг и грамот усвоен один тип: минускул, с несвязанными буквами и лишь с немногими, строго установленными лигатурами. Нет более (до известного времени) курсива. Нет кодексов в сплошном маюскуле... Существенны здесь отрицательные тенденции: 1. Отврат от маюскула: от форм его букв, от всего античного чувства стиля: действия абсолютных и относительных

масштабов, сплошных строк, целостной страницы... 2. Отirat и от римского курсива, соединяющего с полнотой лигатур богатство форм, огромную пластичность выражения, свойственную времени многописания, с его приспособленностью к возможной быстроте дукта... с выразительным ритмом графических элементов, а также с величаво размашистой (großzügige) декоративной стилизацией императорский курсив, ранний курiaal“ (цит. соч. стр. 141).³

Все эти роды были не оттеснены, но „разложены“ минускулом. Они не потому исчезли, что кто-то изобрел минускул, в угоду которому их убрали. Наоборот: так как эти традиции утратили свои предпосылки и одичали или умерли, появились независимые попытки к созданию простого и ясного письма.

„К тому же привели и положительные потребности (стр. 143). Одна заключалась в экономии: исчезновение папируса и сокращение поля письма вынудили письмо более мелкое (этим самым—труднее читаемое). Другая лежала в мотивах эстетических: исчезновении чувства монументального, с одной стороны, а с другой—радости движения в письме“ (стр. 166).

Эти-то мотивы и повели к новым формам тех франкских, итальянских, испанских минусколоидов или прямо минускулов, которые в литературе немецкой обозначены как „переходное письмо“, Uebergangsschrift, в английской, как ранний минускул—early minuscul (стр. 143).

После этих предварительных примечаний мы решаемся приступить к описанию „национальных писем“, напомнив еще раз цитированное на стр. 62 предостережение того же Штейнакера.

а) Вестготское (испанское) письмо

Библиография. E. A. L o e w (Lowe). *Studia palaeographica. A contribution to the history of early latin minuscule and to the dating of visigothic manuscripts.* SB d. bayr. Akad. Philos.-hist. Kl. 1910, 12 Abt.—L. S c h i a p a r e l l i. *Note paleografiche. Intorno all'origine della scrittura visigotica.* ASI XII (1929) 165—217.

Необходимые факсимиле можно найти у A. M e r i n o. *Escuela palaeographica.* Madrid, 1780.—M u n o z y R i v e r o. *Paleographia visigoda. Metodo teorico-pratico para aprender a leer los codices y documentos espanoles de los siglos V as VII.* Madrid, 1831.—Но в особенности мы рекомендуем прекрасное издание P. E w a l d et E. A. L o e w e. *Exempla scripturae visigoticae XL tabulis expressa.* Heidelberg, 1883.—I. M. B u r n a m, *Palaeographia*

Iberica. Fac-similes de manuscrits espagnols et portugais IV — XV ss. avec notices et transcriptions. Paris, 1912—1920.—Ch. U. Clark. Collectanea Hispanica. Paris, 1920.

Упомянем как более новый, общий курс посвященный испанской палеографии, С. Millaris, Paleographia espanola. Ensayo de un historia de la scriptura en Espana desde el siglo VIII al XVII. Barcelona 1929. — Idem. Contribución al corpus des Codices visigoticos. 1935.

Мы начинаем с этого письма, как с такого, которое имело относительно мало особенностей и вариантов на основном стволе римского нового курсива (или в некоторых случаях полукурсива), из которого оно вышло. Альбом Эвальда и Лове, специально посвященный испанским образцам, дает очень полную картину его изменений.¹

В самых ранних образцах (VII в.) только глаз, очень изоциренный в наблюдении позднее развившихся его особенностей, уловит первые намеки на них. В общем, письмо в эту раннюю пору отличается от типа римского курсива известным впечатлением неловкости и некрасивости.

Есть и более определенные характеристики: оно сильно наклонно налево, как и всякое (по нашему наблюдению) письмо, которое хочет быть экономным; буквы его скупо лепятся, в противоположность свободному размаху римского прототипа. Эту черту вестготский шрифт будет разделять с меровингским, который, однако, не разделяет другой его черты: угловатости. И та и другая особенности отделяют его от большинства италийских, в худших своих образцах скорее сохранивших известную широту размаха. В интересах вышеописанной экономии буква *a* систематически взбирается наверх и перемычка буквы *e* (которой головка несколько поднимается над строкой) систематически служит первым элементом следующей буквы.

Уже обозначаются особенности, которые до конца XII в. пройдут через все известные нам образцы испанского начертания, даже после сильной переработки его каролингским влиянием: именно буква *g* весьма слабо или вовсе не отличается от *q*. Абревиатура ¹ для *m* получает вид черточки с точкой над нею. Буква *t* преимущественно (за исключением

¹ Об абревиатурах см. ниже, стр. 158 и 190.

комбинаций с *i* и *e*, когда она имеет вид скорописной унциальной получает форму, несколько напоминающую курсивное *n*.¹

В истории этого письма, которое рано проникло в Европу (унциал в Испании гораздо менее исключительно претендовала на роль „книжного письма“, чем в ранней Франции), замечательна его быстрая эволюция в чрезвычайно красивые и четкие формы. Уже в конце VIII в. в некоторых рукописях Педоро Севильского (ныне в Эскуриале), в кодексах св. Писания мы любимся нанизанными, как круглый жемчуг, буквами письма, которому слава главной его школы в Толедо дала имя *scripturae toletanae*,² а тот факт, что ему суждено было жить и развиваться под арабскою властью и сделаться выражением несколько своеобразной испанской литургии, получившей имя мозарабской (*mozarava* или *mosaraba*), присвоил ему то же имя мозарабского письма.

Здесь указанные выше характерные особенности отчетливо бросаются в глаза. Красивое *t*², которого облечение, описан правильный круг снизу вверх, затем твердой чертой протягивается направо, прорезывает (буде оно находится рядом) следующее *e*, чтобы образовать его перемычку, или дотягивается до соседних *i* и *u*, чтобы дать им покрытие, — живописно мелькает среди бисера соседних букв. Головка *e* всюду осторожно подымается над ровной строчкой, и его перемычка сильным ударом отходит вправо или вниз, чтобы начать собою соседнюю букву, — если только она поддается такой лигатуре—как *m*, *n*, *f*, *r*, *s* (в их ранней курсивной форме), *x* и даже *o*. Эти красивые, четкие вязки *e* с его соседками одно из самых ласкающих глаз впечатлений вестготского письма.³

Буквы, начинающиеся с прямой вертикальной черты (*i*, *m*, *p*, *p*, *u*),⁴ открываются с некоторого подхода к ней: косою штриха или утолщения наверху. Те, которые кончаются прямой вертикальной чертой, имеют такое же утолщение или заключительный штрих внизу *a*, которое обычно, почти открыто и

¹ См. прилагаемую табл. II, фиг. 5.

² Ср. Morel Fatio в ВЕCh. XLIII, 237—238.

³ См. слова *esitatione* в строке 1 образца 5 нашей табл. II. См. табл. II, фиг. 5 слова, где курсивом мы набираем буквы, соответствующие описанию: *esitatione, imitemus, martyres, relinquerunt*.

⁴ Отыскать в той же фиг. 5.

отличается от *и* лишь тем, что его второй элемент заканчивается волосной, которая, закругляясь, прицепляет его к следующей букве. Обратное *и* заканчивается прямой чертой и стоит одиноко. Кроме чистографических, „вестготское“ письмо имеет и иные особенности. Это начертание слова *sint* в виде *quint*, *sur* в виде *quur*, пропуск спиранта *h* (*aurire*, *mici*, *pulcerrima*, *nicil*), далее—сокращение *noster* через *nsr* (в противоположность обычному *nr*), *id est* через *idt* (тогда как обычно *i. e.*), сокращение предлога *per* не в виде *p*, подчеркиваемого снизу горизонтальной чертой, но в виде *p*, с косым прорезом, — метод, каким сокращался на континенте предлог *pro*.

С X, XI вв. письмо все более выигрывает в совершенстве, не меняясь существенно. Все большая тонкость, легкость и чистота форм конца X—начала XI вв., сравнительно с более жирными и лепящимися формами IX в., изящная миниатюрность букв конца XI и начала XII вв., сравнительно с более крупными формами предшествующего периода, — таков, в общем, закон движения вестготского письма. С конца X в. оно находится под влиянием каролингского минускула; в конце XI в., как мы увидим, „официально“ ему уступает, не всегда ассимилируясь фактически. (См. историю послекаролингских влияний в Европе стр. 158).

б) Лангобардское (итальянское) письмо ¹

Библиография. О термине „лангобардский“ см. L. Traube. *Perrona scottorum. Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte und zur Palaeographie des Mittelalters.* SB d. bayr. Acad. Philos.-hist. Kl. (1900) 469—538.

С письмом итальянских грамот можно познакомиться по альбому G. Bonelli. *Codice paleografico langobardo. Riproduzione di tutti documenti anteriori al 1000 esistenti in Lombardia, vol. I, Milano, 1903.* Здесь даны произведения североитальянских грамот VIII в.—Для юга Италии: M. Russi. *Palaeografia e diplomatica de documenti delle provincie Napolitane.* Napoli, 1883.—Большое собрание подлинных итальянских грамот имеется в Институте документа, книги и письма Акад. Наук СССР (6. коллекция Лихачева) пригот. к печати С. А. Анненским, под ред. О. А. Добиш-Рождественской и акад. А. С. Орлова. Древнейшие из этих грамот писаны еще интригующим нас „лангобардским“ курсивом. Факсимиле одной из них: В. В. Бахтин, Североитальянская грамота X в. в Музее палеографии. ИАН СССР, Отд. гум. наук (1928) 141—146.

О папском курсиве: P. Kehr, *Über eine römische Papyrusurkunde im Staatsarchiv zu Marburg. Abh. der könig. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen.* Phil.-hist. Kl. NF. I (1886) 10—15.—K. Brandi. *Der byzantinische Kaiserbrief*

¹ Указания изданий факсимиле этого письма см. ниже, стр. 158.

aus dem St-Denis und die Schrift der frümittelalterlichen Kanzleien. Aufl. I (1907) 5 sqq.—L. Schiaparelli. Intorno all'origine della scrittura curiale romana. ASI VII—VIII (1926) 165—197.—Воспроизведения: J. Pflugk Harttung Specimina selecta chartarum pontificum romanorum. Stuttgart, 1885—1887. A. Brackmann. Papsturkunden, Urkunden und Siegel in Nachbildungen für den akademischen Gebrauch v. G. Seeliger. Bd. II. Leipzig u. Berlin, 1914. P. Kehr. Die ältesten Papsturkunden Spaniens erläutert und reproduziert. Abh. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. (1926) 56 sqq.—О письме римских нотариусов: L. M. Hartmann. Ecclesiae S. Mariae in via lata tabularium. Wien, 1895—1901.—A. de Boüard. Les notaires de Rome au Moyen Age. École française de Rome. Mélanges XXXI (1911) 204 sqq.—См. также о папской канцелярии и учреждениях города Рима: P. Kehr. Scrinium und Palatium. MIOG VI Ergänzungsband (1901).

Хорошего общего обзора раннего итальянского книжного минускула нет. Для первоначального ознакомления удобнее всего Schiaparelli. Influenze straniere nella scrittura italiana dei ss. VIII e IX. Studi e testi. 47. Затем см. монографии об отдельных мастерских письма.—Боббио: С. Cipolla. Codici Bobbiesi della biblioteca Nazionale Universitaria in Torino. Milano, 1907.—W. M. Lindsay. The Bobbio Scriptorium. ZBW XXVI (1909) 293 sqq. (Новая работа подготавливается Doris Bains.) Верона: E. Carusi e W. M. Lindsay. Monumenta palaeographica Veronensia, vol. I—II. Romae, 1928—1934.—Лукка: L. Schiaparelli. Il Codice 490 della biblioteca capitulara di Lucca. La scuola scrittoria lucchese (sec. VIII—IX). Contributo allo stude delle minuscule precarolina in Italia. Studi e testi 36. Roma, 1920.—См. также литературу, указанную по вопросу о происхождении каролингского минускула в особенности работу Steinaecker'a.—Об образчике раннего итальянского минускула см. O. Dobias-Roždestvenskaïa. La main de Paul Diacre sur un Codex du VIII siècle, envoyé à Adalhard. Memorie Storiche Forogiuliesi XXV (1929), 1—15. Ес же: Фриульский минускул в сборнике ИКДП (в печати).

О бенеventском письме: E. A. Loew (Lowe). The Beneventan Script. A history of the south italian minuscule. Oxford, 1914.—P. Lehmann. Zum beneventanischen Schrifttum. ZBW XLII (1925).—О распространении бенеventского письма в Далмации: V. Novak. Scriptoria Beneventana. S osobitým obzirem na tip Dalmatinske Beneventa. Agram (Zagreb), 1920.—Воспроизведения: Paleographia artistica di Montecassino. Montecassino, 1887.

От группы, относительно, довольно цельной и однородной мы переходим к такой, для которой нет возможности установить общие типические черты.

Термин „лангобардский“ у самого Мабильона имел неточные, неопределенные границы. С одной стороны, подчиняясь установившемуся в Сен-Жермен-де-Пре словоупотреблению, при котором мавристы, в подражание итальянским филологам, называли „лангобардским“ всякое письмо, непохожее на каролингский минускул, он применил этот термин к поразив-

шему их в свое время своеобразием корбийскому письму, с другой, под этим именем Мабильон знакомился с посылавшимися ему из Италии образцами монтекассинского письма... Таким образом, у самого Мабильона не было совершенно отчетливой идеи о характере того письма, за которым он закрепил имя лангобардского. Множившиеся в дальнейшем наблюдения над итальянским письмом давали все меньшие надежды на установление определенного „лангобардского“ типа.

Однако традиция установленных рубрик и впечатление определенной историко-литературной индивидуальности Италии сделали то, что всякий историк средневекового письма стремился наполнить рубрику определенным внутренне-цельным содержанием.

Ни одному из них это не удалось. Содержание богато и разнообразно. Слишком разнообразно, чтобы вложиться в какой-либо определенный тип. Томсон, собственно говоря, даже и не пытается дать определения „лангобардскому“ стилю. Он говорит, правда, об „абсолютно-лангобардских“ *a* и *t*. Но относительно *t* он скорее ошибается, как увидим ниже. В остальном он ограничивается приведением трех, несколько не похожих один на другой, образцов, которые ему приходится называть лангобардскими (с поправкой: итальянскими) единственно потому, что все идут из Италии. Между ними нет ничего общего и ничего, специально отличающего их от других провинциальных шрифтов.

Жизненное система Стеффенса. Он принимает имя лангобардского (италийского), но несомненно лишь потому, что нет особенных препятствий, а есть практическое удобство описывать рядом графические типы одной географической и культурной области. Страна, где в основе крепче, чем где бы то ни было, лежал слой римского курсива, но где на севере было деятельным и живым могучее влияние ирландской киновии Боббио, где в разных частях, около Равенны и на юге, приливали струи византийских влияний, где, с одной стороны, вторжение лангобардов в VI в. вызвало глубокое одичание ряда очагов, а с другой, — целый ряд явлений: от VIII в. — деятельность арабских центров, от IX в. — влияние передвигающегося двора Каролингов, до X в. неподвижного „скриния“ римских пап, а с XI в. — полного чужих скрипторов и чиновников, „палатия“ странствующих, неримских по

происхождению понтификов, затем двора норманнов, протививавшего с начала XII в. французских писцов и двора Гогенштауфенов, ведущих за собою в XIII в. отчасти германский штат, — где все это вызывало непрерывное культурное взаимодействие и перекрестный вихрь пестрых графических типов, могла ли такая страна дать картину единства в области письма? Его и нет в Италии. Те четыре группы, которые нашел возможным установить Стеффенс, ни в чем не сходны между собою, ничем общим не разнятся от внеиталийских, и очень возможно, если бы мы имели от VII до XII в. больше образцов, то к четырем типам можно было бы прибавить пятый и шестой, столь же мало укладывающиеся в одну общую рубрику.

В сущности, все разновидности италийского письма имеют только одну характерную букву, очень редко допускающую рядом с собою другие формы. Это *a* из двух неполных колец, примыкающих друг к другу или еще чаще отстоящих друг от друга, как бы два рядом стоящие *c*. Что касается того *l*, напоминающего курсивное *a*, которое мы уже встречали в рукописях вестготского происхождения, и которое Томсон почему то называет „безусловно лангобардским по форме“, — оно не характерно и не исключительно для Италии: в данных им самим образцах ¹ *a* имеет три совершенно разных формы.

Рубрики, которые предлагает устанавливать Стеффенс, следующие:

1. Письмо итальянских нотариусов, которое он считает одинаковым для княжеств северных, как и южных. Оно сохранилось в большом числе памятников. Приводимая ниже в таблице III, фиг. 10, равеннская хартия — его образец.

2. Папский куриал (письмо римской курии), образцы которого имеются от IX в. и продолжают до XII в. Наша табл. III, фиг. 9 и IV, фиг. 19.

3. Старое итальянское книжное письмо — прямое продолжение римского полукурсива.² Оно оставило больше всего

¹ См. стр. 219 sqq.

² Эта эволюция очень ясна, если сравнить рукопись VI в. Писифа Флавия Амвросианской библиотеки в Милане с рукописью VII в. томанин св. Максима, епископа Туринского — в той же библиотеке. См. табл. 20, 21 23 у Steffen's'a, Lateinische Paläographie.

следов на севере, подверглось во многих разновидностях влиянию ирландских писцов Боббио. Образцы под именем „североитальянского минускула“ имеются у Стеффенса¹ и во многих изданиях факсимиле.

4. Книжное письмо беневентских скрипториев и более всего — монтекассинское. Это красивое ломаное, несколько вычурное письмо, своим своеобразием, начиная с XI в., привлекало особенное внимание палеографов. Ему-то давали имя письма „лангобардского“ (название, с которым по несправедливости может разве сравниться обозначение „готическим“ — французского стиля) или „лангобардско-беневентского“, наполнили его образцами множество изданий, вызывая известный обман зрения в его пользу. В результате этого обмана зрения и неосторожной терминологии, вульгарные представления долго тяготели к двум невольным заблуждениям: отождествлению монтекассинского письма с итальянским вообще и подчеркиванию несуществующей лангобардской инициативы в итальянском письме.² (См. нашу табл. IV, фиг. 17.) Остановимся на этих типах письма.

1. Может быть, имя „лангобардского“ имело бы некоторый смысл для первой, установленной Стеффенсом, группы. Здесь характерно если не лангобардское творчество, то лангобардское одичание. Письмо городских и владетельных курий, перешедшее с папируса на пергамен (довольно поздно: часто не ранее IX в.), обличает, в общем, неловкую, может быть, прямо варварскую руку, портившую знакомые нам очертания римского курсива. Буквы его неровны, мало разборчивы. Но все же это письмо, сравнительно с ранним вестготским и, как увидим ниже, „меровингским“, гораздо более смело и размашисто. В его росчерках, петлях и извивах больше свободы и силы, больше характерности. Типична для него группа *ti* (см. *postulatio*, строка 2 на фиг. 19, табл. IV), которая, как это бро-

¹ Табл. 37 и 38.

² Известную ошибку, думается нам, сделал Томсон, *Handbook*, когда для характеристики „беневентского письма“ приводит, стр. 219, отрывок из грамоты беневентского герцога Гримоальда IV. Грамота писалась, очевидно, не скриптором из Монтекассино, артистом беневентской каллиграфии, но специалистом дипломатического курсива, который навряд ли имел что-либо общее с этой каллиграфией. Очень много образцов монтекассинского письма имеется в издании *Silvestre, Paléographie universelle*

састся в глаза в многочисленных существующих изданиях северных и южных грамот,¹ в некоторых случаях должна была выражать звук *z* (таким образом имя *Azzo* пишется так же, как *Atitio*). Довольно часто встречается характерное *e*, напоминающее восьмерку с завязкой посредине и росчерком вправо, и хорошо знакомая в античном курсиве четкая группа *ri* с идущим вкось *i* (см. выше, стр. 84). Попадаетея, наконец и своеобразное *t*, напоминающее собою *o*, которого дуги наверху скрещиваются, и затем их продолжения разветвляются в обе стороны. Оно будет устойчивым в курiale. Однако, все эти формы попадались и в античном курсиве; их можно встретить и в других провинциальных шрифтах, и так как в нашем письме итальянских грамот они тоже не исключают других форм и даже не доминируют над ними, то для этой группы нельзя указать определенных признаков (кроме большей свободы размаха), которые дали бы возможность распознавать ее совершенно безошибочно (табл. III, фиг. 10).

2. В гораздо более выгодном положении исследователь находится перед памятниками папского письма. Римский курial на протяжении своей независимой жизни от IX до XI в. (с концом XI в. каролингский минускул все решительнее вытесняет его) несколько раз изменял свой общий вид. От характеризующих, особенно первые строки, громадных размеров распухших круглых букв эпохи Иоанна VIII (табл. III, фиг. 9) до подбористых и остроскрещивающихся форм письма Сильвестра II и до вычурной угловатости эпохи Пасхалия II, (табл. IV, фиг. 19, изд. грамоты Сильвестра в ВЕСh, 38), папский стиль, пройдя ряд изменений, сохранил, однако же, несколько чрезвычайно характерных букв. Это главным образом, 4 буквы, из коих одну — *a*, состоящую из двух *c*, мы могли бы, пожалуй, считать общепитальянской, *e* в виде восьмерки с завязкой — довольно обычной в итальянском письме; остальные же две буквы: *q* в виде цифры 2 с огромным верхним закруглением, и *t* в виде *o* с ровными

¹ См. Sickel. Monumenta grafica medii aevi, I Heft: миланские хартии 725—1038 г., табл. IV—X и XI—XIII. — Monaci. Archivio paleografico italiano, главным образом III т., табл. 1—11, 13—21 и 23. — G. Bonelli. Codice paleografico lombardo, saecolo VIII. Milano, 1908. — Цитир. в библиографии издание ИКДП.

усиками, идущими вправо и влево от вершины, составляют прочную особенность именно куриала.

И вместе с тем письма римских городских нотариусов. Со времени прекрасного исследования Kehr'a ¹ ясно, что ранние учреждения римского понтификата, до самой середины XI в. (начала периода „немецких пап“), прочно сливались с учреждениями города Рима; его канцелярия, его писцы были тождественны с штатом и нотариальной коллегией города Рима, пока буря и натиск, вызванные вмешательством влияния империи, не „освободили“ папство от местных связей, вызвав передвижение окружающих его учреждений. Отныне папа только в определенных случаях будет обращаться к услугам римского канцелярского штата „скриния“, предпочитая пользоваться более подвижным и теснее связанным с ним аппаратом „палатия“, в котором все многочисленнее становится штат писцов чуждого происхождения, более склонных к употреблению минускула. Минускул в папской канцелярии впервые появляется в понтификат Бенедикта VIII, чтобы все успешнее соперничать с куриалом. Последние образцы применения куриала относятся к понтификату Паскалия II. Таким образом, с 1118 годом кончено господство его в Риме. ²

3. В истории письма североитальянских книг отмечается одна любопытная черта. Представляя непосредственное продолжение античного полукурсива, косоугольного и мелкого, но довольно четкого, оно было достаточно красиво, чтобы не вызывать нужды в применении унциала в книге. Однако, как можно догадываться, под влиянием унциальных предпочтений ирландских каллиграфов Боббио, это письмо в VIII в. во многих образцах своих выпрямляется. Далее, от североитальянского минускула VIII в. ³ до минускула каролингского, утверждающегося в северной Италии в IX в., шаг не особенно

¹ Kehr. *Scrinium und palatium*.

² Образцы минускула в папских грамотах см. у Steffens'a, *Lat. Pal.* табл. 73.

³ Ср. Н. Steinacker. *Zum Liber diurnus* (цитр. на стр. 62) и наши замечания о фриульском минускуле по поводу ленинградской рукописи F v I 7 в нашем *Catalogue II*, № 32 в Corbie № XXVII и в специальных исследованиях в *Memorie Storiche Forogiuliesi* 1932 и 1935.

значителен. Мы склонны даже думать, что он иногда минимально: часто нет ни нужды ни возможности доказать переход к каролингскому минускулу, и проще предположить естественную эволюцию местного письма к близким последнему формам.

(Отметим еще одно: в начертании северных книг¹ мы не находим никаких характерных форм, которые связывали бы это письмо с другими итальянскими группами.

4. Ярче всего в их ряду физиономия того письма, которое развилось в монастырях южноитальянских княжеств: Капуи и Беневента, и главными школами которого были Монтекассино и Ла-Кава. В исследованиях Лове письмо это подвергалось внимательному анализу.²

Ранее второй половины X в. этой разновидности еще не существовало. До своего рассеяния перед сарацинским разорением в 884 г. монтекассинские скрипторы писали безличным унциалом или круглым курсивом, в котором только кольцевое *a* заслуживает быть отмеченным как италийское. С восстановлением Монтекассино в 950 г., в нем начинают пробивать путь графические тенденции, отдаленно предсказывающие будущий излом. Это — легкие нажимы на конечностях (верхней — слева, нижней — справа) букв *m*, *n*, *u*, и *i* и подход к ним косыми короткими черточками. В XI в. мы уже наблюдаем те характерные изломы, которые развернутся в последовательную систему письма. На какое впечатление рассчитывала эта система „ломаного лангобардского“ письма в период своего артистического совершенства? Мы не имеем в современных ей литературных памятниках ее эстетической оценки. Но правильное чередование в ней тяжелых (влево и вправо) нажимов, — точно густых теней, отбрасываемых рельефной формой, — наводит на мысль, что тут действительно имелось в виду изобразить что-то вроде проекции такого рельефа, как если бы буквы сделаны были из металлической ленты, поставленной на ребро и бросающей тень на сильном свете.

¹ См. образцы этого минускула у Steffens'а табл. 37 и 38.

² E. A. Loew (= Lowe). The Beneventan Script. A history of the South Italian minuscule. Oxford, 1914.

Формы букв в этом несколько крахмальном и искусственном, но четком, красивом, даже роскошном письме — очень устойчивы и верны немногим типам. Это, во-первых, сложенное изломами, кольцевое *a*, далее — *t*, которому мы дадим имя „вестготского“, и которое — при наличии излома — сближается до неразличимости с *a*; находясь же рядом с ним, оно сливается в целую цепочку ломаных колец, от которых рябит в глазу в таких словах, как *dictat*, *tamquam* и т. п. В группах *ti* и *te* буква *t* отступает от этой формы, скорее как бы приближаясь к унциальному *a*. Буква *e* не имеет того вида полной восьмерки, как в других италийских разновидностях. Оба ее кольца (верхнее — реже) бывают открыты справа; верхнее часто подымается над строкой. Очень красивый, характерный вид всегда имеет группа *ri* с идущим вкось *i*. Идущие вправо росчерки букв *t*, *r*, *e*, *g* проводятся очень энергично, перерезывают часто соседние буквы, сливаясь с их росчерками, создавая в общем как бы целые балки, идущие через слова или их части (см. все эти особенности на нашей табл. IV, фиг. 17).

Появляется еще одна особенность, богатая следствиями в будущем „готическом“ письме: это — слияние вплотную всех закруглений, обращенных друг к другу, в таких парах, как *ro*, *oe*, *od*, *og*, *pe*, *os*, *be*, *bo* и т. д. Для непривычного глаза в первое время оно является источником постоянных недоразумений. Вместе с тем, этот мотив „двойного глазка“, время от времени просвечивающего в строке, дает чрезвычайно характерное впечатление для „ломаного ломбардского“, ¹ как и для загадочно многим ему близкого „готического“ письма.

С концом XIII в. угловатость беневентского письма тяготеет к крайней вычурности. Это — пора, когда его влияние, под именем „монашеского“ письма, захватило всю Европу. К этому периоду его жизни мы будем иметь случай вернуться.

с) Меровингское (франко-галльское) письмо

Библиография. Общая характеристика письма см. у L. Schiaparelli. *Intorno all'origine e ai caratteri della scrittura merovingica*. ASI S VII U XVI (1931) 169—193.

¹ Его французское название — *lombard brisé*.

Воспроизведения дипломов меровингских королей P^hilippus et Ch^lo-
S a m a r a n. Les diplômes originaux des Mérovingiens. Facsimilés photographiques
avec notices et transcriptions. Préface par M. Frou. Paris, 1901. — Отдельно
как от реликвий см. L. Delisle. Authentiques des reliques de l'époque mé-
rovingienne découvertes à Vergy. École française de Rome. Mémoires IV (1904)
3 sqq.

Удобного общего обзора, посвященного меровингскому книжному пишу
скулу и переходным к каролингскому письму типам, нет. Отдельным ра-
новидностям посвящены специальные этюды, напр., W. M. Lindsay. The
Laon AZ-type. Revue des Bibliothèques XXIV (1914) 15—27.

См. также работы Lindsay и Zimmermann, указанные в общей
библиографии.

О „корбийском письме“, кроме Traube. Perrona Scotorum, W. M., Lin-
d s a y. The old script of Corbie, its abbreviation symbols. Revue des Bibliothè-
ques XXII (1912) 405—436.—Liebaert (Lindsay). Some early scripts of
the Corbie scriptorium. Palae. Lat. I (1922) 62.

На русском языке В. В. Бахтин. К истории корбийского письма (Сред-
невековье в рукописях Публичной библиотеки II (1927) 61—78).

Для изучения древнейшего письма меровингской Галлии (и франкского
государства в целом) материал дают большие монографии, посвященные
отдельным мастерским. Из более новых: E. A. Lowe. Codices Lugdunenses
Antiquissimi. Le scriptorium de Lyon: La plus ancienne école calligraphique
de France. Lyon, 1924.—E. K. Rand. A Survey of the manuscripts of Tours.
Cambridge-Massachussets, 1930.—L. W. Jones. The Script of Cologne from
Hildebald to Hermann. Cambridge-Massachussets, 1932.— Исследование
автора о Корбийской мастерской см. в общей библиографии № 49. Мы еще
раз напоминаем о работе Линдсе, отмеченной в общей библиографии
под №№ 40.

Мы указывали выше, что под этим именем прежде всего
следует разуметь дипломатический курсив дворцовой кан-
целярии.

К нему относятся все наблюдения и неблагоприятные заме-
чания, которыми в учебниках палеографии окружают меровинг-
ский шрифт: характеристика его, как особенно варварского,
букв его, как прихотливых, неровных, дрожащих, очень,
в общем, крупных, но сильно вытянувшихся (точно, как если
бы вся строка была сильно сжата с обеих сторон), сплетаю-
щихся в неразрешимые лигатуры, отсылающих вверх и вниз
бесконечные петли и ноги, которые цепляются за соседние
строки и увеличивают путаницу... Ни в одном из детей рим-
ского курсива, в общем их впечатлении, нет такого
несходства с родителем, а в деталях — ни в одном, к несчастью
для его читателя, не воспроизведено с такой ненужной рос-

кошью все богатство его форм, вся полнота разнообразных дериватов его букв.

Мы предлагаем читателю вернуться к нашему описанию нового римского курсива ¹ и, подставляя ключ под безобразный текст меровингского диплома (табл. II, фиг. 6) собрать различные формы встречающихся в нем букв. Он найдет все уже известные по новому курсиву варианты и еще некоторые другие.

В этом — его отличие от других национальных шрифтов. ² *a* в форме *и*, в форме *іс*, в форме *сс*, *a*, взбирающееся наверх, последовательно встречаются нас в словах *presencia*, *palatio*, *ante*, *francorum*, но не в пример „новому римскому“ курсиву, все эти комбинации плохо держатся на ногах, их элементы наползают друг на друга или, наоборот, разваливаются далеко, делая в обоих случаях букву неузнаваемой. *b* пугает своей дрожащей длинной лапой или петлей и иногда широко разинутой, — вместо закругления, — пастью (*ibi*, строка 3, *bactilione*, см. табл. I, фиг. 6). Буква встречается как из двух элементов, так и с изломом посредине; она связывается в прочную монограмму с *o* (*conpendio*, строка 2). *d*, всегда „курсивной“ формы, пускает длинную руку вверх, да еще ногу вниз (там же). *e* (*vel*, *procerum*, стр. 2) является как просто курсивным (*dicerit*, стр. 3, *oe*, стр. 4), так и более сложным, состоящим из двух петель: верхней, малой и нижней вздутой (*Theudericus*, стр. 1). *f* часто огромно, повторяет все формы античного. У *g* петля отскакивает от головы, отходит, извиваясь, в бок (*amalgario*, стр. 3, *genetricis*, стр. 4). У *h* (*acchilidis*, стр. 3) ось отскакивает от тельца; *l* зацепляет верхние строки (*bactilione valle*, стр. 4); *o* повисает петлей (*porcione*, стр. 4); *p* то раздувает голову (в нашем образце нет соответственных примеров), то сжимая ее до крошечных размеров, пускает вниз длинную ногу или петлю. Буквы *r* и *s* едва отличаются одна от другой (*ipsa terra*, стр. 6), *t* принимает все мыслимые формы, предугазанные в новом курсиве (в нашем образце сравнительно мало форм: *nostris*, *palatio*, стр. 2). ³

¹ См. стр. 81 слл. и табл. I.

² L. Schiaparelli, в своем труде *Dal origine della scriptura Merovingica* дал прекрасную характеристику меровингского письма.

³ Не имея возможности захватить в нашу таблицу больше двух строк, мы отсылаем за остальными к альбому Prou, pl. VI.

В комбинации с *i* оно похоже на унциальное *a* (как в римском курсиве, табл. I), а с *e* — на какой-то цветок из четырех лепестков (*ante*, глосса к стр. 2); *u* является то как иыношнее *u*, то как *o* с каким-то крючком сбоку, то как вопросительный знак (*cum, procerum, debuerat*).

Все это в совокупности делает меровингское письмо дипломов самым трудным из шрифтов раннего средневековья.

Можно ли констатировать этот тип в „Галлии“, за пределами меровингской канцелярии?

Экскурс: Корбийская мастерская письма. Несколько типов письма, — на этот раз гораздо более правильного и по существу „книжного“, *scriptura libraria*, — следует поставить с ним в связь.

Пусть одно из них, сформировавшееся на почве меровингской Галлии и несомненно вдохновлявшееся стилем, аналогичным стилю меровингских дипломов, является созданием мастерской письма, ирландской по своему происхождению, а именно луксейской. Луксейское письмо, получившее имя «-типа, за его своеобразное *a*, в виде двух треугольных скобок, представляет тип высоко выработанный, вычурный и изысканно-правильный, несмотря на его яркий „меровингский“ стиль и на огромное множество характерных для него лигатур: *ce, co, ct, de, do, du, ec, eg, ei, em, en, gi, gn, gr, fi, ri, ster, rop, ten* (ср. табл. II, фиг. 7). Это письмо, вместе с первой братией, призванной туда основательницей обители, королевой Бальтильдой, перекочевало в раннюю мастерскую Корби и было там усвоено для более торжественных кодексов. В нем написаны были в Корби первые страницы „Истории Франков“ (см. Zimmermann, Taf. 89) Григория Турского. Однако Корбийская мастерская очень рано создала, на почве того же меровингского курсива, более легкий и простой книжный курсив (на нем затем и дописана была „История Франков“. MG. Script. rer. merov., I Taf. 3). Третий тип меровингского книжного курсива, которому дали имя *epa*-тип, за его *e* с поднимающейся петлей, капитальное *N* и его *a*, с расширяющимися „рогами“ его второго *s*, представляет попытку дальнейшей регуляризации письма (табл. II, фиг. 8 и табл. IV, фиг. 16). Государственная Публичная библиотека обладает замечательными образцами, как письма «-типа, в рукописи Q v I 14: Григорий на Езекииля (табл. II, фиг. 7), так и *epa* типа в O v I 4: Беседы Кассиана, и наконец, в рукописи

евангелия от Матфея, О v I 3, своеобразнейшей попыткой письма переходного типа от „корбийского курсива“, как он проявился в списке Григория Турского (табл. 89 у Циммермана), к *epa*-типу (табл. II, фиг. 8).

Но этими попытками не исчерпывается богатство меровингских книжных курсивов, в частности курсивов Корби. Основанная англо-саксонкой Бальтильдой, дававшая постоянно приют островным и особенно англо-саксонским странникам, Корби естественно должна была создать своеобразную, быть может, не одну традицию письма, где меровингские влияния боролись и комбинировались с ирландскими и англо-саксонскими.

В их ряду отметим те две замечательные попытки синтеза полукурсива и полуунциала, от которых сохранился ряд памятников в Ленинградской Государственной Публичной библиотеке, и которые были спонтанным движением (именно в Корби) к каролингскому минускулу (см. ниже). Это так наз. „Леутхариев тип“. См. ГПБ рукописи F v I 5: Hieronymi Psalterium и F v I 6: Ambrosii in Lucam (табл. III, фиг. 14) и так наз. „Маурдрампов тип“: см. Lauer, Pl. X и ГПБ F v I 13, Q v I 13 (табл. IV, фиг. 16).

Наконец, здесь мы полагаем еще уместным сказать об одном типе характернейшего корбийского письма, хотя хронологически его место—после каролингского минускула.¹ Ибо он родился и жил недолгою жизнью как протест против однообразия и вместе несовершенства этого последнего, возникнув в аббатство Адаларда и воплотив реакцию,—последнюю,—меровингского стиля в конце VIII—начале IX в. Это—так наз. „адалардов“ или *ab*-тип: своеобразный полуунциал с характерными регуляризованными меровингскими формами: *c*, с узлом на спине, *d* с удлиненной осью, с рядом чисто меровингских *e*, *o*, с завязками-усиками, *t* с запертынающей петлей, *b* с завязкой, но в особенности своеобразным *a* в виде *ic*, отчего, напр., *datus* хочется читать как *dictus* и *fatus* как *fictus*. См. знаменитые рукописи ГПБ в этом

¹ О письме этом, знаменитом вызванными им недоразумениями и значением палеографов, принимавших участие в долгой о нем дискуссии (Мабильон, Дезиль, Траубе, Линдсе) см. их исследования, указанные в классической работе, которая ставит точку на проблеме: W. M. Lindsay. The Old Script of Corbie. RB, 1912. См. также цитированное исследование В. В. Бахтина и книгу автора, указанную в общей библиографии под № 49.

типе: F v XIV 1: Poetae Christianae. Q v I II Augustini, Retractationes и наконец, F v I II Carolobot Historia Tripartita (табл. IV, фиг. 15).

Характерно-меровингскими счел исследователь те формы, которые встречаются в любопытном памятнике, открытом впервые в своей сакристии одним овернским священником. Это тоненькие пергаменные ленточки,¹ прикрепленные к коробочкам с реликвиями святых, с надписями, касавшимися содержания реликвий: haec sunt reliquiae sci Medardi (см. Готтл., Facsimiles pl. V.). Овернская группа по текстуальному содержанию оказалась чрезвычайно цельной и яркой и ведущей по своим следам в меровингский VII век. В ней перечислены как раз те северогалльские и римские святые, культ мощей которых описан у Григория Турского. И, однако, в графическом отношении на этих ленточках вовсе нельзя констатировать ни единства стиля ни преобладания „меровингских“ форм. Есть такие (ленточка от реликвий св. Петра и Павла), которые очень близки к письму дипломов. Есть такие, которые гораздо ближе к некоторым итальянским грамотам.

Претензия установить единый франко-галльский стиль должна рассеяться перед наличием удивительной группы шрифтов, открытой и изученной только-что упомянутым знаменитым французским палеографом. Это — писанные в начале VIII в. в Туре отрывки из Эвгиппия, которые исследованы Леопольдом Делилем.² На шести таблицах, которые дает Делиль, мы видим ряд совершенно различных шрифтов, где унциал, семиунциал, семикурсив и минускул сменяют друг друга, причем в последнем можно отметить не только чередование разных школ, но смену разных индивидуальных рук или разных настроений, в каких находился писец.

Так, вопрос о провинциальных типах письма получает все большую сложность. Если мы далее обратимся к различным кодексам, которые написаны в Галлии VII и VIII вв. Томсон дает их образцы, сам, однако, признаваясь, что они bear a close resemblance to the lombardic stile, so close indeed,

¹ L. Delisle. Authentiques de reliques de l'époque mérovingienne découvertes à Vergy. École franç. de Rome, Mélanges IV (1884), 4.

² L. Delisle. Notice sur un manuscrit mérovingien contenant des fragments d'Eugypsius etc. Paris, 1875.

that many... have been classed, as lombardic,¹ эта сложность выступает еще отчетливее; и — как это было и в Италии, — нам приходится решать вопрос в смысле компромиссной конструкции рубрик. Можно, и часто удобно, описывать в одной главе разные типы письма, применявшиеся в одной, хотя бы и большой географической, политической или культурно-исторической области. Но надо мириться с тем, что внутри этой главы часто нет единства. Подобно тому, как в Италии существовали две характерные, незабываемые группы — курялов и монтекасских кодексов, — вокруг же все расплывалось в неопределимых нюансах, так и во Франции, вокруг группы дипломатического письма королевской канцелярии и некоторых ему родственных кодексов, развивалось множество разнообразных типов письма, с трудом поддающихся определению и классификации.

d) Островное (иберно-саксонское) письмо

Библиография. 1 Кроме цитированного руководства Thompson. Introduction etc., для островного письма см. из обширной литературы по данному вопросу след. книги: Traube. Perrona Scottorum.— W. Keller. Angelsächsische Palaeographie. Die Schrift der Angelsachsen mit besonderer Rücksicht auf Denkmäler in der Volkssprache. Berlin, 1906.— Idem. Angelsächsische Schrift.— Hoops. Reallexikon der germ. Altertümer I (98—113).— E. M. Thompson. History of English Handwriting. London, 1911.— W. M. Lindsay. Early Irish Minuscule script. Oxford, 1910.— Idem. Early Welsh script. Oxford, 1912.— Idem.— Breton Scriptoria. Their latin abbreviation-symbols. ZBW XXIX (1912) 264—272.— L. Schiaparelli. Intorno all'origine e ad alcuni caratteri della scrittura e del sistema abbreviativo irlandese. ASI LXXIV 2 (1916) 3—126.

Собрания факсимиле: S. O. Westwood. Palaeographia sacra pictoria. London, 1843—1845.— Idem. The miniatures and ornaments of Anglo-Saxon and Irish Mss. London, 1868.— A. Bond. Facsimiles of ancient charters in the British Museum. London, 1873—1878.— W. B. Sanders. Facsimiles of Anglo-Saxon Mss. Southampton, 1878—1884.— J. T. Gilbert. Facsimiles of National Manuscripts of Ireland. Dublin and London, 1874—1884.— E. M. Thompson and G. F. Warner. Catalogue of Ancient Manuscripts in the British Museum, Part II, Latin. London, 1884.— G. F. Warner and H. S. Ellis. Facsimiles of royal and of other charters in the British Museum, V, I, London, 1903.— См. также в изданиях Palaeographical Society и New Palaeographical Society.

Предшествующие соображения не отрицали и *limine* возможности установления одного типа письма в большой обла-

¹ „Они являют такое близкое сходство с лангобардскими, что их классифицировали, как лангобардские“. Томеон, стр. 279

сти. Они только констатировали, что такого единства не наблюдается в Италии и Галлии, областях с самым богатым и разнообразным культурным содержанием, подвергавшимся и слишком различным влияниям. Уже в Испании, в силу, вероятно, большей уединенности ее развития, в письме создались и выжили особенности, которые охватили, повидимому, весь круг ее шрифтов и за довольно долгий период обнаружили большую живучесть. Единство и устойчивость оказались, таким образом, характерными для юго-западного края латинского мира. Они отметили жизнь письма также в другом, противоположном углу — на северных островах, где определяющей надолго оказалась ирландская традиция письма.

В его судьбах сказался тот глубокий, упорный консерватизм, который характерен для всей истории ирландской духовной культуры. „Современный ирландский школьник, замечает Томсон, — выписывает буквы того же, в общем, вида, какой они имели в раннее средневековье“.¹ Небольшие размеры географической области этой культуры, ее несколько загадочный, ранний и быстрый расцвет и затем — дальнейшее уединенное развитие или точнее, дальнейшее уединенное бытие в стороне от бурь и изменений, которые колебали жизнь континентальных культур, — объясняет это спокойное, медленное, органическое созревание, а затем — строгую устойчивость создавшихся форм.

Получив в IV — V вв. вместе с библией и церковной организацией известный культурный фонд из общего греко-римского источника, Ирландия затем была отрезана от Рима и от континента и не обновляла этого фонда. Но она его охраняла и отчасти развивала собственными силами в замкнутом кругу. Здесь дольше, чем на континенте, удерживались ранние черты церковной организации; здесь создавался особый язык, *hisperica latina*, с сильным участием греческих лексических стихий, и все книжники владели, если не греческим языком, то греческим письмом. В общей неподвижной атмосфере жизни мастерство письма особенно долго не делалось достоянием масс. Оно оставалось священным искусством избранных групп, культивировавших его и доведших до высокого артистического виртуозного совершенства.

¹ Стр. 371.

Его судьба тем более отлична от континентальной, что, в противность всем „национальным“ шрифтам, развившимся на основе римского курсива, ирландское письмо развилось на основе римского семиунциала. Его принесли на острова вместе с книгами литургического содержания первые христианские миссионеры. Но после VI в. у Ирландии уже не было новых энергических сношений с материком, и она осталась верна своей первой графической школе. Ее своеобразие отмечено было уже писателями IX—XII вв. под именем *scriptura scottica*, а иногда *litterae tunsae*.

Это письмо включает две разновидности, из которых так наз. „острая“ — лишь вариант основного „круглого“ письма, доминировавшего до конца IX в., когда оно уступает острому.

Мы выписываем ниже самые характерные буквы того письма, своеобразия которых, на основном (в общем, скорее безличном) фоне семиунциала достаточно, чтобы придать ирландской странице ее живописный, ласкающий вид.

Это — буквы *a, b, d, e, g, l, r, t* и *y*, а также лигатуры *ci, fi, ti* и лигатуры *l* с его соседками. Их особенности — только нюансы, но нюансы в высшей степени выразительные.

Для *a* нюанс заключается в том, что его второе полукольцо представляет не дугу, но скругленный полуквадрат, концы которого несколько расширяются, образуя на краях какую-то завязь или бутон.

Еще выразительнее эта завязь у верхних концов *b, d, h* и *l*. И так как стволы этих букв на половине высоты слегка изгибаются, то со своим грациозным расширением вверху они напоминают качающийся стебелек с цветком колокольчика.

Для буквы *t* характерно, что вместо оси в ней стоит широкая, выпученная влево дужка, а „горизонтальное покрытие“ часто тоже представляется в виде посреди изгибающейся вниз дужки, с расцветающими в завязи концами.

Буква *g* имеет совершенно своеобразный вид: ни головки сверху, ни петли внизу. Полудужка (совершенно открытая направо), прижатая сверху (как и у *t*) горизонтальной черточкой, заканчивается внизу коротким изгибом, выпучивающимся вправо в обратном прежнему направлении. Следующая буква обычно вплотную замыкает отверстие дужки, и читатель,

готовый принять эту букву за закругление самой головки и, неверно делит буквы и читает слово неправильно.

Что-то, напоминающее живые формы легкой веточки или стебелька с усиками чувствуется в форме буквы *u*. Читатель убедится в этом, взглянув на табл. III, фиг. 11.

Буква *N* всегда имеет капитальную форму.

Буква *R* представляет своеобразное вырождение капитальной формы этой буквы, в которой ослабел узел, привязывавший средину ее второго элемента к оси, пока он совсем не отстал от нее, и буква не превратилась в подобие курсивного *r*, а иногда, — при удлинении первой оси, — в подобие довольно некрасивого *p* — (см. табл. III фиг. 11). Отсюда неопытный читатель непременно прочтет *corpora*, как *copropa*, или *rursus*, как *nunsus* или *pipsus*.

Буква *s* иногда получает вид сигмы.

В лигатурах *ci* и *fi* буква *i* прицепляется к предыдущим буквам на половине их высоты, при помощи горизонтальной перемычки, и спускается четкой осью вниз. Отсюда группа *ci* иногда похожа на *g*, а *fi* при слабом развитии верхнего покрытия, — на *n* (слово *principes* во 2 строке фиг. 11).

„Острое“ письмо отличается от основного типа той важною особенностью, что буквы его несколько меньше; многие черты его, изменяя принципу унциала, уходят вниз под строку и заканчиваются тонким острием, которое отгибается влево. Эти отгибающиеся острия (фиг. 13) дают при первом взгляде на страницу весьма характерное впечатление и позволяют с первого взгляда определить письмо, как ирландское, или еще чаще, — англо-саксонское, которое до XI в., эпохи норманнского влияния, шло за ирландскими образцами, предпочитая, в общем острый тип.

Более тесная связь Англии, начиная с VII в., с римскою церковью, обусловленная миссией св. Августина и основанием кентерберийского епископства, не разрушила в этой части Великобритании авторитета ирландского письма. Одна важная черта с самого начала отличала англо-саксонское письмо от ирландского. Подобно континентальному, оно хранит отчетливо традицию чистого унциала, которая в ирландском заглохла в ярко выраженных симпатиях его к полуунциалу. Менее уже существенно то, что английские писцы, не в пример ирландским, будут увлекаться „металлическим блеском“

в рукописях и создадут несколько золотых кодексов. Число их, однако, невелико. И в общем, до норманнского завоевания графические традиции Англии мало отходят от ирландских.

Для ирландского письма характерен ряд своеобразных сокращений, при помощи так наз. тиронских значков (см. ниже, стр. 178). Таково, напр., сокращение для *autem*, при помощи знака, напоминающего букву *h* с крючком, *est*, при помощи косой или горизонтальной черточки с точками над нею и под нею; *enim*, в виде двух вертикальных черточек, перечеркнутых горизонтально, и др. Об островных сокращениях см. стр. 178.

Ирландское письмо рано прививается на континенте. Ирландские монахи, искони известные своею страстью к странствиям, целыми колониями переселялись на материк, основывая оседлости, которые становились очагами излучения гибернского письма. Перрона, Луксей, Сен-Галлен, Вюрцбург, Боббио были прочными их станциями, где сохранились библиотеки кодексов, написанных в ирландском письме (*libri scottice scripti*) или в различных комбинациях его с местным. Одна из любопытных особенностей некоторых из таких кодексов — выписывание в них латинских текстов греческими буквами.

В руководстве Томсона ирландскому, как и англо-саксонскому, круглому и острому письму посвящены очень интересные, обстоятельные главы. Образцы этого письма, кроме очень удачно подобранных у Томсона и Стеффенса, прежде всего следует искать в издании *Palaeographical Society*. В этих изданиях воспроизведены факсимиле знаменитейших *mss*, дата которых известна: бангорского антифонария 680—691 г. — ныне в Миланской Амвросианской библиотеке; так наз. евангелия Мак-Реголя, писаного около 800 г.; ныне в *Vodleiana*; „Книги Армага“ — кодекса с отрывками из Нового Завета, писаного до 844 г.; „Кудбертова евангелия“ — одного из ранних (около 700 г.) и немногочисленных „золотых кодексов“ англо-саксонского производства (оба — в Британском музее). Государственная Публичная библиотека обладает некоторым числом рукописей Корбийского фонда, среди которых есть прелестные образцы ирландского унциала, четвероевангелие VIII в., F. v. I, № 8, и острого англо-саксонского минускула

VIII в.: экземпляр „Истории англов“ Беда Достопочтенного¹. Они имеются в снимках у Staerk, op. cit. на стр. 56.

Вопрос о цветных чернилах и красках в рукописях уже ранее дал нам повод указать на своеобразную орнаментацию ирландских рукописей (см. стр. 49). В противоположность континентальным кодексам, на страницах которых сияют яркие, преимущественно алые и лазоревые краски и металлический блеск, напоминающие убор из золота, рубинов, сапфира,—ирландские любят естественные разнообразные краски живой природы и наводят на мысль о цветущих лугах. Изгибающиеся нити их букв, инициалы, обставленные, точно дрожью тычинок, легкими точками, еще усиливают это впечатление. Мы не имеем в виду останавливаться специально на истории орнамента, выходящей за пределы нашей темы, и отчасти компетенции. Отмечая только, в области мерovingских типов письма, их любовь к цветам красному, желтому, зеленому, их предилекцию к миньютюрным, часто очень живым и подвижным рыбкам (они являются замершими в луксейском орнаменте), более неподвижным формам птиц, и своеобразное у них развитие орнаментальной „плетенки“, очень грубой вначале, состоящей из двух всего жгутов и строящейся в виде отдельных „крендельков“, мы здесь напоминаем общеизвестную любовь ирландских писцов также к „морскому орнаменту“: сплетающимся рыбам, змейкам, гиппокамфам, рыбьим (или птичьим?) головкам с глазками, мелькающим среди плетенки из ремней или прутьев. Этот орнамент, вместе с влиянием ирландского письма, проникает и на континент и обусловит особенности северного, „франко-саксонского“ рукописного стиля.²

В Ы В О Д Ы

Соображениями, которые высказаны выше по поводу провинциальных шрифтов, мы не думаем обесценивать значения наблюдений Мабильона, которые, на фоне более глубокой и проницательной системы Маффеи, живут в конструкциях истории палеографии.

¹ Ср. наш Catalogue, II, № 28.

² H. Zimmermann. Die vorkarolingischen Miniaturen. Berlin, 1916. Готовится на ту же тему большая работа W. Köhler'a. Ср. наше введение, Corbie.

Но, кроме ограничений Маффеи, мы считали бы своевременным, в результате накопившегося опыта, формулировать еще некоторые другие.

Провинциальные типы письма—часто только условные термины, имеющие неодинаковое в разных случаях значение.

Определенную физиономию имеют восемь типов письма:

- 1) круглый ирландский унциал,
- 2) острый островной минускул,
- 3) удлиненное письмо меровингских дипломов,
- 4) вычурное письмо «-типа (луксейское письмо),
- 5) письмо *ab*-типа,
- 6) изящный минускул испанских кодексов,
- 7) группа римских куриалов,
- 8) ломаное письмо южноитальянских кодексов.

Вокруг этих устойчивых типов в скрипториях Галлии, Италии, Испании, Германии, в VI—IX вв. создаются, перекрещиваются, чередуются разновидности семиунциалов, семикурсивов, курсивов и минускулов, которых происхождение, связь с той или другой провинциальной группой не может быть установлена безошибочно и не определяется никаким несомненным критерием.

Ныне, в итоге особенно тонко индивидуализированных исследований последних лет (более всего работ Линдсе и Лове), охвативших огромную массу переходных к каролингским минускулам шрифтов, а также оттенков самого минускула, уже не десятками, не сотнями, но тысячами можно насчитывать «типы» переходной поры VI—IX вв. Пред лицом этой переливающейся пестроты напрашивается «важнейший вывод» (Лове): «в письме любой континентальной страны нет ни единой черты, которую нельзя рассчитывать встретить во многих или хотя бы в одном каком-либо ином письме: черту, которую можно было бы признать исключительной для этой страны».

И наиболее современным методологическим достижением и наиболее гибким научным орудием наших лет следует считать ту замечательную научную «кристаллизацию» этого текущего разнообразия, тот всеобъемлющий, в его четко дифференцированных оттенках, алфавит переходного времени: *The letters in early latin minuscule*, с каким, после предварительной

большой проработки проблемы, выступил в 1922 г. В. М. Линдсе.¹

С помощью этого первоклассного орудия уже значительно ныне продвинулась огромная, завещанная Л. Траубе, работа, имеющая основное значение в разбираемой проблеме, работа установления подлинной истории ранних мастерских письма на Западе.² Мы уже близки к моменту, когда в итоге ответственного и точного сопоставления большого материала, палеограф придет к группировкам не столько по „провинциальным“, сколько по местным школам письма, над которыми „провинциальные“ или „национальные“ рубрики во многих и многих случаях окажутся чисто внешними заголовками.

Г.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПИСЬМО В ЭПОХУ
ЕДИНСТВА

I. КАРОЛИНГСКИЙ МИНУСКУЛ

„Мабильон ввел в историю письма дорогое нам имя Карла Великого“³

Библиография. Из общей литературы по вопросу о происхождении каролингского минускула укажем прежде всего более свежие работы А. Hessel. *Zur Entstehung der karolingischen Minuskel*. AUF VIII (1923) 201—214. — Ph. Lauer. *La réforme carolingienne de l'écriture latine et l'école calligraphique de Corbie. Mémoires présentés par divers savants à l'Acad. des Inscr. et des belles lettres*, XIII (1924). — H. Steinacker. *Zum Liber diurnus und zur Frage nach dem Ursprung der Frühminuskel*. *Miscellanea Francesco Ehrle*, IV, Roma (1924) — A. de Boüard. *La question des crignes de la minuscule caroline*, *Palae. lat.*, IV, 1925, 71—82.

¹ В. Palae. Lat., I.

² Укажем на главнейшие из этих работ, которые все превосходно изданы, сопровождаемые большими корпусами факсимиле в натуральную величину; для Лионской мастерской: E. A. Lowe. *Codices Lugdunenses Antiquissimi, Lugduni*, 1928; для Веронской: W. M. Lindsay et Carusi. *Codices Veronenses etc.* Roma, 1932 sqq.; для Турской: E. K. Rand. *A Survey of the script of Tours*. *Cambr. Mass.*, 1929; для Кельнской: L. W. Lesly Jones. *The script of Cologne etc.* *Ibid.* 1932; для Сен-Галленской: W. Löffler в *Palae. Lat.*, VIII. Над мастерской Боббио ныне работает Doris Bains. История Корбийской мастерской вышла в 1934 г. в изд. АН СССР. См. № 49 общ. библ.

³ Traube. *Vorlesungen*, 27. „Mabillon den uns teuren Namen Karls des Grossen in die Schriftgeschichte eingeführt hat“...

Из старых работ нужно указать: L. Delisle. Mémoire sur l'école calligraphique de Tours au IX siècle. Mémoires de l'Acad. les Inscr. et des belles lettres, XXXII (1886) 29—56. — Th. v. Sickel. Prolegomena zum Liber diurnus. SB der Acad. der Wiss. zu Wien. Phil.-hist. Kl. CXXVII (1888). — Die Trier Ada-Handschrift, hrsg. v. K. Menzel, P. Corssen, H. Janitschek, A. Schnütgen, F. Hettner, K. Lamprecht. Leipzig, 1889.

История письма в эпоху позднего средневековья разработана значительно менее обстоятельно, чем та же история в предыдущий период. Поэтому, для дальнейшего (IX—XIII вв.) можно только привести указанные в общей библиографии общие курсы.

О скрипториях этого периода см. О. Добиащ-Рождественская. Из жизни мастерских письма преимущественно на французском севере, в сборнике статей „Средневековой быт“, посвященном проф. И. М. Гревсу. Ленинград, 1925. Для более раннего см. Е. е. же. Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде, 1930.

а) Книжное письмо

Он ввел его так же как имя и идею национальных шрифтов. Но как приходится понимать (и может быть, также ограничивать?) значение этого имени, смысл каролингской реформы и содержание каролингского минускула?

Одно мы можем сказать во всяком случае: от эпохи Карла Великого не дошло ни одного официального распоряжения об изменении письма — подобного хотя бы тому, какое мы имеем от эпохи Хильпериха. В его капитуляриях содержится только требование „пересмотра по епархиям и монастырям и эмендации церковных книг“ — очевидно в смысле грамматики и орфографии.¹ Рекомендуются поручать их писание людям „зрелого возраста“, которые „со всяческим тщанием“ выполняли бы свою задачу. Общее стремление к совершенству в книжном деле, движение, возбужденное „в монастырях и епархиях“ исполнением декрета об эмендации могло быть поводом для переписки, для эмендаций также графических. В строгом и точном значении —

¹ Psalmos, notas, compotum, grammaticam per singula monasteria vel episcopia et libros catholicos bene emendate; quia saepe, dum bene aliqui Deum rogare cupiunt, sed per inemendatos libros male rogant. Et pueros ventros non sinite eos vel legendo, vel scribendo corrumpere; et si opus est evangelium, psalterium et missale scribere, perfectae aetatis homines scribant cum omni diligentia. A. Boretius. Capitularia regum Francorum, I, 72, cap. 12, 60.

„каролингской реформы письма“ как официального акта власти не существовало.

Но чем же, в таком случае, был каролингский реформатор? В чем он заключался? Где он проявился? Был ли один его центр или несколько? Какой графический ствол был его основой, и какое течение — определяющим?

Относительно происхождения минускула высказана была ряд гипотез. Зиккель вел его из Италии. На ряду с прочими возбудителями каролингского ренессанса, его графические вдохновения также шли из Рима. Этих влияний — не только влияний, а не основного ствола реформы — не отрицали и сторонники иного объяснения (Стеффенс): „соединения с Италией привели в соприкосновение с прекрасными образцами старых римских капитальных, унциальных и полуунциальных шрифтов. Им подражали очень искусно“. Менцель искал возбудителя „реформы“, — уже не задаваясь вопросом о собственном его источнике, — в „дворцовой академии“ Карла Великого. Но даже если бы там было сознательное гнездо какой-либо реформы, очевидно, реформаторы руководились какой-нибудь определенной мыслью и основным материалом. Их-то и представляло бы интерес найти и установить.

В наши дни, перед картиной быстрого, с конца VIII в. и, в разных областях, почти одновременного совершенствования письма, давно отказались от мысли искать единый центр и источник распространения каролингского минускула.

Как все каролингское возрождение не было созданием инициативы одного деятельного очага, но результатом того общего подъема жизни, в котором с началом VIII в. „мир начал стряхивать свою апатию“, так и совершенствование письма было результатом того же общего подъема, растущей всюду в латинском мире любви к книге, улучшившегося вкуса и техники. Оно имело не один, но много центров и совершалось одновременно и спонтанно в разных местах. Мы уже указывали по поводу североитальянского минускула, что его „ассимиляция каролингскому минускулу“ во многих случаях была мнимой: он шел к совершенству, независимо от влияния последнего, прямо питаясь теми же графическими стихиями: — античной, итальянской, ирландской (Боббио), какими, питался сам каролингский минускул. Мы поставили бы

также вопрос: ждал ли изящный вестготский шрифт каролингского минускула, чтобы выработаться в те формы какими мы любуемся в IX в.? Стереотипная фраза, обычно заключающая историю каждого из „национальных“ шрифтов: „в дальнейшем же он подчиняется влиянию каролингского минускула“ — во многих случаях покрывает миф.

Но, несомненно, в культурном возбуждении, какое совершалось всюду, в век, совпавший с царствованиями первых Каролингов и ими вдохновляемый, самые сильные течения шли от центров, где сосредоточилось напряжение вызванной ими энергии. В этом смысле возможно и интересно найти лабораторию, где сформировался ранее всего „каролингский минускул“ в тесном смысле слова.

Все меньше в настоящее время раздается возражений против того положения, которое высказывалось самыми оригинальными палеографами прежнего времени и которое вначале нашего века сформулировал Л. Траубе: наиболее старые и наиболее деятельные очаги каролингского минускула следует искать на севере Франции.

Давно уже сходясь в этом тезисе, предшественники и преемники славного немецкого палеографа и филолога, однако, значительно расходятся в решении вопросов: а) какое именно письмо легло в основу каролингского минускула и б) в каком из этих северофранцузских центров ранее всего можно констатировать минускул?

Отражая в этом смысле (хотя глубоко переработанную) традицию старой немецкой школы, Траубе утверждал, что каролингский минускул идет от регуляризованного меровингского курсива, испытавшего воздействие античного полуунциала (ср. его диаграмму),¹ теория, которую развили его ученик П. Леман.²

Резко иной была еще ранее этих высказываний позиция Л. Делиля.³ Не признавая влияния каких бы то ни было „национальных“ курсивов, как меровингского, так и островного на каролингский минускул, он его связывал с антич-

¹ Traube. Vorlesungen, II 27.

² P. Lehmann. Sitzungsberichte Bayrischer Academie. H. KI., 1916.

³ L e o p. D e l i s l e. Mémoire sur l'école calligraphique de Tours, Mémoires, de l'Acad. des inscriptions, t. XXXII, с альбомом иллюстраций.

ными полуунциалами и полукурсивами. Старейший пример из очагов минускула он искал в Туре. Свои предположения он подтвердил рядом соображений из истории первых кодексов в каролингском минускуле и снимков с наиболее содержательных страниц.

Ему удалось мысленно собрать — ныне рассеянную в подалеких хранилищах (Лондон, Анжер, Париж, Овернь и т. д.) библиотеку Турского скриптория в 25 mss. первостепенного интереса, как библия Алкуина, евангелие Карла Великого, библии его зятя Роригона и его сына Людовика, его внука Карла Лысого и т. д. Все они ведут в Тур, иногда прямым указанием: *Iste liber est de armario S. Martini Turonensis*, или косвенными соображениями. В разнообразных шрифтах, которыми написаны различные их части, Делиль констатирует четыре главных типа, иные из коих обнаруживают тенденцию „ренессанса“: 1) *Scriptura capitalis*, абсолютно не отличающаяся от античной, представляющая очевидное ей подражание; 2) *Uncialis*, в ее поздней форме; 3) *Semiuncialis*, в форме характерной именно для Тура, и наконец, 4) *Scriptura minuscula*. Образцы последней Делиль открывает на более ранних рукописях, написанных в унциале, но снабженных заметками на полях, которые написаны более „быстрою рукою“. Эта „быстрая“ (*cursiva*), но все еще красивая и четкая рука: семикурсив, стремящийся несколько ассимилироваться семиунциалу, и есть зародыш каролингского минускула. Потребность более быстрой продукции книг заставила Турскую школу — как и многие другие — сделать решительный шаг, в смысле отказа от унциала, как исключительной *scriptura libraria*, книжного письма, но, приняв курсив, усвоить ему всю четкость и красоту унциала. Реформа была произведена и закреплена мастерами-скрипторами, среди которых могли быть гиберно-саксонские писцы.

Но, если в построениях немецкой школы¹ — вплоть до смягченных формул Траубе и Лемана, — известный протест вызывала схема, кладущая в основу реформы меровингский курсив, то еще более парадоксально звучали иные формулы

¹ Провозглашенные впервые Neumann v. Teutschenbrunn, ее принципы были поддержаны такими учеными XIX в. как Arnutt, Tangl, W. Wattenbach, а в наши дни F. Steffens.

Делиля, вовсе его устранившего. В пестрой, неуловимой подчас, работе прекаролингских мастерских сближение курсива и унциала совершалось такими прихотливыми путями, регуляризация курсива, в частности меровингского, осуществлялась столь многообразно, и полуунциал, приемля курсивный дукт, так капризно и частью неприметно шел ему навстречу, что в слишком заостренном виде ни одна из этих формул не может быть принята. Лучшее выражение реального процесса находим мы в формуле де-Бойярда,¹ выразившего его в символе маятника, чьи качания представляют все богатство прекаролингских исканий, и „чья остановка намечает бесспорное место каролингского минускула.“

В минускуле VIII—XI вв., возникшем в различных центрах — (мы можем называть этот минускул каролингским не потому, чтобы его изобретение или какой-либо указ о его введении вышли из одного властного каролингского центра, но потому, что появление его в различных углах латинского мира совпадает с возрождением, получившим имя каролингского; а также и потому, что области, где он создавался, подчинены были, большею частью, каролингской власти) — в этом красивом и четком, но вместе простом и быстром письме нашли какое-то примирение и синтез так долго расходившиеся графические стихии. Противоположные принципы, которым служила некогда с одной стороны *capitalis*, а с другой — *cursiva*, пришли в известное равновесие в минускуле VIII—IX вв.

Общее впечатление каролингского минускула, (см. табл. III, фиг. 12 и табл. IV, фиг. 18) скругленное и прямое, так же как и отдельные его алфавитные формы, привязывают его к полуунциалу с одной — и полукурсиву, с другой стороны. Полукурсивное *a* встречается в нем наряду с *a* унциальным, в некоторых ранних разновидностях давая также *a* из двух *ss*, которое вообще более характерно для итальянских полукурсивов VIII в. Оси букв *b*, *d*, *h*, *l* раздуваются на верхнем конце в те характерные дубинки, которые тесно сближают их с итальянскими формами. Полуунциальное *e* кончается замкнутой петлей и уже

¹ A. de Boüard. La question des origines de la minuscule caroline. Palae. Lat., IV, 79 sqq. См. Ph. Lauer. La réforme carolingienne de l'écriture latine et l'école calligraphique de Corbio. Paris, 1924.

теряет свою „курсивную“ срединную перемычку и является в обоих своих формах, обозначенных остроумно Линдсе, как напоминающее цифры 5 и 3 (как 5 *g* и 3 *g* формы) *l* в ряде рукописей является как *i longa*, в начале слова, перед главными и перед *n*. Самые буквы *m* и *n* являются как полукурсивные; но и капитальное *N* довольно еще часто в текстах каролингских рукописей. Второе закругление буквы *i* и *l* все более развивается, принимая форму почти правильной дуги. Закругления букв *d*, *b*, *o*, *q*, *p* все более замкнуты. Капитальные формы, возвращаясь к их первоначальному литическому совершенству, призваны играть роль инициалов и вообще больших букв, а вместе с унциальными и полуунциальными — служить выведению (часто в цветных чернилах) титулов (монументальное капитальное письмо) и рубрик большей силы (капитальное рустичное) и меньшей силы (письмо унциальное). Иерархия шрифтов, намечавшаяся уже в предшествующую эпоху, ныне, вместе с усовершенствованной пунктуацией, призвана служить той же основной цели: ясности, четкости, оформлению частей и вообще логике каролингской книжной культуры (см. табл. III и IV, фиг. 12 и 18).

Противоположные принципы, которым служила некогда, с одной стороны, *capitalis quadrata*, с другой — *cursiva*, пришли в известное равновесие в книжном письме VIII—IX вв.

Они сохранили его надолго: в течение трех и более веков. находка оказалась удачной. Вся книжная культура классического средневековья является в одеянии „каролингского минускула“. Правда, грамоты около полутора века будут официально держаться за формы дипломатического курсива. Но и они нечувствительно изменяются, пока в самой строке не выветрилась почти вся сущность старого письма, и оно не превратилось в тот же минускул, только с вычурными извилами верхних и нижних своих черт и придатков. Частная хартия перешла на него чуть не с первых шагов появления минускула.

Колыбелью и хранителем искусства минускула в эти века более всего стал обительский скрипторий. Если в городской Италии существовал во все продолжение средневековья специальный класс канцелярских писцов-нотариев, то во Франции он держался еще только при дворе Меровингов. В каролингском паладии канцелярия слилась с капеллой, и ряд деление

специальностей книжного и дипломатического письма все более стиралось. Средневековые во все века знали наемных, светских писцов, но не они определяли традицию письма. Она ковалась, преимущественно, в монастырских мастерских письма. К одной из таких, несомненно, относится Алкуиново посвящение „Музею книгописцев“.

Hic sedeant sacrae scribentes famina legis,
 Nec non sanctorum dicta sacrata patrum.
 His interserere caveant sua frivola verbis,
 Frivola, ne propter erret et ipsa manus.
 Correctosque sibi quaerant studiose libellos,
 Tramite quo recto penna volantis eat.
 Per cola distinguant proprios et commata sensus
 Et punctos ponant ordine quosque suo,
 Ne vel falsa legat taceat, vel forte repente
 Ante pios fratres lector in ecclesia.

MG. Poetae Latinae Aevi
 Carolini I 320.

С каролингским минускулом мы живем в веках, когда движение духовной культуры совершается еще относительно медленным темпом, когда сама она составляет достояние немногочисленных групп интеллигенции, которой условиями монастырского быта обеспечен определенный досуг, обязательное уважение к ее делу и душевное равновесие. Нет у нее соблазна, по замечанию Алкуина, „вставлять легкомысленное слово в ряды священных речений; не бродит легкомысленно самая рука, и перо идет прямым путем“. Писец видит в своем деле некий благочестивый подвиг. Значение этого подвига окружило легендами память знаменитых писцов, вроде того ирландского монаха, которому вместо забытой лампы светили сияющие пальцы левой руки¹ или грешного инока-артиста, к загробному суду над которым ангел принес переписанный им фолиант, и красивые буквы священной книги покрывали одна за другой грехи умершего скриптора, пока не осталась одна избыточная буква, силою которой он возвращен на землю для нового покаяния.² Эту старую породу

¹ Заимств. у Wattenbach, 367.

² Order. Vital, II, 48.

безупречных писцов-виртуозов с сожалением вспоминает Иоанн Жерсон перед картиной современного ему рисунка.¹ „Некогда у святых отцов царствовал строгий выбор в отношении писцов. Не допускался ученый наравне с неучем, но производилось испытание“. Скриптор работал большей частью на собственную обитель, изредка на другую церковь или на „почтенного“ и состоятельного заказчика из мирян. У него не было повода принижать и удешевлять свое искусство, не было особых причин торопиться. В тех редких случаях, когда в этом являлась нужда, и писец лишался удовольствия завершить (*patrare*) всю книгу своей рукой, чтобы в конце поставить одну из бывших в обыкновении торжественных подписей, — книгу делили на кватернионы раздавая многим писцам. Отсюда получается то поражающее на первый взгляд в иных кодексах явление, что отдельные кватернионы (иногда и отдельные листы) бывают написаны разными руками, и писцу, не рассчитавшему места и материала, в конце своего участка, приходится теснить строки и буквы или, наоборот, растягивать их, даже оставлять пустоты.

За IX—XIII вв., — эпоху своего господства, — каролингский минускул не остается вполне неизменным. В нем можно наблюдать эволюцию 1) в отдельных буквах и 2) в общем характере.

Ваттенбах в своей *Anlcitung* дал графическую схему этих изменений.

В последние годы такая таблица дана Löffler'ом (см. выше библиографию на стр. 141).

Мы даем ниже характеристику этих детальных изменений. Она может служить известным определителем при датировке рукописей. Однако, лишь приблизительным. Пользуясь ею для таких целей, мы не должны забывать, что не только в разных культурных областях и разных скрипториях графические изменения не совершались одним темпом, что были области и скриптории, отстававшие от общего закона движения письма. Более того. В одном и том же скриптории можно было встретить писцов, державшихся архаической манеры, не подчинявшихся общему стилю мастерской, где они работали. Датируя рукопись на основании ее графического ана-

¹ Joh. Gerson. De laude scriptorum. Opera II, 698.

лиза, мы всегда имеем некоторые шансы ошибки. Тем не менее подобный анализ всегда имеет внутренний смысл, и практически выводы из него чаще совпадают с действительностью, чем противоречат ей. Давая ниже прилагаемую схему, мы должны сделать ту оговорку, что в своих хронологических определениях она имеет в виду более всего северную Францию. Германия, для большинства указываемых изменений, отстает от нее на полвека. Италия на столько же перегоняет. Сущность этих отдельных изменений — в следующем.

Курсивное и даже открытое *a* характерно для кодексов до конца X в. С этого времени оно окончательно уступает унциальному, в котором второй элемент представляет прямую черту, поднимающуюся выше закругления, и несколько наклоняющуюся влево, как бы придавливающую закругление и доминирующую над ним. В хартиях, а также в лигатурах (в виде надписной буквы) открытое *a* живет еще до XII в. С XIII в. второй элемент *a* начинает не только все больше отгибаться влево, но и закругляться в направлении влево и потом книзу. В конце XIII, в XIV и XV вв. закругление начинает завертываться в ушко, поэтому *a* XIV в. начинает походить на одну из разновидностей меровингского *t*.

Ось *b* с конца X в. (и это характерно также для *l*, *d* и *h*) пишется попрежнему без верхней петли. Но производит впечатление, точно во всех этих буквах атрофированная „петля“ (двойное движение руки: вверх и вниз) оставило какой-то след в виде утолщения верхней части оси не только уже в виде дубинки, но прямо в виде треугольного расширения. Подобный вид указанных букв характерен для всего X — начала XI в. В XII в. эта особенность исчезает, и *b* имеет нормальный вид, чаще всего — без петли. В XIII в., согласно общему „стилю“ этого века, возвращается петля, но весь облик буквы изменяется: чем далее, тем она становится короче, шире (особенно в XIV в.), петля начинается низко, пишется весьма широкой, отваливается назад; левое кольцо не замкнуто. В этой форме *b* легко смешать с *v* и с *u*, которых начертание в свою очередь приблизится к этой форме, как увидим ниже.

с чаще всего имеет привычный нам вид, но иногда пишется из двух элементов, опять, как ранее, напоминая недо-развившееся *x* (см. стр. 83). С конца XIII в. комбинация

„двух элементов“ получает совсем иной вид: коротенькое закругление заканчивается и покрывается короткой горизонтальной черточкой, даже слегка иногда прогибающейся вниз. В результате подобное с XIV в. очень часто похоже на *l*.

Относительно *d* X и XI вв., с его утолщением, мы скажем выше. Для XII в. характерно чередование этого („курсивного“) *d*, обычно утратившего свое утолщение, с унциальным. В XIII в. вовсе исчезает из употребления курсивное *d*; унциальное же является с загибом влево, превращающимся в ушко. В XIV в. ушко становится широкой петлей с росчерком вправо. Для XIV и XV вв. вообще характерна множественность форм *d* (близкого к *a*, далее — какой-то схемы, вроде тупого угла).

e, начиная с X в., сохраняет на протяжении всех пяти изучаемых веков свой обычный курсивный вид.

f в X и XI вв. еще напоминает свою форму из двух сходящихся дуг. Однако первая все более атрофируется. Побеждает одна линия, слегка изгибающаяся, перечеркнутая (или дополненная) перемычкой. Иногда наверху появляется петля; тогда перемычка получает вид завязки с росчерком вправо. С конца XIII в. и в XIV и XV вв. иногда нижняя часть *f* тоже получает вид петли.

h (утолщенное вверху в конце X и XI вв.) обычно теряет это утолщение в XI в. С концом XII в. его вторая ножка начинает пригибаться к оси. С концом XIII в. верхняя черта превращается в петлю, часто очень широкую, расплоснутую в XIV и XV вв.

Буква *i* с концом XI в. начинает выделяться из группы других букв легким косым штрихом над нею, идущим вправо (снизу вверх). В XV в. штрих заменяется точкой.

Буква *k* с XIII в. часто пишется с петлею, вместо верхней косой черты, а иногда прямо в виде унциального *R*.

Для *l* имеет место общий закон утолщения вершины его оси в X и XI вв., замены ее петлей с конца XIII в., и затем все растущих размеров и расплоснутости этой петли в скорописи XIV и XV вв.

m, как и *n*, в X и XI вв. имеет чаще всего ноги прямые, твердо стоящие на строке, в XII в. очень часто является (встречавшаяся и ранее) своеобразная „унциальная“ форма, напоминающая группу *og*.

Относительно *n* следует сказать, что оно все еще нередко имеет капитальную форму.

o, как и *p* и *q*, имеет однообразный, привычный нам, вид во все классическое средневековье.

r с X в. держится в пределах двух линеек, сохраняя свою старую форму. Но рядом с ним, уже с IX в., но особенно с XI в. яляется и другое, так наз. круглое *r*, сбивающееся на русское курсивное *г*. Оно сперва выступает лишь в комбинации с *o*. Однако, не так давно открыты были относящиеся к началу XII в. тексты французских поэм, где *r* принимает ту же форму в комбинации с такими буквами как *b* и *h*, как унциальные *d*, *g*, *p*, — вообще буквами, имеющими, подобно *o*, закругление справа. Эти комбинации послужили переходом к освобождению этой формы *r*, которая в конце XII в. является более или менее всюду, независимо от соседних комбинаций.

s уже в X в., кроме старой формы своей, является в виде слегка изгибающейся длинной оси. С конца XII в. намечается, а с XIII в. прочно укрепляется, обычай писать *s* в конце слова в разнообразных новых формах: в форме нынешнего, сильно извивающегося, но не переходящего пределы двух линеек *s*, греческой сигмы, наконец формы, напоминающей русское *в*. Особенно в этом последнем виде конечное *s* очень характерно для рукописей после XIII в. и почти безошибочно дает возможность датировать их в этом смысле.

u (и аналогичное ему *v*), остававшееся неподвижным в течение X—XII вв., в XIII в. изменилось в своем очертании. Теперь оно начинается с приплюснутой петли и заканчивается узелком, напоминая таким образом *b*. Это смещение *b* и *v*, которое заставляет непривычного читателя колебаться и читать *vox*, как *box*, или наоборот, *bini*, как *vini*, чрезвычайно характерно для письма после XIII в.

Для букв *x*, *y*, *z* навряд ли можно указать какие-либо определенные изменения в связи с их датой.

Такова общая эволюция латинского алфавита, в частности каролингского минускула в период IX—XV вв. Вышеизложенную детальную историю отдельных букв можно резюмировать и дополнить в следующих общих наблюдениях.

Письмо IX в. эпохи совершенного каролингского минускула является самым, может быть, простым, отчетливым и совершенным, — хотя и не самым элегантным из всех типов

латинского строчного письма. X в. представляет, сравнительно с ним, известную порчу форм, большую небрежность, тяжеловесную неловкость. С XI в. мы видим возврат к простым, четким, крупным формам IX в. Несколько большая наклонность букв, их систематическая лигированность, систематическое применение утолщений в концах *b*, *d*, *h*, *l*, наконец, густые, черные, — сменившие королингские красноватые, чернила отличают рукописи XI в., в общем весьма немногочисленные, от их предшественниц. В конце века появляется штрих над *i*, выделяющий его в сочетаниях, способных без этого значка вызвать недоумение.

Для общего вида рукописей XII в. характерны тонкость, изящество покрывающего их минускула. Это лучший век монастырского искусства, лучший век в смысле нежности и благородства письма. Чернила не слишком жирны, буквы не крупны: 2—3 мм. Из характерных букв бросается в глаза новая форма *r* (см. выше), чередование *d* курсивного с унциальным, определенно-унциальная форма *a*. Почти все буквы начинаются и заканчиваются небольшими горизонтальными придатками. Кроме того, в огромном большинстве рукописей XII в., даже „круглых“ в основном дукте, всегда проникают те или иные элементы „готического“ письма (о нем ниже, стр. 159).

Рукопись XIII в. определяется еще более сильным участием этих готических элементов или их безусловным господством. Выше мы констатировали, в качестве общей черты этого века, возвращение петель у *b*, *d*, *h*, появление ушка у *a* и особенно характерное конечное *s*, в виде сигмы или *v*. Чернила стали несколько хуже: более жирны и расплывчаты или более бледны. Конечно, и это столетие знало¹ превосходные, изящные кодексы. В отдельных случаях, в отдельных, более выдержанных и строгих скрипториях могли появляться рукописи, напоминавшие, даже превосходившие продукцию минувшей золотой поры. Но в общем правиле и чаще рукопись XIII столетия, по сравнению со своей предшественницей, гораздо грубее и неряшливее. XII век—первый и последний век

¹ Читатель должен помнить, что законы палеографии не выражаются „безусловно“, „всегда“ и „никогда“, — но „преимущественно“ и „большинством“.

классически безупречного средневекового письма. С XII в. во всех областях жизни наблюдается быстрый рост интеллигенции, умножение пишущей братии, растущий спрос на книгу, потребность хотя бы наскоро закреплять в письме продукты все более интенсивной умственной работы, особенно в тех родах, которые так пышно расцвели в век средневековых университетов и странствующих орденов: проповеди и лекции.

Монастырь перестал быть исключительной или преимущественной мастерской письма. Он сам зачастую вынужден обращаться к услугам наемных писцов, среди которых видную роль играют студенты, зарабатывающие себе таким путем средства к существованию.¹ В обителях старой организации, Клуни и Цистерции, некогда гордившихся своими артистами каллиграфии, искусство письма, вместе с общим разложением дисциплины, пало до того, что в Мюрбахе, Сен-Галлене и других славных очагах большинство монахов было безграмотно. *Calicibus erotandis, non codicibus emendandis indulgent hodie*, так характеризует их Филобиблион Ричарда Бери.² Своеобразные условия литературной жизни новых странствующих орденов еще больше содействовали вырождению письма. Они требовали дешевизны продукции и компактности книги. Отсюда — усиленное применение бумаги, сжатость письма и ужасающее множество, смелая причудливость аббревиатур. Рожер Бекон затрудняется найти переписчика для своего произведения, предназначавшегося к отсылке папе Клименту IV: „потому что писцы из среды Меньших Братьев не владеют *bona littera*, чужие могут допустить извращения смысла — *fraudem*“. О переписчиках из университетской среды Жерсон высказывает самые пессимистические суждения. Многочисленная школьная молодежь, буйная, живущая беспорядочно и работающая спешно, непочтительная к традиции и смелая на новшества, все заметнее начинает относиться к письму как к рабочему орудию, а не священному искусству или канцелярской тайне. История графии снова сходит с ровной, спокойной дороги всепримиряющего минускула и бросается по всем мыслимым уклонам индивидуальных курсивов. Появление более дешевого, чем пергамен, материала пись-

¹ Wattenbach, 403.

² Ibid., 377.

ма, — бумаги, — еще дальше расшатывает то бережное и строгое чувство, с каким прежний скриптор относился к своему делу.

Это движение скажется еще сильнее и резче в XIV в., когда бумага конкурирует с пергаменом на равных правах, и в XV в., когда она его побеждает. Жирность чернил в одних случаях (в более дорогих рукописях) и их желто-серый тон в других — уже очень заметно бросаются в глаза. Та средняя форма, на которой в конце XIII в. кое-где начали сходиться *b* и *v*, царствует в XIV в. В конце этого века штрих над *t* заменяется точкой, которая господствует в XV в., и наконец, — одна из самых характерных черт в рукописях накануне изобретения книгопечатания: — восхождение оси *t* заметно выше его перемычки — явление, вовсе не встречавшееся в предшествующие века. Любовь к петлям, скорее притом расплюснутым вширь, чем вытянутым вверх, также весьма заметна в более дешевых *mss.* Не только *h*, *f*, *b*, *l*, и особенно *d* пишется с такими рассевшимися петлями, но черточка над строкою, имевшая обозначать аббревиатуру, тоже пишется в виде петли, которая начинается круговым движением от последней буквы слова. Страница „курсивной“ рукописи XIV—XV вв. иногда бывает вся усеяна петлями (табл. IV, фиг. 21).

Века декаданса, нового сильного расхождения книжного и обиходного письма, *Buchschrift* и *Bedarfschrift*, были вместе с тем веками энергичного проявления индивидуальности в письме.

b) Дипломатическое письмо

Библиография. О письме грамот см. указанные в общей библиографии (№ 17—20) пособия по дипломатике.

Воспроизведения императорских и королевских грамот: H. G. Sybel u. Th. v. Sickel. *Kaiserurkunden in Abbildungen*. Berlin, 1880—1891. Th. v. Sickel e C. Cipolla. *Diplomi imperiali e reali delle cancellario d'Italia pubblicati a facsimile dalla R. Società Romana di storia patria Roma*, 1892. — Частные грамоты: O. Redlich u. L. Gross. *Privaturkunden, Urkunden und Siegel in Nachbildungen für den academischen Gebrauch v. G. Seeliger*, Bd. III, Leipzig u. Berlin, 1914.

Каролингская реформа была прежде всего реформой книжного письма и осуществлена была в своей области „скрип-

торами". Нотарии и табеллионы, писцы канцелярий некоторое время еще продолжали держаться за особенности дипломатического начертания. При Карле Великом и в первые годы правления его сына королевские дипломы, хотя и написаны более твердой и уверенной рукой, ровными строками и довольно правильно отставленными друг от друга буквами,—заметно подделываются под меровингский стиль. Откровенно проникает минускул только в строчку, выражающую дату. В основном тексте бросаются в глаза попережнему цепляющиеся за соседние строки медленно извивающиеся хвосты и оси букв *b, d, f, h, l, p, r* и *s*. Иногда концы *f* и *s* изукрашены завитками.

Первая строчка всегда удлинена. Каролингские нотариусы еще некоторое время будут хранить типичные меровингские буквы: *a* из двух колец, *e* с вздувшимся нижним закруглением, *t* в форме унциального *a* с ушком. Все более смягчаясь, ассимилируясь минускулу, сохраняя только извивающиеся продолжения, петли и завитки, дипломатическое письмо каролингской канцелярии унаследовано было императорской канцелярией Оттонов и Генрихов. Как и в книжное письмо, в него проникают готические элементы, и его история—кроме удлинений и завитков—отражает историю книжного письма. Более бедные и скромные канцелярии, как королевская капетингская, как большинство канцелярий феодальных баронов, совершенно оставляют всякие претензии на какое-либо специальное дипломатическое одеяние. Они довольствуются набираемыми, откуда придется, писцами, и их грамоты, лишенные своеобразного графического облика, отражают общий характер местных—чаще всего монастырских—школ письма. Мы знаем, что в эту эпоху в самой „дипломатике“, в стилистике грамоты проявился больше всего писатель-монах (в частности—эсхатологически настроенный монах-кляуниец). Это он повествует в ее прологе о „дряхлости стареющего мира“, в ее заключительных клаузах это он пространно и цветисто изображает телесные и душевные муки, грозящие разрушителю грамоты. Эта мрачная цветистость, изменившая простой и официально сдержанный облик каролингской грамоты,—продукт того же влияния, которое и в графическом отношении ассимилировало большинство феодальных грамот монастырскому кодексу.

с) *Распространение каролингского минускула
в латинском мире*

Библиография. А. Hessel. Studien zur Ausbreitung der karolingischen Minuskel. AUF VII (1921) u. VIII, (1922).

Мы указывали выше на то, что в воздухе каролингского ренессанса перерождение областных курсивов в „каролингский“ минускул происходило спонтанно и независимо в разных очагах, подобно как с движением летнего тепла всюду распускаются новые листья и травы. Но в этом движении участвовал также момент сознательной воли, активной пропаганды. Ее, в раннюю пору, создавала каролингская власть и ее органы; в более позднюю — римская курия.

Распоряжение Карла Великого об „эмендации книг по всем епархиям и обителям“, осуществлявшееся, несомненно, через подвижные органы его власти, — людей новой формации — не могло не быть могучим стимулом к пропаганде нового письма. Такие распоряжения, — пока каролингская власть стоит на высоте своей культурной миссии — повторяются его преемниками. А когда о „добром письме“, *bona littera*, перестанет заботиться рассыпавшаяся мирская власть, тогда каролингский минускул, под его характерным именем *littera francisca* или *scriptura gallica*, возьмет под свое покровительство власть укрепившегося римского понтификата.

Есть некоторые данные думать, что минускул стал для нее символом „католического равнения“, спутником римского единства. В XI в. его начинают переносить в Испанию массы клюнийских миссионеров. Борьба против вестготского письма — *littera toletana* — была борьбою против мозарабской литургии, которая одевалась в это письмо. Она особенно энергично совершается в понтификат Григория VII, как одно из естественных проявлений его тенденции к объединению католического мира. В этом смысле становятся понятными те два отрывочные известия, которые находим у испанских летописцев. В рассказе о соборе, созванном в Леоне в 1091 г., Родриго Толедский добавляет: „Тут присутствовал Ренерий, легат и кардинал римской церкви. Открыв собор вместе с Бернардом, Толедским приматом, они сделали ряд постановлений о церковном служении, а также (установили), чтобы отныне все писцы, оставив толедское письмо, которое избирал

Вульфила, епископ готов, применяли галльское письмо¹. Еще определеннее выражается Лука из Туи: „Они постановили, чтобы отныне писцы пользовались галльским письмом и совершенно оставили бы толедское в церковных службах, да не будет отныне разделения в среде божьих служителей“². Это распоряжение, конечно, только подводило итог и давало дальнейший стимул усилиям клюнийских миссионеров. Впрочем борьба между мозарабской и католической литургией и их выражением, толедским и галльским письмом, разрешена была не сразу и не вполне. Следы этой борьбы сохранила легенда, по которой спор постановлено было решить единоборством двух рыцарей. Защитник мозарабского обряда был побежден в поединке и вынужден бросить книги толедского письма в огонь. Но уступив влиянию более совершенного типа, испанское письмо до конца XIV в. сохраняло свое *g* в виде *q*, свою оригинальную аббревиатуру *nsr* и начертание *qumt* для *sit*.

Если в Испании торжество минускула представляется анналистам как результат постановления римского легата,—на северных островах оно было осуществлено оружием „римского вассала“. Минускул установлен был в Англии фактом норманнского завоевания. С середины XI в. мы видим в ней два конкурирующие потока: один, который идет от официальной церкви, от двора и тянущих к нему французских элементов общества—это поток обще-латинского минускула; другой, который утверждает себя преимущественно в памятниках англо-саксонского языка—это старое, острое островное („гиберно-саксонское“) письмо. В конце XII в. подчинение общему типу произошло также и в национальных памятниках, и только сохранением трех оригинальных форм: для *g*, для

¹ Et interfuit etiam Renerius, legatus et Romane ecclesiae cardinalis. Ibidemque, celebrato concilio cum Bernardo Toletano primate, multa de officii ecclesiae statuerunt, ut etiam decetero omnes scriptores, ommissa littera toletana, quam Gulfilas Gothorum episcopus adinvenit, gallicis litteris uterentur. Rodericus Toletanus, De rebus Hispaniae VI. XXX (см. Morel Fatio, в BECh., t. XLII и XLIII).

² Statuerunt etiam ut scriptores decetero gallicam litteram scriberent et praemitterent toletanam in officiis ecclesiasticis, ut nulla esset divisio inter ministros ecclesiae Dei. Lucas Tudensis. Chronicon Hispaniae. См. Prou. Manuel de paléographie, 103.

звука, получившего имя *thorn* и для *u*, они отличаются от обще-латинского алфавита.

В Италии минускул очень быстро (может быть, даже раньше каролингской реформы) победил в книгах. Но дипломатическое письмо противится ему дольше, чем где бы то ни было. Сама римская курия сперва принимает его только в строке даты и подписях. В тексте он утверждается лишь после эпохи Пасхалия II, сохраняя довольно долго (в качестве дипломатического письма) удлинения и завитки, а в особом типе папской грамоты, так наз. *mandamentum*, — своеобразную, напоминающую открытые ворота, лигатуру для *st* и *ct*. Городские нотариусы до конца XIII в. во многих центрах держались своего трудно читаемого курсива. На юге Италии он был устранен формальным распоряжением Фридриха II: „Мы предписываем, навсегда отбросив ту манеру письма, которая донныне сохраняется в Неаполе, в герцогствах Амальфи и Сорренто, писать официальные грамоты в общеупотребительном и удобочитаемом письме руками нами поставленных нотариусов“.¹

II. ФРАКТУРА (ГОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО)

а) Характер и происхождение

Библиография. W. Meyer. Die Buchstaben-Verbindungen der sogenannten gothischen Schrift. Abhandl. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen Phil.-hist. Kl. N. F. I. (1897).—R. Kautzch. Die Entstehung der Fracturschrift. Jahresb. der Gutenb. Ges. XX (1922).—O. Dobiaš-Roždestvenskaia. Quelques considérations sur l'origine de l'écriture dite gothique. Mélanges Lot. Paris, 1925, 619—721.—W. Wehmer, цит. в прим. на сл. стр.—Crousu. J. Kirchner. Die gothischen Schriftarten. Leipzig, 1928.

Рядом с изменениями основного каролингского минускула, собирая их попутно в себя, совершалась еще одна важная эволюция, которая захватила в круг своего влияния большую часть кодексов XII—XV вв. Реформа эта — хотя вышла она (мы

¹ *Consuetudinem, quam olim in aliquibus regni partibus audivimus obtinere, dilucida constitutione cassantes, decernimus instrumenta publica et quolibet cautiones per litteraturam communem et legibilem per statutos a nobis notarios scribi debere, scribendi modo qui in civitate Neapolis, ducatu Amalfi ac Surrenti... hactenus servabatur, omnino sublato. Constitut. regni Siciliae, tit. I.LXX.*

попытаемся доказать это) из Италии и являем северной Франции и являлась „латинским“, „романским“ изобретением,— привилась более всего в Германии. В час понощ, обратной смены своей возрожденным круглым письмом, она ошибочно связалась в представлении людей ренессанса с германской стихией и получила, неправильно выражающее ее генезис, имя „готической“.¹

Это ломаное письмо (табл. IV, фиг. 20), появившее в свое время различные имена, как *fractura*, *textura*, *scriptura monacalis*, *écriture brisée*, во Франции в XIV в. получило имя *lettre de forme*. Особенно охотно употребляли его в больших миссалах, откуда ему присвоено также имя *scriptura missalium*.

Немного удивительно, что в коротких, слишком беглых главах, посвященных в научной литературе готическому письму, вовсе не ставится и не разрешается вопрос о его происхождении. Ни Томсон, ни Пру, ни Наталис де-Вальи, ни Людвиг Траубе не задают себе или читателю этого вопроса, и только Стеффенс обмолвился неуверенным на него ответом „*Die gothische Minuskel scheint sich am frühesten in Nordfrankreich entwickelt zu haben*“.² Не представляется ли странным, что вовсе не возникало предположения о связи фактуры XII в. с тем письмом, которое создано в X в. в Италии, и которому французы дали тоже характерное имя „ломаного“, *brisé*?

¹ В новом исследовании G. Wohmer. *Die Namen der gothischen Buchschriften* (Studien über die mittelalterlichen Buchschriften. Halle, 1932) см. углубленную разработку проблемы, как, с одной стороны, термина „готическое письмо“, покрывавшего, в представлении людей возрождения, всякое средневековое письмо, начиная от унциала и даже более всего привязывавшееся к унциалу „серебряного кодекса“, приписываемого Вульфиле, епископу готам (только с Маффеи получает термин „готического письма“ более специальный, привычный внешней науке, смысл ломаного письма), так и терминов, прилагавшихся в прошлом к тому, что мы именуем ныне готическим письмом.

² Steffens. *Lateinische Paläographie*, III Einleitung, XXII. Не имея возможности останавливаться на готическом курсиве (*Kurrentschrift*), немецком и английском, отсылаем к анализу этих писем и таблицам у Steffens. Taf. 119 и 121 и соответствующие объяснения там же.

Следующие ниже наблюдения читатель может проверить, кроме таблиц цитированных собраний (альбомы Стеффенса, Пру и т. д.), на нашей таблице IV, фиг. 20.

При известной существенной разнице: — северное ломаное письмо XII в. строится в значительной части на острых углах; южное ломаное складывается из тупых; — между обоими шрифтами есть несомненное сходство. Если было правильно наше предположение о том, что монтекассинское письмо было на впечатление проекции от выпуклой литеры, то это предположение, думается нам, объясняет также мотивы северной фразктуры. Только что в последнем тени определяются иным углом зрения, и все письмо гораздо более сплюснуто с боков. Возможно, что заострение и вытягивание вверх форм северной фразктуры происходило совершенно незаметно, под влиянием новых вкусов, тех общих эстетических течений эпохи, которые заставляли вытягивать вверх оживу „готического“ (французского) храма и искать остролистных цветов и трав для его растительного орнамента. „Готическое“, как и „монтекассинское“ письмо одинаково пользуются оригинальной системой лигатур: слияние обращенных друг к другу выпуклостей букв *bo, od, bd, po, pe, be, he, oe* и т. д. (см. выше, стр. 128). Перед лицом этих поразительных совпадений мы не можем не искать общего очага обоих шрифтов и, в виду более раннего появления ломаного стиля в южной Италии, склонны признать ее за родину последнего.

Но каким путем проникло его влияние именно на французский север? Как ни соблазнительна наша гипотеза, как ни правдоподобна она, в виду общих соображений сходства и хронологической последовательности, она является несколько бессодержательной, пока не прослежена, притом по этапам подлинных рукописей, действительная дорога традиции южно-италийского письма. Этого сделать нам не удалось, и мы хотели бы только, в подтверждение гипотезы, напомнить о тех связях, о том обмене литературных традиций, которые издавна существовали между апулийским паломничеством на Монте-Гаргано и северо-французским на Монте-Тумба,¹ между монтекассинской обителью св. Бенедикта и Луарской, Флерийской обителью того же святого, — о связях, которые оживились в век господства родственных норманнских династий на юге

¹ См. наше исследование „Культ св. Михаила в латинском средневековье“, Пб., 1918, стр. 322, и более специально наш этюд *Les origines de l'écriture dite gothique* в сб. *Mélanges Lot*, Paris, 1926.

Италии и севере Франции: конец XI в., когда норманнское господство связало эти два противоположные края Европы, был порой, когда на севере впервые появляются первые признаки фразатуры.

Во всяком случае влияние и авторитет Монте-Кассино были так велики во всей латинской Европе, что действие его письма могло проникать самыми разнообразными путями в различные ее области, что и происходит с неодинаковою быстротою в продолжение XII в. Кодексы очень охотно переходят на это письмо, совершенно естественно при этом теряя соединительные волосные и, вообще, большую часть лигатур. При таком переходе письмо опять становится несколько замедленным: более медленным, чем техника круглого минускула. А потому, принимая в особенности во внимание тенденцию века к много- и борзописанию, тем более неизбежно развитие, рядом с этой *Buchschrift*, новых разновидностей курсива, иные из которых будут тяготеть к круглому, другие к острому, готическому стилю. Само книжное письмо имеет несколько вариантов, колеблющихся от чистых круглых к последовательно-готическим формам, с богатейшей скалою промежуточных оттенков. В романских странах круглые течения всегда жили, иногда даже господствовали над готическими. Наоборот, Германия преимущественно культивировала последние. Не только готический минускул, но и готический курсив являются излюбленными в ней, как и в Англии шрифтами (см. прим. на стр. 160), получают острый характер, исполняются в жирных чернилах, чтобы впоследствии, именно в форме главным образом книжного минускула, быть закрепленными печатным станком.

б) Большие буквы во фразатуре

Библиография. F. Uhlhorn. Über die Grosbuchstaben der sogenannten gothischen Schrift. Zeitschr. f. Buchkunde I (1924), 17—30, 64—74, 107—123.

Для большинства готических шрифтов и вообще письма XIII в. и более поздних веков характерно последовательное употребление больших букв, которых почти не знали (по крайней мере в тексте) IV—XII вв. Теперь большие буквы появляются вначале предложений, после знаков препинания,¹

¹ См. параграф о пунктуации ниже, стр. 197.

соответствующих, по смыслу, нашей точке, в собственных именах и иных словах, значение которых писец хотел подчеркнуть. Каков был метод выделения „большой буквы“? В наше время для этого существуют два приема: больший (приблизительно вдвое) размер и, в некоторых случаях, иная, — а именно капитальная — форма (для нынешних букв латинского алфавита, как известно иная в отношении *A B D E F G H L M N R Q* и *T*. В остальных случаях буквы отличаются только размерами). В средневековом письме дело обстоит гораздо более прихотливо. В сущности „большая буква“ предоставлена творчеству писца. Он берет для нее иногда капитальные формы; еще чаще, пожалуй, те же минускульные формы, увеличивая и разнообразно изгибая их, наряжая путем перечеркиваний, завитков, удвоения их горизонтальных или вертикальных черт, штриховки их фонов, утолщения некоторых элементов, замыкания их отверстий (напр., большое *C* обычно замкнуто и сбивается на обернутое *D*), предупреждения их, при помощи некоторого знака, напоминающего иногда *L*, иногда *T*, украшенного точками, штриховкой или параллельными волосными.¹ Особенно прихотливо проявляется это творчество в инициале, развертывая букву в целые архитектурные сооружения или ветвистые деревья, в фоны для сложных миниатюр. История инициала, в особенности в позднее средневековье, представляет науку, далеко выходящую за пределы „одной из глав“ палеографии.

Д.

СОКРАЩЕНИЯ В РУКОПИСЯХ

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Смысл и типы аббревиатур

Библиография. Хорошее введение дает, приводя богатую библиографию предмета, L. Schiaparelli. *Avvimento allo studio delle abbreviazione latine nel medio evo*. Firenze, 1925.

Из словарей назовем прежде всего старый, но наиболее полный S. L. Walter. *Lexicon diplomaticum, abbreviationes syllabarum et vocum in diplomatibus et codicibus a saeculo VIII ad XVI usque occurrentes exponens, iunctis alphabetis et scripturae speciminibus integris*. Göttingae, 1745.—Затем

¹ См. в *Dizionario Scarpelli*, различные образцы больших букв.

A. Chassant. Dictionnaire des abbreviations latines et françaises usitées dans les inscriptions lapidaires et métalliques et les chartes du Moyen Age, 5 éd. Paris, 1884.—Удобен маленький A. Carpi. Lexicon abbreviatarum. Dizionario di abbreviature latine ed italiane usate nelle carte e codici specialmente nel medio evo. 3 ed., Milano, Manuali Hoepli, 1930.—2-е нем. изд., Leipzig, 1928. Имеется также словарь латинских и французских сокращений при учебнике Prou.

Критический словарь и образцовое исследование в цит. книге Lindsay см. № 40 общей библиографии.

О „священных именах“—классическая работа L. Traube. Nomina sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung. Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters. II, München, 1907.—Затем С. Н. Turner. The Nomina sacra in early latin christian Mss. Studi e testi 40 (Roma, 1924) 62—74.

О происхождении контракции для Nomina sacra (в греческой письменности) теперь также G. Rudberg. Neutestamentlicher Text und Nomina sacra. Skritur utgifna af Humanistiska Vetenskaps. Samfundet i Uppsala XVII 3 (1915).

О происхождении средневековой системы аббревирувания в целом—L. Schiaparelli. Le notae iuris e il sistema delle abbreviature latine medievali. ASI LXXIII (1915) 275—322.

За последнее время появляется много работ, посвященных сокращениям в различных мастерских письма и истории отдельных приемов аббревирувания. Начало такого рода исследованиям положил тот же Траубе. См. его Vorlesungen und Abhandlungen, 220—222.

В отдельных параграфах мы укажем более специальную литературу сокращений. В общем виде вопрос этот рассмотрен у Steffens'a. Einleitung, XXXI sqq.; у Thompson'a. Introduction, chapt. VI и VII и особенно обстоятельно в последнем (известном нам) издании Prou. Manuel Chap. IV. Здесь уже приняты во внимание замечательные работы L. Traube и W. M. Lindsay по вопросу о контракциях, о которых подробнее см. ниже, стр. 181 сл.

Когда в IX в. каролингский минускул заменил собою большинство малоразборчивых местных и областных шрифтов, рукописи перестают тревожить читателя чисто графическими трудностями. Но с X в. начинают выдвигаться другие, вытекающие из все растущего множества сокращений: так наз. аббревиатур.

Вся система средневековых аббревиатур в зародыше готова в VI—VII вв., и последующим столетиям остается ее только развивать и усложнять. Однако, это развитие и усложнение пойдет особенно энергичным темпом, именно, начиная с XV в. Нам представляется наиболее целесообразным охватить в одном сжатом очерке материал аббревиатур в момент, когда творчество в этой области, развернувшись во всех направлениях, начало останавливаться.

Античные начертания и рукописи: литературные памятники и юридические тексты, надписи и дипломы знали многочисленные примеры сокращений, излюбленные типы для каждого рода. Ранние христианские памятники имели в этом смысле тоже своеобразные предпочтения. Писцы VII в. в некоторых центрах начинают комбинировать накопившийся опыт, особенно в рукописях, написанных полукурсивом. Каролингская реформа письма, вернувшись к античным приемам, повидимому, несколько задержала дальнейшие искания в этой области. Они вновь развернутся в эпоху классического средневековья (XI—XIII в.). Текст рукописи XIV в. весь обвит сокращениями.

Тенденции к сокращениям (их знает и наше письмо по очень разнообразным методам, венец которых — стенография) напрашивается простое и естественное объяснение. „Это, с одной стороны, — желание избежать труда постоянного воспроизведения в письме часто встречающихся слов, которые читатель может угадать в их сокращенной форме так же безошибочно, как читает их в полной, а с другой — необходимость (она бывает очень настоятельной в периоды скудости материала) экономить место“.¹

Мы пока удовлетворимся этим „естественным“ объяснением, хотя, как увидим дальше, мотив одного, самого интересного типа средневековых аббревиатур, по крайней мере при его зарождении, был совсем иной и не имел ничего общего с желанием сберечь при писании труд и место.

„Каждый автор (и, прибавим, писец) очень быстро создает собственную систему сокращений. И если предмет, о котором он пишет, богат техническими выражениями (прибавим, если пишущий имеет некоторый авторитет, и система удачна), эту систему принимают все, кто пишет на аналогичные темы. В юридических текстах, в публичной и частной бухгалтерии, в разнообразных записях сделок повседневного обихода, общие и повторяющиеся слова неизбежно являются объектом сокращений, подчиняющихся сперва личной прихоти, а потом — известной общей системе, которая постепенно становится всеми признанной и всем понятной“.²

¹ Thompson, 86.

² Ibidem.

Самая естественная и простая система сокращения, особенно если автор пишет на родном, хорошо знакомом ему и его читателю языке, это недописыванье слова, опусканье его конца; то, что издавна получило в латинском мире имя с у с п е н с и и (*suspensio*). В крайнем своем выражении она сводит слово к одной, начальной его букве, *littera singularis*, издавна получившей имя с и г л я или с и г л ы (*sigla, sigle*).

Этой простой и грубой, неизбежно вызывающей бесконечные недоразумения, системе прямо противоположна весьма точная и совершенная, но и крайне сложная система нынешней стенографии, где вся полнота звукового состава слова находит вполне точное, но слишком тонкое условное выражение в едва приметных указаниях положения, наклона, утолщения и тому подобной нюансировки различных элементов графического символа.

Между этими двумя системами располагаются разнообразные исторические приемы сокращений, которые представляют комбинации различных достоинств и невыгод вышеописанных методов.

Все множество этих приемов, если мы отвлечемся от их исторической смены, сводимы к следующим разновидностям.

Abbreviaturae

- 1) per suspensionem
- 2) per litteras singulares
- 3) per notas tironicas
- 4) per notas syllabicas
- 5) per contractionem
- 6) per litteras suprascriptas
- 7) per signa specialia
- 8) per modos speciales.

Но так как, в сущности, шестой класс (надписных букв) представляет один из осложненных приемов контракции, так как далее *signa specialia* есть только обломок тиронской системы, которая имела две разновидности, соответствующие третьей и четвертой группам нашей схемы, и так как сиглы являются лишь крайним выражением системы суспенсии, то указанные восемь разновидностей можно свести к трем большим группам: 1) суспенсии: разряды 1 и 2, 2) контракции: разряды 5 и 6, 3) тиронская система: разряды 3,

4 и 7. Рядом с ними устанавливается относительно небольшая и не имеющая ясного определения группа сокращений через различные специальные приемы (8-й разряд), склад невозможных случайных изобретений в области сокращения, более или менее удачная комбинация из трех предыдущих. И так:

Принцип суспенсии — в отрывании конца слова, напр.: *episcop.(us)*, *burdegal.(ensis)*.

Принцип контракции — в сжимании слова с выбрасыванием средних, менее характерных элементов слова, и сохранением крайних его пределов: начала и конца, иногда даже всей полноты флексии, напр. *gla* (*gloria*).¹

Тиронская и силлабическая система, с ее переживанием в *signa specialia*, собственно, не что иное, как система стенографии.

Все три метода применялись писцами во все эпохи развития латинского письма: в античности, как и в раннем и позднем средневековье, в эпоху гуманистического письма и даже в первопечатных книгах. Но степень их использования, пропорции, в каких они комбинировались, были весьма различны в различные эпохи.

Мы пользуемся всеми тремя и в настоящее время. Стенография есть постоянный рабочий метод записи парламентских и судебных прений, речей и лекций. Такое же, в общем, значение имела она и в древности. Но в иной роли, как будет видно ниже, является она в средние века. Контракция в нашем нынешнем письме не выходит из круга частных записей и даже в них играет незначительную роль. Большинство пишущих, в своей обычной скорописи, удовлетворяется такими контракциями, как *к р ы й*, *ч л к*, *т к к к*, и им подобные, весьма немногочисленные сокращения. Уже суспенсиями мы пользуемся очень широко. Напр. и след. проникает и в печатные книги. В лепке новых сложных слов из суспензий старых очень охотно упражняется и народный язык, и технический словарь западных народов, причем здесь дело пошло гораздо дальше начертания, но отразилось на речи. Так получился

¹ При контракции контрагируемое слово всегда покрывается прямой чертой. Техника книгопечатания делает в настоящее время крайне затруднительным воспроизведение этой черты. Пусть читатель всегда дополняет ею все наши контракции.

Boulmiche (Boulevard Saint-Michel), несколько иначе — autobus (automobile — omnibus) и т. п.

Творчество русского официального языка начала революции в этом смысле дает богатейшие образцы, подчас поражающие своею смелостью. Мы встречаем в официальных документах и устной речи не только совнархоз (совет народного хозяйства), наркомпрос (народный комиссариат просвещения) и чуснабарм (чрезвычайный уполномоченный снабжения армии), но даже, начкорбоевуч (начальник корельского боевого участка). Но вся техника XIX в., официальная литература и наука, в еще большей мере, чем частичные суспензии, применяла систему сигллей. Так, обозначались через сиглы имена и отчества (А. С. Пушкин), меры времени, веса и другие меры (5 ф., 4 р., 6 м.), названия журналов и изданий (ИАН, РН, НЗ, АА SS, МGH, MPL, СIL), нынешние ВСНХ, ВЦИК, ВПБ и т. п.,¹ часто встречающиеся названия должностей (и. д.), формулы (р. с.), выражения (и т. д., т. е.) и обращения (м. г.). Когда эти моды проходят, или когда отдельные выражения и их символы исчезают из употребления, будущий историк оказывается в необходимости искать словарь всех применявшихся сигллей и суспензий, чтобы читать памятники минувшей и нашей эпох.

Возвращаясь к прошлому латинского письма, мы можем констатировать следующие общие положения относительно значения описанных приемов в различные периоды его развития.

Латинская античность в литературных своих памятниках: надписях и официальных актах охотно применяла систему суспензий и еще шире — практику сигллей. Сохранилось очень много памятников, где мы можем наблюдать их образцы. Относительно применения стенографии мы имеем много определенных следов и указаний, но ни одного сплошного памятника этой системы. Применение контракции в древности являет преимущественно один род памятников: памятники юридического характера, откуда самые сокращения получили имя *notae iuris*.

¹ Известия Академии Наук, *Revue historique*, *Historische Zeitschrift*, *Acta Sanctorum*, *Monumenta Germaniae Historica*, *Corpus Inscriptionum atinarum*.

Если суспензии и сиглы были преобладающей системой сокращения в древности, — они скорее отступают на второй план в средние века перед более излюбленной ими системой контракции. В IV—VII вв. обе системы в некоторых памятниках конкурируют. С VII в. начинает побеждать контракция, чтобы в эпоху каролингского возрождения, с его классическими вкусами, снова временно уступить преобладанию суспензий и возродиться с новой энергией в XI в. XII и особенно XIII—XIV вв. — пора ее исключительного господства. Творчество в этом направлении не имеет границ, так же как и затруднения, которые оно доставляет неопытному (впрочем, нередко, и опытному) читателю.¹ Что касается тиронской системы, средневековье оставило довольно много ее образцов за период VII—X вв., но в них тиронская грамота имеет смысл не удобной записи быстро текущей речи, но чего-то вроде тайной грамоты, шифрованного шрифта, криптографии.

Первое естественное объяснение преобладания суспензии в эпоху античности и каролингского ренессанса, а контракции — на протяжении средних веков, объяснение, какое напрашивается для мысли (оно, как увидим дальше, не исчерпывает всего существа дела), что сокращение, путем отрывания флексии, мог себе позволить писатель в такой среде, где предполагалось свободное обращение с языком, на котором он писал, где твердое знание согласований и правильное употребление флексий прививалось с раннего детства или хорошо изучалось школьным путем. В противном случае писец скорее мог рассчитывать на догадку читателя о смысле сжатого (контрагированного) слова, нежели на грамматически правильное дополнение оборванного.

Гуманисты, как раньше каролингские классики, в третий раз возвращаются к суспензиям. В их преобладании вообще можно видеть один из спутников возрождения „доброй латыни“.

¹ Thompson (Handbook, 87) дает очень полезный совет учащемуся, который пожелал бы поскорее и полнее освоиться с практикой аббревиатур. Он рекомендует ему списывать *in extenso* тексты грамот XIII—XIV вв. Здесь он в наиболее короткое время ознакомится с самыми типичными образцами аббревиатур.

Установив эти общие положения, мы обращаемся к подробностям.

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению отдельных вопросов аббревиации, остановимся несколько на книге, ныне имеющей руководящее в них значение. Хотя, с характерной для автора строгостью, она исследует их только в период наиболее темный и особенно творческий.

Это книга Линдсе, цитированная в общей библиографии под № 40, вышедшая в 1916 г. и ныне подготовляемая к новому, расширенному изданию. Все отдельные слова и все „части слов“ (слоги и т. д.), подвергавшиеся сокращению, от начала латинского книжного и эпистолярного письма (автор не касается инскрипций) до X в. включительно, изучены автором в их пестрых исторических судьбах, притом во всех наличных, сколько-нибудь значительных рукописях, всех веков, областей и мастерских с соответственной статистикой, — момент, которому автор придаст кардинальное значение.

Огромное и кропотливое исследование не только вскрыло величайшую пестроту, движение, изменчивость приемов, находок, и даже дерзаний в аббревиациях этих десяти веков — от итальянского и испанского юга и, с другой стороны, от „островов Океана“, совершавших сложные, сплетающиеся пути. Оно, это исследование — и это еще более примечательно, — констатировало в пестроте какое-то основное единство, какие-то эмпирические законы. Оно открыло, в их обнаружениях, тайные источники и мотивы находок и изменений, причины и условия их скрещений, их расхождений и уподоблений, вплоть до того, что одно тонет в другом всецело и до неразличимости.

Для каждого слова, для каждого исторически ценного „слога“ (они следуют, у Линдсе в алфавитном порядке) в книге Линдсе, где из главной массы *Notae communes* выделены, как особые главы, *Nomina sacra*, *Notae juris* и „капризные сокращения“ — для каждого, говорим мы, элемента даются все осуществившиеся „возможности“ аббревиации, и указаны, классифицированные по школам письма, все рукописи, где они находятся. Читатель увидит здесь исчерпанными почти без исключений между прочим и древние латинские рукописи Ленинграда.

В этой сложности автор настоящей книги не мог широко известить, ни использовать в своей конструкции конструкцию Линдсе. Давая в своем руководстве возможно полную, практичную схему аббревиаций, он отсылает к книге Линдсе, где читатель почувствует потребность схему эту углубить.

II. СОКРАЩЕНИЯ ЧЕРЕЗ СУСПЕНСИЮ

Суспенсии и сиглы

Суспенсия, как мы указывали выше, представляется самой естественной, самой простой и самой ранней из всевозможных систем сокращений. Следует заметить, что исследования последнего времени все более подчеркивают значение системы римских юристов, так наз. *Notae iuris*, в истории сокращений. Переходным моментом явилась здесь система островных сокращений, усвоившая их с большой широтой, чтобы в каролингскую эпоху передать континенту самый ранний и простой ее символ: знак, являющийся нам уже в надписях и ранних унциалах: это точка, которая ставится на месте сокращения, вверху строки (или в ее середине). С течением времени знак этот начинает разнообразиться: суспенсия выражается коротким апострофом, косой чертой, петелькой, крючочком, завитком, наконец, горизонтальной или волнистой черточкой, которая покрывает или слегка перечеркивает последние буквы слова.¹ Последний знак, в основе, имеет другой смысл; он попал в суспенсию из чужеродной ей системы контракции и, как в настоящее время ясно из исследований Траубе, выражал не сокращение, но подчеркивание значения слова.

Самая осторожная суспенсия это та, которая отбрасывает только флексию, лишая слово его грамматического определения, но сохраняя всю основную часть, в расчете, что формы (падеж, лицо, число и даже „часть речи“) могут быть восстановлены читателем из контекста.

Этот принцип выдержан в огромном большинстве античных, каролингских, а также средневековых суспенсий. Так

¹ См. хотя бы в словаре A. Capelli. *Dizionario di abbreviature*, XII (*abbreviature per troncamanto*) различные знаки суспенсии. См. также нашу табл. IV, 2-я половина 1-й стрки.

получились многочисленные стереотипные суспенсии, в качестве примеров которых можно привести такие, легко раскрываемые в контексте аббревиатуры, как fec. (it), dic. (it), amav. (il), dixer. (unt), episcop. (us), parisien. (sis), dyoces. (im), burdegalen. (sem) и т. д.

Гораздо больше поводов к недоразумениям дают такие, идущие дальше флексий, но тоже весьма употребительные во все эпохи жизни латинского письма, сокращения, как an.(te), ar.(ud), aut.(em), car.(ut), car.(itulum), den.(arios), oct.(obris), un.(de) и т. д. Здесь в разрешении всегда остается место для колебаний.

Еще необозримее поле для них в системе сиглей. Их весьма широко практикуют античные надписи, надгробные и законодательные, а за этими последними—юридические кодексы и хартии. Во введениях к соответствующим томам *Corpus Inscriptionum latinarum*, в изданиях надписей Orelli-Henzen'a, у Момсена¹ и Вальтера² мы найдем списки и разрешения подобных сиглей. Из них общеизвестны такие, как A.(nnus), C.(onsul), V.(ir), D.(evotus), P.(atres) C.(onscripti), S. P. Q. R. (Senatus populusque romanus), формулы, как HL (hac lege), DM (dolo malo) и т. д. С II и III вв. начинают применяться удвоения сиглей при множественном числе: DD NN — domini nostri, VV HH (viri honesti) и т. д.

Применение сиглей в средние века было также весьма значительным. Но сколько-нибудь полные списки средневековых сиглей далеко не составлены. Кроме указаний в общих словарях сокращений, каковы словари Вальтера и Шассана или удобный словарь Капелли (см. библиографию на стр. 164), можно рекомендовать специальный список сиглей, излюбленных в папских грамотах, в издании Роденберга. Средневековые писцы приняли все античные сиглы для названий мер, как l.(ibra), s.(olidus), d.(enarius), для титулов: d.(ecanus) или d.(iaconus), p.(raepositus), c.(ancellarius). Они усвоили чрезвычайно неудобную манеру выражать сиглями собственные имена, причем у читателя нет никаких мотивов для выбора между G.(ualterus) и G.(regorius), W.(ido) и W.(illermus).

¹ Th. Mommsen. *Notarum laterculi* в IV томе Keil'я. *Grammatici latini*, 267 и 315, также в *Römische Epigraphik, Handbuch* Iv. Müller и в общих словарях сокращений.

² См. библиографию на стр. 164.

Если дело идет о крупных церковных или светских баронах, и дан год, к какому относится его правление, мы можем отыскать имя и соответствующие справочники.¹ Для менее видных дотолаи (напр. свидетели в грамотах) мы обречены на произвольные догадки. Далее: сиглями, разнообразно (вкось, вертикально, горизонтально) перечеркнутыми, обозначаются части церковных чтений (L — lectio, A. — antiphona), титулы и обращения (l. — fratres carissimi; d. f. — dilectus filius), обрядовые приветствия (s. e. a. b. — salutem et apostolicam benedictionem), формулы (s. m. — secundum morem; m. s. — more solito) и т. п. В общих словарях сокращений можно найти указания важнейших средневековых сиглей.

III. ТИРОНСКАЯ СИСТЕМА

Библиография. Для ознакомления с тиронской системой достаточно указать: E. Châtelain. Introduction à la lecture des notes tironiennes Paris, 1900. — P. Legendre. Études tironiennes Bibl. de l'École des Hautes Etudes. CLXV (Paris, 1907). Здесь же перечислены сохранившиеся рукописи с тиронскими знаками. Дополнение: M. Jusselin. BECh LXIX (1908) 123—200. Специально о силлабической системе L. Schiaparelli. Tachigraphia syllabica latina in Italia. Boll. d. Accad. ital. di stenoграфия. IV (1928).

О тиронских знаках в дипломах M. Jusselin. Notes tironiennes dans les diplômes. Le Moyen Age (1904). 173—227; et 1907, 121—134. — BECh LXVI (1905) 361—388. — M. Tangl. Die tironischen Noten in den Urkunden der Karolinger. AUF I (1907) 87—166.

„Первым изобрел эти знаки, в числе тысячи ста, Эний. Применялись они в следующих случаях. Если что-либо говорилось в тяжбе или на суде, то присутствовавшие при этом многочисленные писцы записывали произносимое, распределив между собой по частям: кто возьмет на себя сколько слов и в каком порядке. Первым в Риме изобрел эти знаки, но только, однако, для предлогов, Туллий Тирон, Цицеронов вольноотпущенник. После него к ним прибавили по несколько новых Випсаний, Филагрий и Аквила, вольноотпущенник Меллената. Наконец, Сенека, собрав и сопоставив все и усне-

¹ В отделе Chronologies diverses справочника Mas-Latrie. Trésor de chronologie, d'histoire et de géographie etc. Paris, 1889. Более специально для церковных магнатов см. Gams. Series episcoporum ecclesiae catholicae. Ratisb., 1873 и Eubel. Hierarchia catholica medii aevi. 3 Bd., 1901—1899

личии число знаков, довел его до пяти тысяч. Они называются знаками (*notae*), потому что обозначают (*notant*) слова или слоги установленными (комбинациями) черт и восстанавливают их для познания (*ad notitiam*) читающего. Те же, кто их изучил, называются нотариями, по преимуществу".¹

Так излагает происхождение и значение античной стенографии Исидор Севильский. Она создана была тремя писцами-вольноотпущенниками, в целях записи импровизаций; она состояла из все растущего числа символов и выражала комбинациями черт (*characteribus*) отдельные слова и слоги.

Самая сущность системы не выяснена здесь с достаточной отчетливостью, и образцов ее от эпохи античности не сохранилось. Но очевидно, в своих хронологических пределах она была тою же, какую является нам впоследствии в словарях и ключах каролингской эпохи.

Здесь она имеет две разновидности.

I. Одна, более поздняя, заключается в том, что тиронский значок служит для выражения каждого отдельного слога каждого слова. Это силлабическая тиронская система.

II. В другой разновидности всякое слово выражается только двумя значками: а) *signum principale*, который символизирует главную его часть, основу, б) *signum auxiliare*, который выражает окончание. Знак, выражающий основу, крупнее того, который выражает окончание. Формы их, в общем, заимствованы из капитальных и курсивных форм тех букв, которыми начинаются подлежащие выражению группы. Напр., слово *corde* в тиронском начертании псалма выражено большим *C* и плотно с ним сцепившимся, идущим вкось значком, который напоминает выродившееся *d*.² Как и в современной стенографии, положение, наклон и т. д. элементов значка давали ему различное значение, открывая возможность быстрым движением пера схватывать целые слова. В каролингскую эпоху, как видно из ее словарей, число тиронских знаков выросло до 13 тысяч.

¹ Isidorus Hispanensis. *Origines*, lib. I, cap. 22. Ed. Lindsay. Oxford, 1911. См. в изд. Arevalo (MPL, LXXXII) примечания с предположениями об источнике сведений Исидора.

² Образец см. в альбоме к Roux, Manuel, pl. III.

Первые подлинные образцы тиронской стенографии истречаются в VII в. на франкской почве, на полях меровингского диплома. В эту пору она совершенно выродилась в своем значении и служила иным целям, нежели практичная и быстрая запись импровизированной речи.

Факт замечательный и, вместе, вполне соответствующий духу средневековой изощренности. В эпоху, когда такое малое число писцов с огромным трудом преодолевало искусство простой грамоты, чтобы в варварском курсиве выводить формулы дипломов, эти убогие грамотеи в большинстве усваивали, хотя бы частично, мудреную науку тиронских значков, чтобы выписывать в них какие-то загадочные указания в экстрасигиллярной¹ части грамоты.

Эти таинственные строки в настоящее время, после долгого вторичного изучения тиронской системы — оно открылось в эпоху реформации — прочтены.

В течение всего позднего средневековья ключ тиронской системы был потерян, и самые символы, впервые после долгого периода забвения, были вновь открыты в начале XVI в. Иоганном Триттенгеймом. В 1518 г. он дал таблицу и толкование тридцати значков, которые нашел в одной псалтыри (*Polygraphiae libri sex Ioannis Trithemii. Oppenheimii, 1518*). Первый более или менее полный словарь символов составлен был в 1609 Grüter'ом в приложении к книге *Inscriptiones antiquae totius orbis Romani*, под названием *Notae romanorum veteres*. Тиронские символы здесь расположены по значению, что чрезвычайно облегчает справки. Чисто исторический интерес имеет в настоящее время книга *Dom Carpentier, Alphabetum tironianum seu notas Tironis explicandi methodus, P., 1747*. Здесь есть известное число новых значков, извлеченных из каролингских дипломов, но автор не понимал ни существа, системы ни принципов соединения символов. Они впервые установлены в замечательном исследовании Корр'а (*Paleographia critica, Mannheim, 1817*), которое он писал в годы политических смут и посвятил потомству. Из него вышла целая школа замечательных немецких специалистов тиронской грамоты, среди которых, кроме особенно славного имени *Wilhelm Schmitz'a (Commentarii notarum tironianum,*

¹ Строки, расположенные в грамоте ниже места, где приложена печать.

Leipzig, 1897), мы отметим такие имена, как: Sickel, Tangl, Zangemeister и Traube. Во Франции после мало удачной работы Carpentier, только во вторую половину XIX в. возвращаются к исследованию тиронских символов, зато эта эпоха дала ряд настоящих виртуозов трудного искусства. Мы назовем здесь труды J. Tardif. *Mémoire sur les notes tironiennes*, в *Mém. présentés par divers savants à l'Acad. des inscr. II série, t. III*. Определенное, не слишком большое число специалистов, посвятивших ей себя, доведут до конца задачу, которой избегает рядовой палеограф, принимая во внимание огромность усилия и незначительность результата. В самом деле, обещают ли богатую жатву сохранившиеся памятники тиронского письма VII—X вв.? Какие тексты пережили в этом письме? Подсчет существующих памятников произведен был в 1905 г. Жюссеном. Этот подсчет привел к цифре 170 mss. Они представляют следующие группы:

1. Тиронские ключи, учебники и словари, все каролингской эпохи. Они, для историка, представляют интерес главным образом постольку, поскольку помогают прочесть другие тексты, представляющие ценность сами по себе.

2. Довольно большое число псалтырей, написанных в тиронских символах. Такие писания представляют, явным образом, школьные упражнения или графическую забаву. Подобный способ записи не давал никаких удобств для писавшего. С другой стороны, разрешение псалтырных текстов не может иметь интереса для читающего. Он имеет возможность прочесть эти тексты в обычном письме.

3. Часто в тиронских символах бывает, на полях библии или античного автора, повторено то же самое, что уже было однажды сказано в тексте, или к нему дан самый банальный комментарий.

Этими тремя группами исчерпывается очень значительное число и даже большая часть сохранившихся памятников тиронской грамоты. Она, очевидно, не оправдывает тех огромных усилий, каких стоит их расшифровка.

4. Есть, однако, более ценные памятники в тиронском письме, и они оправдывают специальность исследователей трудного шифра. Это, во-первых, маргинальные глоссы, которые встречаются на полях исторических и богословских кодексов VII—IX вв., более всего в фондах обители Боббио.

(а также в библиотеках Вероны, Корби, Реймса, Сен Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Шартра и т. д.) и дают не лишние иногда большого интереса комментарии, отмечая дату и происхождение рукописи.

5. Еще интереснее тиронские заметки на обороте (*dogium*) или внизу (*extra sigillum*) дипломов. Дорсальные начертания обыкновенно дают указание места диплома в архиве: нечто вроде его шифра или конспект его содержания. В экстрасигиллярных приписках, которые прячутся в сгибах волнующейся кривой, указан порядок составления и закрепления грамоты, поименованы секретари и писцы, принимавшие участие в работе.¹ Эти пометки раскрывают или прецизируют для нас процедуру меровингской канцелярии, и в этом смысле их большой интерес не подлежит сомнению.

6. Тиронская система в ее силлабической разновидности играла иногда роль настоящего шифрованного шрифта. Не так давно прочтен ряд написанных по этой системе писем Герберта (папы Сильвестра II).² Наряду с 4 и 5 группами эти памятники заслуживают серьезного внимания медиевиста.

В остальных своих применениях тиронская система в средние века — только одна из иллюстраций того же варварского или отроческого пристрастия к мудреному и таинственному, какое сказывалось в некоторых элементах числовой мистики,

¹ Напр., *ordinante Ebroino, ordinante Pippino, maiore domus*. В изгибах волнующейся кривой на дипломе Людовика Благочестивого, 14 октября 829 г. читаем: *Meginarius notarius ad vicem Fridugisi recognovi et subscripsi, Bernardus impetravit. Magister ita fieri et firmare iussit et Durandus sigillavit*. В последнем издании *Proc. Manuel*, 127 — 128, можно найти более подробные указания исследований, посвященных тиронским знакам в дипломах.

² О силлабической системе см. главным образом А. Сусурри. *La tachygrafia syllabica latina*. Roma, 1908. Более специальные или частные исследования: С. Сиполла. *La tachygraphie ligurienne au XI siècle* в *Mélanges Julien Havet*. — Maurice Jusselin. *Monogrammes en tachygraphie syllabique italienne*. BECh XLVI. — Jul. Havet. *L'écriture secrète de Gerbert*, в С. R. de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, XV (1887). *Idem*. *La tachygraphie italienne du X siècle*. Там же. Исследования современных специалистов тиронской грамоты установили основное единство различных областных осуществлений силлабической стенографии и coincidили с предположением о существовании различных „национальных“ силлабических систем: „итальянской, лигурийской, французской, испанской“ предположением, из которого исходили первые палеографы, столкнувшиеся с разными памятниками этой системы.

в ребусах и загадках и тому подобной головоломной игре, занимавшей так сильно мысль грамотеев средних веков.

Ее применение кончилось с их особенно темным периодом. Начиная с XI в., мы больше не встречаем памятников тиронской системы. Уже в X в. нотариусы, особенно в Германии, не понимают тиронских знаков и рабски копируют начертания каролингских дипломов. Некоторые обломки тиронской системы выжили в общей системе сокращений в виде особых знаков, так наз. *signa specialia*, которые, в комбинации с системой контракций, вошли более или менее систематически в ирландские кодексы, более всего в кодексы Боббио. Под влиянием ирландских писцов, они привились на континенте. Некоторые из этих знаков дожили до конца „рукописного периода“ жизни книги и проникли в инкунабулы.

Из этих знаков наиболее употребительны были следующие (читатель проследит их внимательно на табл. VII, строки 2, 3 и 4, где мы встретим их без изменений).

Значок, напоминающий цифру 9 или обернутое С. Стоя в начале слова, он заменяет группу *cum, con*; находясь в конце — группу *us*. В некоторых *mss.* он заменяет группу *os* (в слове *post*) и даже простое *s* (в слове *apnos*). В группе *bus*, где искони в античных падежах *us* сокращалось в виде (.) или (:), в средние века мы часто встречаем (;), иногда же нечто вроде русского курсивного *з*.

Те же символы (.), *з* и (;), не принадлежавшие к тиронской системе, иногда заменяли *us*, а после *q* выражали в латинской античности группу *ue*. В то время по этому методу писались такие слова, как *nequeo, robustus* (*neq. o, rob. tus*). В средние века точка не применялась для этой цели; знаки же *з* и (;) употреблялись исключительно в конце слова.

Иногда они заменяли окончание *et* в глаголах *patet, habet* (*patz, habz*), реже — *est* (*prodz*), нередко конечное *m*, напр. *taz*. Есть случаи, когда в нескольких, весьма часто употребляющихся трех лицах изъявительного наклонения глаголов, знак *з* заменяет собою все слово, кроме первой его буквы: *pz* = *potest*; *hz* = *habet*; *lz* = *licet*.

Символ, приближающийся к цифре 2 (иногда он вырождается в нечто вроде круглого *s*, в виде крючка, наконец, просто

апострофа или запятой), выражает собой группу *ur*.¹ Часто все эти символы пишутся так неотчетливо, что данный вполне ассимилируется тому, который выражал *ri*, *er*, и т. д.

Целый ряд символов: в виде двух параллельных—горизонтальных или волнующихся — линий с точками (или без них), в виде петли, в виде *y* — выражает глагол *esse* как в тех случаях, когда он стоит отдельно, так и в тех, когда группа *esse* входит в другие слова: \equiv *ntia* значит *essentia*; \equiv *m* ϑ значит *essentius*.

Еще больше различных символов: в виде черточки с точками, в виде русского курсивного *э*, в виде греческой ξ , простой или вертикально перечеркнутой, служит для выражения *est*.

Символы для группы *et*, с течением веков все более варьирующиеся, представляют подобия латинского *z*, с перемычкой или без нее, латинского курсивного *y*, латинского *r*, цифры 7, буквы *c* и всевозможных вариантов этих форм.

Для окончания *git* применяется особый символ, при крайнем упрощении начинающий сбиваться на 4.

Слово *autem* имело, в особенности в ирландских *mss.*, особый символ, напоминающий букву *h* с апострофом.

Семерка с черточкой наверху означала *etiam*.

Вертикально перечеркнутое *N* или дважды перечеркнутая вертикальная черта выражала *enim*.

Такова группа особенно употребительных символов. Средневековые *mss.* знали и другие, но их употребление относительно редко, значение прихотливо и колеблется. В большинстве указанных выше словарей аббревиатур можно найти также эти, более редкие, знаки.

а) *Signa specialia*

Они относятся: 1) к некоторым, особенно употребительным, предложениям, 2) к ряду указательных, вопросительных и относительных местоимений.²

¹ Целая литература создалась в недавние годы об истории сокращений *us* и *ur* и интересных, вытекающих отсюда, критериях датировки рукописей VIII и IX вв. См. Lindsay. NL 372 sqq. — Rand в *Speculum* IV и автора, Corbie, 70.

² См. изображение всех этих сокращений на табл. VII, строки 6 сл

p, подчеркнутое горизонтально внизу, означает предлог *per* и вообще группы *par* и *per*, где бы они ни встречались (напр., в слове *pipere*). Точно также подчеркнутое прямо или вкось *s* означает *ser*, а перечеркнутое *b* означает *ber*.

p, покрытое сверху горизонтальной черточкой, означает *prae* и *pre*.

Если снизу к его закруглению подходит косая черточка, петля или завиток, мы читаем эту комбинацию, как *pro*.

Очень капризны сокращения вопросительных местоимений. Известная определенная система таких сокращений существовала еще со времен античности, но выдерживалась она не всеми писцами, и если, как заметил Ваттенбах, мы часто ошибаемся в раскрытии знаков, потому что нетвердо знаем эту систему, то еще, может быть, чаще ошибаемся мы потому, что знаем ее слишком твердо и претендуем применять безошибочно, тогда как средневековой писец на деле применял другую или пользовался данной системой вкривь и вкось.

С такими оговорками, вот эта система.

Местоимение *qui* выражалось через подчеркнутое *q*, через *q* с точкой сбоку, через *q* с буквой *i*, написанной над ним, через *q* с точкой и запятой (;) подле него.

Местоимение *quae* выражалось через *q*, покрытое черточкой сверху или через *q* с тремя точками сбоку.

Quod (а также *quam*) — через *q*, подчеркнутое косой чертой с замычками, иногда через перечеркнутое *qd*. Этим последним методом выражалось также и *quid*.

Que и *quia* выражались через *q* с *z* или (;).

Quoniam — через *qm* с чертой наверху.¹

В остальных случаях следует обращаться к словарям. *hic* обычно выражается через *h* с апострофом.

haec через *h*, покрытое черточкой.

hoc через *h* с точкой. Необходимо, конечно, иметь в виду, что *h* с точкой (.) представляет собою вообще сигль, который мог иметь любое значение: *hora*, *humilis*, *hospitale* и т. д. а *h* с апострофом был тиронским знаком для *autem*.²

¹ См. ту же табл. VII, строки 7 и 8.

² Со времени изысканий Lindsay, особый интерес для островной или континентальной локализации рукописей представляют сокращения *ergo* и *igitur*. См. Lindsay в ZBW 1914.

b) Монограммы

Среди разнообразных специальных методов, если не „сокращения“ в собственном смысле слова, то сбережения места излюбленными были в средние века различные типы инициал и монограмм. *Glossarium* Дюканжа¹ под словом *Monogramma* дает довольно большой материал по этому вопросу. В словаре Капелли² можно найти более сорока наиболее знаменитых монограмм различных государей, монограмм, которые фигурировали обычно в качестве их подписей. В большинстве эти монограммы построены на одной, обычно начальной, букве имени, различные элементы которой, иногда в чистом виде, иногда с небольшими дополнениями, служат одновременному изображению других букв того же имени. Имена *Hilodovicus*, *Hlotarius*, *Hugo* обычно построены на букве *H*. *Karolus* строится на кресте, концы которого обвешаны буквами. Во Франции обычай подписываться монограммами характерен для эпохи от конца меровингской династии до Филиппа VI. В папской канцелярии, начиная с XI в., формула *Venevalete* свелась к монограмме, построенной на букве *N*. В заглавиях и рубриках часто прибегают к включению букв друг в друга, к системе вязи, сцеплений и вензелей. Чаще всего гласные помещаются тут внутри согласных. Так, в слове *Medardus* *e* помещается внутри *M*, *a* внутри *d*, *i* внутри *s*. Соседние буквы, имеющие одинаковые элементы, сливаются до полного совпадения. В группе *unt*, если его писать капитальными литерами, ось *T* сливается со второю вертикальною чертою *N*, а первая его вертикальная черта — со второю чертою *U*.³

IV. СОКРАЩЕНИЯ ЧЕРЕЗ СЖИМАНИЕ: КОНТРАКЦИЯ

a) Контракция в древности

Сосчитавшись с различными приемами, имеющими изменчивое значение в системе средневековых сокращений, мы переходим к той, которая царила преимущественно, а часто и

¹ Du Cange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. Sub voce *Monogramma*.

² Capelli. *Dizionario di abbreviature*.

³ См. некоторые образцы монограмм на нашей табл. VI. Многочисленно „монограмматические“ выражения групп *ns*, *ur*, *nr*, etc. нашей знаменитой рукописи Q v I № 3 см. в I выпуске нашего *Catala*

исключительно в рукописи VI—XV вв.—к системе сокращений через сжимание слов: *abbreviaturae per contractio- nem*. Самая обычная, и вместе самая трудная из всех применявшихся, она была предметом внимательных, многочисленных наблюдений, начиная от первых палеографов-эмпириков. Большой опыт контракций собран был в словари, подвергся известной элементарной классификации, установлен общий факт быстрого умножения этого типа аббревиатур, начиная с конца XI в. и преобладания их в латинских манускриптах, сравнительно с греческими. Смысл контракции видели, как то было и в отношении суспензий, в „сбережении места и времени“ и вели систему от ее первых проявлений в юридических (*notae iuris*) и технических (трактаты землемеров) памятниках.

После исследований мюнхенского профессора Людвиг Траубе,¹ нам приходится коренным образом изменить эти объяснения и перестроить, если не систему, то смысл и историю контракций.

В своем замечательном исследовании о „священных именах“, *Nomina sacra*² Траубе ищет происхождения контракции, отправляясь от следующих, им же устанавливаемых положений.

В рукописях классических авторов мы вовсе не находим следов сокращения при помощи контракций. В сохранившихся (в палимпсестах) более древних кодексах Тита Ливия и Цицерона наблюдается исключительное применение чистой системы суспензий, и только три сокращения представляют известное ее осложнение.

Сокращение *que* в виде *q.* с проведением этого приема внутрь слов: *peq. o* = *pequeo*; *q. ritur* = *queritur* и т. д.

Сокращение *bus*, в виде *b.*, с такими же последствиями: *amb. tum*, *rob. tus* и т. д.

¹ В предисловии, составленном учеником покойного Траубе (ум. 1908 г.) Ф. Боллем, к изданию его *Vorlesungen und Abhandlungen*, дана биография и характеристика безвременно скончавшегося гениального филолога и палеографа. Там же приложен список как напечатанных его трудов, так и его „рукописного наследства“. Цифра напечатанных трудов выражается в 152.

² L. Traube. *Nomina sacra etc.* Цитировано в библиографии на стр. 164.

Опускание носовых *m* и *n* с постановкой черточки над предшествующей гласной: *tūba* (с чертой над *u*). *tumba*, *libes*=*limbes*.

Папирусы избегают всяких сокращений. Наоборот, юридические и технические тексты применяют разнообразные сокращения, где чередуются приемы надписных буквы, отдельных тиронских значков, сиглей, а также контракций.

Не они ли являются источником столь богато развившейся впоследствии системы средневековых контракций?

Траубе впервые доказал неисторичность такого объяснения. Если бы указанный тип памятников определил средневековую контракцию, она прежде всего была бы обнаружена на аналогичных им памятниках той эпохи, которая сменила античность. Этого как раз мы и не видим. Юридические памятники средневековья порвали с указанной традицией. Ни дипломы меровингской и даже каролингской канцелярий, ни сборники формул, ни варварские правды, ни указы и капитулярии варварских королей не знают контракции. Не по этой дороге, явным образом, проникло в средневековой мир ее влияние. Траубе устанавливает момент, когда традиция контракций прервалась в юридических текстах. Этот перерыв был прямым следствием запрещения прибегать к „запутанным загадкам“, *compendiosa aenigmata*, контрагированных слов, запрещения, которое установлено Феодосием в 438 г. и неоднократно повторялось Юстинианом, начиная с 533 г. Его действие обнаруживается в вестготском breviарии 506 г., в так наз. бургундском Папиане той же эпохи и в *Edictus langobardorum*. После Феодосия юридические рукописи почти свободны от контракций.¹

Так рисуется положение контракции в „языческих“ литературных текстах и в юридических памятниках. Но рядом с этими памятниками с III в. разрастался многочисленный класс церковных кодексов, подходя к которому, исследователь сразу вступает в новый мир.

¹ L. Traube. *Enarratio tabularum* к изд. Mommsen'a, *Corpus Iuris Theodosianus*, 1905, I.

b) *Nomina sacra*. Конструкция Траубе

„Как могли просмотреть, — спрашивает Траубе, — что именно здесь следует искать корней и импульсов средневековой системы? Ее традиция шла не от свитков Вергилия и Ульпиана, но от кодексов библии и отцов церкви. Я утверждаю большее: для указанных выше отклонений от первичной и основной системы суспензий: на камнях, в *notae iuris* и в тиронских значках — я полагаю, в качестве первопричины, начинающееся христианское влияние“.¹

Старейшие христианские рукописи — почти ровесницы старейших сохранившихся памятников языческой литературы. Они являют то же *q*. вместо *que* и *b*. вместо *bus*, как и первые.

Но наряду с ними встречаются новые слова, — согласно их содержанию Траубе дает им имя *nomina sacra*, — для которых не было места в литературе паганизма, и которые в христианских памятниках являются часто, вернее почти всегда, сокращенными: *DS* — *Deus*; *SPS* — *Spiritus*, *IHS* — *Iesus*, *XPS* — *Christus*.²

„Сокращение для *dominus* еще колеблется: оно является, как *DMS*, *DNS*, иногда *DOM*, другими словами — чистая суспенсия. Сокращение *SCS* для *sanctus* также устанавливается не сразу. Рядом с ним являются формы *sts*, *scts* и даже суспенсии: *sanc*. и *sc*. Наоборот, очень давно установились сокращения *ISRL* (*Israel*) и, может быть, *DD* (*David*).

„Эти немногие, но очень часто встречающиеся во всех христианских текстах слова представляют чистые контракции. Сокращение в определенной последовательности проходит за тем через все падежи: *DS*, *DI*, *DO*, *DM*“.³

„По аналогии с этими формами, — так я утверждаю, — сошлись все позднейшие средневековые контракции.“⁴

¹ L. Traube. *Nomina Sacra*. Краткое изложение в гл. Künzinger, в *Vorlesungen und Abhandlungen*, 144.

² Контракции всегда покрываются чертой, которую мы здесь, как и далее, не можем поставить вследствие технических затруднений. Читатель должен это иметь в виду! Ср. прим. 2 на стр. 167.

³ Иметь в виду предыдущее примечание.

⁴ *Ibidem*, 145.

Несколько ниже мы вернемся к тем мотивам и путям, по которым, согласно наблюдениям Траубе, шло разроствание средневековых контракций. Здесь мы сосредоточиваемся на другой особенно интересной части его мыслей: об их происхождении.

В цитированном выше своем большом исследовании¹ Траубе посвящает вступительную главу судьбам замечательного средневекового сокращения имени Христа. Чаще всего (мы имеем в виду в данном случае латинский мир) это бывало чисто греческое начертание *ΙΗΣ ΧΡΣ*. Но если второй его элемент читался в самом латинском мире совершенно правильно, то первая контракция вызвала очень своеобразные толкования. Рядом с начертанием *ΙΗΣ* появляется начертание *IHS*, в котором наличие латинского *S* обнаруживает и поддерживает ощущение всего начертания, как латинского. Понятно, что в этой комбинации *H* читается уже больше, не как греческое *eta*, но как латинское *h*, и при обратном раскрытии аббревиатуры создается некий орфографический миф о первоначальном начертании слова в форме *Ihesus*. Над этим явлением немало задумывались каролингские книжники. Беда, писавший *IHS XPS*, знал, что *H* есть греческая буква, но современник Людовика Благочестивого, Амаларий, пишет *Ihesus* и обсуждает вопрос, почему могло сложиться такое начертание?²

Какова бы ни была судьба и толкование этой аббревиатуры, ясна ее тесная связь с греческой формой, настолько тесная, что она не была забыта еще в позднее средневековье, и до XIV и XV вв., рядом с чисто латинским *Chrs* мы про-

¹ *Nomina sacra*. См. Einleitung: Geschichte der Forschung.

² *Scribunt nostri salvatoris Ihesu nomen per aspirationem, cuius rationis expertus sum. Scio autem vobis ignotum non esse, si alicuius rationis causa postponatur post I aspiratio in nomine Ihesu quam intimate filio vestro, si adsit. Scio, si est, adfore in promptuario mentis vestrae quod fluat ad me. Antequam pergeret domnus Karolus Romam novissime, audivi sacerdotes Galliae nostrae sonare Gisuus, quod neque cum Hebreis, neque cum Graecis conveniebat. Ab illo tempore audio Iesus, ut opinor, quod convenit cum Hebreis, quorum ducis nomen legimus Iesus. Qui Iesus nomine suo praefigurabat nostrum Ihesum, ut Sedulius. Amalarii, Epistolae. MG Epistolarum, t. V, part 1, 259.*

должаем встречать гибридную форму *IHS XPS* и чисто греческую *IHC XPC*.

В этом консерватизме формы, по замечанию¹ Траубе, могли сыграть роль числовая мистика и аллегория.² Через их посредство латинские книжники могли оказаться связанными употреблением греческих букв.

Замечаются поразительные совпадения и параллелизмы и в других контракциях ранних средневековых памятников. Латинское сокращение *DS* (*DEUS*) представляет известную аналогию греческому *ΘC* (*ΘEOC*), и латинское *DNS*—*DOMINUS* греческому *KC* (*KYPIOC*). Греческое сокращение имени Духа—*ΠNA* (*ΠNEEMA*), из трех элементов, находит полную аналогию в латинском, также трехзначном *SPS* (*SPIRITUS*). Имена отца и матери сокращаются совершенно одинаково в греческом, как и в латинском: греческое *ΠP* и *MP* параллельно латинскому *PR* и *MR*. Такой же полной представляется аналогия имен царя псалмопевца, „святого города“ и „божия народа“. Греческим *ΔΔ*, *ΙΝΑΜ*, *ΙCΗΛ* соответствуют *DD*, *IRLM*, *ISRL*.³

Из ранних контракций такая аналогия не устанавливается для имен неба и человека. Греческие контракции этих обоих слов не находят параллели в латинских контракциях.

Этим небольшим кругом священных имен, *nomina sacra*, аналогичным для греческих и латинских кодексов, исчерпывается список ранних контракций.

Его замкнутый и исключительный характер заставляет Траубе искать для него иного объяснения, чем то, какое обычно ищут в мотивах „сбережения места и экономии труда“.

¹ Издавна было отмечено и мистически истолковано значение греческого изображения цифры того воинства, с каким (в Книге Бытия XIV, 14) Авраам отправился на защиту родственника. Эта цифра—318—по-гречески выражается буквами *T* (знак креста) и *I H* (начальные буквы имени сплителя. Траубе (*Nomina sacra*, 153) приводит и другие примеры числовой мистики, заимствуя их из трактата *De monogrammate*, который приписывали бл. Иерониму, но в котором ему принадлежит только разбор комментария на Апокалипсис, написанного Викторином Петтауским.

² Читатель понимает, что мы излагаем здесь только схему мысли Траубе. Ее невозможно дать в сжатом очерке со всеми ее нюансами, и наблюдаемые им факты — со всеми их колебаниями и во всей их изменчивости. Эти нюансы следует искать в самом исследовании Траубе.

³ Здесь, как и ранее, иметь в виду прим. на стр. 167.

Это объяснение, которое Траубе нашел в ином порядке исканий, в его же построении подсказывает один средневековой текст.

Scribitur Iesus, так поучает своего читателя Христиан на Ставело (середина IX в.) *per iota et eta et sigma et apice de super apud nos. Nam in graecorum libris solummodo per iota et eta et sigma et apice desuper invenitur scriptum. Sicut et alia nomina Dei comprehensive debent scribi, quia nomen Dei non potest litteris explicari. Quando purum hominem significat, per omnes litteras scribitur.*¹

„Имя Иисус пишется у нас через *iota*, *эта*, *сигма* и черту [над ними]. Потому что... (так) пишется оно в греческих книгах. Подобно тому и другие имена божии должны писаться прикровенно (*comprehensive*), ибо имя божие не может быть выражено в буквах. Когда же означает просто человека, пишется всеми буквами“.

„Имя божие не может быть выражено в буквах...“ В этом утверждении для Траубе мелькнуло то объяснение, которого не могли дать ему ссылки на „потребность беречь время и пергамен“.

В самом деле, какая же это экономия, которой изобретательность так долго направляется исключительно на священные имена? Что это за бережливость, если эти имена сплошь да рядом среди черного текста, написанного обыкновенным скриптором, выводятся особенно крупным размером в дорогом металле рукою хризографа? Требуя, таким образом, совершенно исключительной затраты места, усилия и искусства, они, по крайней мере в первоначальных мотивах, устраняют всякую мысль о побуждениях бережливости.

Есть еще одно основание, которое заставило Траубе уйти с пути экономических объяснений первоначальной контракции. Это тот факт, что ее символом является черта, проводимая сверху слова и объемлющая его целиком. Такая черта в греческих *mss.* имела тот же смысл, что у нас черта, проводимая внизу слова: она подчеркивала его значение.

В самом латинском языке ее ставили над особенно важными терминами, цитатами из греческого, собственными име-

¹ MPL. CVI 1278.

нами, написанными отнюдь не сокращенно, но полностью. Если ныне мы принимаем эту черту за титул, то только потому, что впоследствии она переменила свое значение, в результате эволюции самих *contracta*. Первоначально она имела в виду выделить их вес среди остального текста и заключала тот же смысл, что золочение или серебрение этих слов.

Эти наблюдения толкнули Траубе к тому, чтобы разрыть глубже подпочву первоначального круга контракций. Он открыл в ней еще более удивительные вещи.

Выделение божьего имени путем золочения или особого убранства было давней особенностью еврейской книжной традиции. Оно было заимствовано христианами из еврейских книг.

Именно такой вид имеют те еврейские кодексы, которые греческие переводчики положили в основание своих работ. Среди различных имен, которые евреи давали богу, более всего бросается в глаза одно. Оно должно было привлечь особенное внимание своим значением и начертанием. То было имя, которое наша традиция передает, как *Иегова*, но которое, звучало иначе, — в настоящее время навряд ли возможно установить, как именно, — в священном языке евреев. Только священники имели право призывать это имя. Для вульгарного употребления существовало другое: *Адонай* — Господь. Имя божие нашло выражение в группе четырех знаков, знаменитой, получившей такое огромное значение в таинственной символике средневековья, *тетраграмме*.

Тетраграмма в мысли евреев не выражала божия имени сокращенно. Еврейская система письма, будучи консонантной, не передает звуков в той дифференцированной форме, к какой приучила нас наша система. То, что для нас представляется словесным скелетом, для них было полным начертанием. Но если данное начертание не мыслилось, как сокращенное, во всяком случае оно выражало божие имя прикровенно. Оно в полной, настоящей звуковой своей форме, не дано было каждому. В этом смысле тетраграмма передавала его значение *comprehensive*, в соответствии с положением: *Nomen Dei non potest litteris explicari*.

„Совершенно несомненно одно: четырехзначное божие имя ощущалось евреями (*galt den Juden*), как нечто священное,

скрывающее в себе чары (zauberbergend) и невыразимое в слове (unaussprechlich). С этим магическим значением имени в прямой связи стоит, очевидно, его обычное золотое одеяние“.¹

С переводом еврейских книг встал вопрос, как передать магическую тетраграмму? Очарование имени должно было найти созвучие в молодом христианском мире, тем более, что традиция текста шла через среду эллинизирующих евреев, составлявших большинство первоначальных общин в Сирии и Египте. „Следовало ли калькировать или переводить это имя? Но в таком случае, как сохранить имени его таинственные чары?“

„Кое-где в заговорах папирусов встречается профанирующая форма Ιαωε или Ιαβε. В общем, она не была принята сочувственно. Необходимо было найти средства сохранить и тайну, и силу еврейского слова“. Какие это средства?

1. Простейшем представлялось скопировать еврейское начертание. Так во II в. поступил в своем переводе священного писания Аквила. Фрагмент этого перевода, сохранившийся в Каире, дает тетраграмму в древнейшем еврейском письме. Иероним сообщает, что еще в его время можно было найти „в некоторых греческих книгах выраженным древними литерами четырехзначное божие имя“.²

¹ Den Juden galt der vierbuchstabige Name ihres Gottes als heilig, zauberbergend und unaussprechlich. Mit diesem Namenszauber hängt offenbar auch die Vergoldung des Gottesnamen zusammen; andererseits scheint es ihm zu widersprechen. Das Zauberwort mit allen Buchstaben hingeschrieben, ja durch die Schrift noch hervorgehoben, enthüllt und verkündet nicht nur jedem das, was für Eingeweihten aufzuheben war, sondern lenkt geradezu des Unberufenen Auge darauf. Dabei ist jedoch zu bedenken, dass in der hebräischen Schrift, gleichviel ob damals noch die ältere herrschte oder bereits die heilige Quadrata, wegen der Wocalllosigkeit, das Mysterium dennoch bestehen blieb. Das Tetragramm wurde zum heiligen Namen erst durch die richtige Deutung. Dass es „Jawe“ auszusprechen sei, war aus den Buchstaben selbst nicht ohne weiteres zu ersehen; man musste es wissen, lernen. Und der Priester verschwieг die richtige Form; er setzte eine ähnliche, künstlich abgeboгene an ihre Stelle oder auf diesem Wege fortschreitend, ein anderes, dem Volke verkündbares Wort. Traube, Nomina sacra, 24.

² Nomen Domini tetragrammaton in quibusdam graecis voluminibus usque hodie antiquis expressum litteris invenimus. Hieron. Praef. in libr. Sam. et Malach. MPL. XXVIII 550.

2. „Более незначительные начертания по сходству... передавали это имя греческими литерами $\pi\iota\ \pi\lambda$.“¹

3. Можно было выразить тетраграмму через греческое слово, но так, чтобы, как и в безгласном еврейском—значение и звук были отчасти скрыты. То был путь, каким пошло большинство рукописей, и на котором возникла контракция.

„Отмечая,—говорит Траубе,—это многозначительное событие в истории ветхозаветного текста, мы приходим к пониманию важного поворотного пункта в греческой палеографии“.²

В тексте семидесяти толковников, вместо тетраграммы стоит KYPIOC . Это — перевод не слова Jawe , но Adonai .

Однако, кроме него, кое-где встречается $\theta\epsilon\omicron$, что есть уже прямой перевод Jawe .

Далее: ни то, ни другое слово не писалось в переводе библии в полном виде, но вместо него стояли *contracta* KC и OC

Таким образом до очевидности ясно, что здесь перед нами вовсе не „сокращение“ (которое, в переводе семидесяти, находит место, вообще говоря, в форме суспенсии). Мотив указанных контракций — скрытие. Они впервые являются с переводом священного писания и вызваны потребностью создать эквивалент тетраграмме. Мы имеем дело с совершенно оригинальной еврейской мыслью. В особенности полный эквивалент представляет OC . Оно образовано без всякой помощи гласных, и принцип его построения пройдет затем дальше через все склонение слова.

„Так найден был новый графический принцип. Он свалился в руки эллинизирующих иудеев, как, согласно преданию, в руки финикиян свалилось изобретение стекла и пурпура“.³

„И если, несколько веков спустя, корректор Примазия (писавший в юго-восточной Британии в VII в.) всюду в тексте заменяет слова dominus и deus через dns и ds , то очевидно, что далекий от мысли сокращать эти слова, он

¹ (nomen Dei) tetragrammaton, quod ἀνεκφώνητον, id est ineffabile, putaverunt, quod his litteris scribitur: iod, he, vov, de. Quod quidam non intelligentes propter elementorum similitudinem, cum in graecis libris repererint, Pipi legere consueverunt. Hieron. Ad Marcellam. Ep. 25. MPL XXII 429.

² Traube, 30.

³ Traube, 32.

занят мыслью выдвинуть их значение и окутать их покровом тайны“.¹

ΘС и КС были древнейшими находками в области библейских контракций. Они появляются уже в восточных памятниках перевода семидесяти. В новозаветных очень быстро, рядом с ними и по их образцу, очевидно, создается ΙС и ΧС, но ранее установившаяся суспенсия ΙΗ и ΧΡ вытесняет эти древние contracta, заменяя их крепко привившимися впоследствии ΙΗΣ и ΧΡС.

Этот самый ранний слой, включивший вышеуказанные четыре „аббревиатуры“, встречается в ряде рукописей.

В первое время творчество в области контракций не пошло далеко. Ранний библейский список контракций, общий греческим, как и латинским кодексам, дан был нами выше. Из греческих он почти в полном виде встречается во всех тех ранних христианских памятниках II и III вв., открытие которых в начале XX столетия вызвало возбуждение в богословских кругах: фаямское евангелие, родосские свинцовые пластинки с начертанием 80-го псалма, папирусный фрагмент „пастыря Ермы“, гизехское евангелие,— так же как и в ранних кодексах библии, как александрийский, синайский и др. Этот список, с незначительными отклонениями, зарегистрирован был одним греческим средневековым текстом, предназначенным в руководство для мельхитов.² Впоследствии он начинаст расти, включая имена—неба, человека, сына, спасителя, богородицы, Израиля, Давида, Иерусалима. Насколько глубоко было сознание особенного смысла контракции, видно, во-первых, из того, что она вовсе не перешла за пределы священных имен во внехристианскую литературу. Траубе отмечает, что в „мирских“ папирусах до VI в. почти нельзя встретить — для эпитета Зевса: „отец богов и людей“ — контракцию ΠΡ. Эпитет этот всегда является в полном виде. Совершенно обратно в пергаменных копиях этих текстов IX в.,³ когда священный смысл контракции померк в сознаниях. Во-вторых, чувство своеобразия контракции доказывается тем, что у греков она не вышла за пределы основного списка вышепере-

¹ Traube, 33.

² Bibliot. Nation. Gr. 325.

³ Traube. Nomina sacra, 122 sqq.

численных пятнадцати. *Fünfzehn nomina sacra lebten ohne Einbusze fort.*

В этом виде библейская традиция разнесла *nomina sacra* по всей христианской литературе. В латинском мире она утверждена была именно библейским преданием. В надписях она не укоренилась, даже после эпохи влияния библейских переводов, и *inscriptiones* в большинстве фатально тяготеют к суспенсии.

Первые латинские христиане читали греческую библию, но когда они гравировали на камнях христианские имена, они сокращали их в привычной форме суспенсии: *И.* (*Iesus*), чистой или частичной *DMN* (*Dominus*). Эта тенденция в особенности наблюдается в Африке.

Наряду с этим (главным образом в Италии) осуществлялись переводы отрывков нового завета. Влияние греческой контракции проходит здесь непосредственно; начинаются поиски латинских соответствий. Суспенсия некоторое время держится рядом с ними. Но постепенно она побеждена. В Африке это произошло, как показывает предание текста бл. Августина, около 400 г.; в Италии, как видно из начертаний так наз. Филокалиева камня, — около эпохи папы Дамаза: до 366—384 гг.

Выше было отмечено, что греческие церковные тексты очень твердо держатся списка пятнадцати *nomina sacra*. Вместе с тем, они никогда не вышли за его пределы. Созданный в определенную эпоху, под влиянием определенных стимулов, список затем остался неподвижным, и принцип *contracta* не сыграл роли сокращения. „Греки не применяли этой системы нигде, кроме *nomina sacra*. Очевидно, она была чужда духу их языка: лишнее доказательство, что они заимствовали ее с востока“.

Тем более пышным явился ее расцвет в латинском мире. Здесь очень рано видим мы попытки шагнуть за границы традиционного списка. В христианском латинском обществе контракцию, сперва пришедшую вместе с *nomina sacra*, начинают оценивать в роли аббревиатуры. Все же первые шаги сделаны в кругу тех же священных или, по крайней мере, церковных имен.

Интересно следить, как спонтанно, без всякой взаимной обусловленности, возникают *gra* (*gratia*), *gla* (*gloria*), *mia*

(*misericordia*), *agls* (*angelus*), *apls* (*apostolus*), *pha* (*propheta*), *prbr* (*presbyter*), *eps* (*episcopus*), *scs* (*sanctus*).¹

Уже Иеронимом отмечен был тот простейший тип контракции, когда от слова остается только первая и последняя буква — *prima et novissima litterarum*². Он упирает на последнюю, на ее изменение, в связи с грамматической функцией *ob id semper novissimam litterarum ponunt propter discernendum casus*. Так изменяется при склонении знаменитая контракция *Ds, Di, Do, Dm* и т. д. Согласно этому принципу, когда создана была контракция *nr* (*noster*), можно было бы ожидать склонения *ni, no* и т. д. В действительности, однако, эту форму мы встречаем лишь в исключительных случаях и лишь в некоторых школах письма. В общем возобладали *ngi, ngo*.

Здесь начинается разнообразное творчество, в мотивах и путях которого нелегко разобраться. В целом ряде случаев Траубе дает остроумные объяснения, которые бросают любопытный свет на историю этих попыток. Старая суспенсия *ec̄l* (*ecclesia*) очевидно определила контракцию *ec̄la*, и старая суспенсия *sc̄* (*sanctus*) — контракцию *sc̄s*, вместо более простого *ss* или более естественного *scts*. „Почти каждое из средневековых сокращений имеет свою историю и восходит к творческой (*schaffensfreudige*) эпохе VI—VII вв... Много попытались в те времена осуществить такого, что потом умерло и не стало правилом“.³ В VII в. мы находим правильное *pr* (*pater*), *pis*. Затем, однако, побеждает *pr, pris*. В вестготском письме, развивавшемся совсем обособленно, дожило до конца своеобразное, дающее такую характерную окраску всем испанским *mss., n̄sr*. „Не сразу в это движение вступает покой и тишина“.⁴ Если с одной стороны, VI—VIII вв. наполнены попытками искать новое поле для контракций, то с другой стороны, еще на исходе IX в. мы видим *mss.*, ничего не знающие о контракции и применяющие одну суспенсию. Каролинская эпоха, с ее классическими вкусами, охотно возвращалась к суспенсии, но с конца X в. развитие контракции двинется дальше, все увеличивая трудности чтения

¹ Ср. прим. на стр. 167 об обязательном покрытии черточкой контролируемых слов.

² Цитир. по Траубе. *Nomina sacra*, 4.

³ Траубе. *Vorlesungen* 147.

⁴ *Ibid.*, 148.

и почти совсем вытесняя суспенсию. Ничего подобного этой роскоши, этой изобретательности, в области *contracta*, мы не находим в греческом мире. Он остался навсегда с ограниченным числом священных имен, и читатели греческих текстов избавлены от тех трудностей, с какими приходится иметь дело тем, кто изучает латинское средневековое наследство. Такова сущность замечательного построения Людвика Траубе по одному из коренных вопросов палеографии. До самых последних лет это построение стояло во главе угла теории контракций. И только в самое последнее время исследование начинает отмечать оттенки и факты, которые вынуждают к усложнению конструкции. Пока эти новые наблюдения не достаточно отстоялись (мы имеем в виду искания Rüdberg'a), мы не будем на них останавливаться в кратком руководстве.

с) Разрешение контракций

Сводится ли к каким-либо законам это богатство? Помимо совета держать при чтении средневековой рукописи под рукою один из существующих словарей сокращений¹ и стараться увеличивать личный опыт постоянной практикой, можно ли указать какие-либо определенные правила для раскрытия аббревиатур *per contractionem*? Доныне в этой области царит самая сырая эмпирия, и сам Траубе, сильно на нее негодовавший, и сам Lindsay, давший много остроумных наблюдений, в смысле происхождения отдельных аббревиатур и связи их с тем или иным кругом рукописной традиции, не искали вооружить своих учеников практическим *vademecum*'ом в чтении прихотливых средневековых аббревиатур. Freudiges Schaffen, по признанию Траубе, разыгрывается самыми причудливыми узорами, и какую из представлявшихся разнообразных возможностей заблагорассудилось писцу применить в данном случае, мы не знаем, раньше чем — несколько раз ошибившись — не догадаемся о ней из контекста.

Мы должны помнить, что если контракция, в общем, исключает суспенсию, зато она очень любит комбинировать с собою другие методы сокращения: остатки тиронской системы, надписные буквы и „специальные методы“. Если *gla*

¹ См. их список на стр. 163 сл.

значило *gloria*,¹ то *glos*⁹ значило *gloriosus*; если *fr* значило *frater*, то *9 fria* значило *confratria*. Все эти комбинации мы разрешаем легко, если твердо помним правила. Но слова и их части, сокращенные по методу чистой контракции, остаются предметом более или менее верных догадок и поводом справок со словарем, откуда, конечно, мы узнаем, что одна и та же контракция может быть разрешена далеко по одному образно.

Некоторые грубые, чисто эмпирические рецепты при разрешении контракций можно установить в таком виде.

Естественнее всего выпадают из контрагируемых слов гласные. Их прежде всего мы и должны мысленно подставлять в загадочный скелет: *pbic* значит *publice*, *agls* значит *angelus*, *mti*—*multi*, *dm*—*dum*, *tm*—*tum*, *vl*—*vel*, *siml*—*simul*. *fcit*—*fecit*, *apd*—*apud*, *hc*—*hoc* и т. д. Почти равное число шансов—выпадения носовых. Если в контрагированных словах сохранена та или иная гласная, и над нею стоит знак сокращения, мы должны прежде всего подумать о носовых. *Aiu* значит *anima*, *aiale*—*animale*, *ois*—*omnis*. Очень обычен пропуск одновременно тех и других: *tn*—*tamen*, *ho*—*homo*, *ms*—*minus*, *nro*—*numero*, *nc*—*nunc* и т. д.

Далее, с известною легкостью выпадают *d* и *t*, и несколько труднее — *s*: *pecctm* — *peccatum*, *fcum* — *factum*, *dcm* — *dictum*, *lras* — *litteras*, *ori* — *oratori*, *negm* — *negotium*, *oipis* — *omnipotentis*, *hui*⁹ *moi* — *huiusmodi*, *ro* — *ratio*, *io* — *ideo*, *ca* — *causa*, *ee* — *esse*, *pr* — *pater*, *mgr* — *magister*, *qo* — *questio*.

r почти всегда, так или иначе, бывает сохранено, отмечено — будь то, как мы видели выше, в специальном методе сокращения предлогов *pro*, *prae*, *par* и *per* и групп *ser* и *ber* или в одном из специальных знаков, выражающих *ar*, *ur*, *er*, или в системе надписных букв, подразумевающих *r*:² *s-vus* значит *servus*, *p-curat*⁹ — *procurat*, *p-septum* *preceptum*, *c^astin*⁹ — *crastinus*. Если на *r* нет возможности указать одним из этих приемов, оно бывает дано в самом слове.

Губные выпадают очень редко, точно так же, как и гортанные: *opio*—*opinio*, *oblom* — *oblationen*, *mgr* — *magister*, *fcum* — *factum*, *9g⁹* — *congruus*.

¹ Контракция следует представлять покрытыми сверху чертой. См. прим. на стр. 167.

² Изложение всех этих методов см. стр. 179 и 180 сл.

Есть некоторые длинные окончания, которые сокращаются однообразно. *runt* чаще всего является в виде *rt*, *aliter* в виде *alr*, *pluraliter*, в виде *pluralr*, *atio*, в виде *ao*: *obloē* значит *oblationem*, 9 *sid² aoe* — *consideratione*.

В заключение, в виде примера, мы даем спряжение некоторых времен глагола *habere*, а также склонение группы *homo sanctus*, в контракции.

(Praesens Indicativi)

<u>heo</u>	<u>hemus</u>	habeo	habemus
<u>hes</u>	<u>hetis</u>	habes	habetis
<u>het</u>	<u>hent</u>	habet	habent

Imperfectum

hebam	hebamus	habebam	habebamus
hebas	hebatis	habebas	habebatis
hebat	hebant	habebat	habebant

Imperfectum Coniunctivi

herem	<u>heremus</u>	haberem	haberemus
heres	<u>heretis</u>	haberēs	haberetis
heret	<u>herent</u>	haberet	haberent

Plusquamperfectum

<u>huisse</u>	<u>huisse</u>	habuisse	habuisse
<u>huisse</u>	<u>huisse</u>	habuisse	habuisse
<u>huisse</u>	<u>huisse</u>	habuisse	habuisse

Склонение homo sanctus

<u>ho</u>	<u>scs</u>	<u>hoes</u>	<u>sci</u>	homo sanctus и т. д.
<u>hois</u>	<u>sci</u>	<u>hoium</u>	<u>scorum</u>	
<u>hoi</u>	<u>sco</u>	<u>hoib</u>	<u>scis</u>	
<u>hoem</u>	<u>scm</u>	<u>hoes</u>	<u>scos</u>	
<u>hoe</u>	<u>sco</u>	<u>hoib</u>	<u>scis</u>	

Е.

ПУНКТУАЦИЯ И НУМЕРАЦИЯ

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

¹ Библиография. Н. О м о n t. De la ponctuation. Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1881. École Nationale des Chartes. Новой всеобъемлющей работы на эту тему указать нельзя. Но во всех нами перечисленных работах по истории мастерских имеются главы, посвященные этому вопросу.

Современные синтаксисты, в особенности синтаксисты немецкие и русские, не могут не отнестись свысока к средневековому расположению знаков препинания. В нынешней немецкой (и ее сколке — русской) системе задача сделать вполне, до деталей наглядным синтаксический строй речи, выполнена с педантизмом, идущим гораздо дальше практической нужды. Собственно практическая нужда вполне удовлетворена, если предупреждены знаками препинания возможные недоразумения в самом смысле читаемого, и дано направление музыке речи. Этими критериями определяется гораздо менее оснащенное знаками письмо англичан и французов. В этом смысле они больше нас способны понять средневекового писца. Противоположную современной немецкой системе крайностью была манера античного писца, который долго вовсе не употреблял знаков препинания. Мы знаем, что в течение долгого периода античности он не разделял самых слов, — такова система сплошного письма, именовавшаяся *scriptio continua*.

Многие унциальные кодексы уже в раннее средневековье, не применяя никаких знаков препинания, выдерживают систему „стихов“ (ср. наш кодекс Q v I 6—10). Каждый крупный период начинается с красной строки и с большой буквы, выписанной иногда красным. Венец системы — в фигурном многоцветном инициале, начинающем новый отдел. Что же касается периодов меньшей силы, то, не переходя на новую строку, они отделяются от следующих за ними значительным — до 15 мм — расстоянием и следующей затем большой буквой. Более или менее самостоятельные части фраз отделяются расстоянием меньшим (5—10 мм), всегда, однако, заметным, при свойственной маюскульному письму *scriptio continua*,

но не сопровождаются большой буквой. Большинство сохранившихся латинских кодексов, на которых мы находим знаки препинания, были ими снабжены только задним числом, когда латинское средневековье, под влиянием грамматических трактатов Доната, Кассиодора, Исидора Севильского, возвращается к теориям александрийских грамматиков. В этой системе единственным знаком является точка, подчас, впрочем близкая к краткой запятой, и сила паузы определяется ее местом. Стоя наверху строки, она называется *distinctio* или *distinctio maxima* и означает долгую остановку, соответственно нашей точке (.) Стоя внизу, она выражает короткую остановку; это — *subdistinctio*, равносильная нашей запятой (,); наконец, стоя посередине — это *distinctio media*: она равна нашей точке с запятой (;). Рукописи этого типа и этих V и VI вв. знают кавычки, в виде изогнутого *s* или в виде *w*. Они иногда ставятся красными чернилами на полях.

Следует сказать, что в знаке „средней силы“, *distinctio media*, большинство средневековых писцов не ощущало нужды и пользовалось только верхней и нижней точками для долгих и коротких остановок. В одном из *mss.* Григория Турского мы наталкиваемся на новую систему, где роль точки играет (;). Этот же знак стоит перед началом чужой речи, соответствуя, таким образом, двоеточию (:). Точка, стоящая обычно по середине строки, играет роль запятой.

Оценивая систему средневековой пунктуации и исследуя с этой точки зрения подлинные рукописи, читатель должен все время иметь в виду следующие их особенности:

1. Логика пауз и отсюда расстановка знаков препинания в средние века существенно отличались от наших. Подобно современной французской системе, средневековая, с одной стороны, не считает нужным отделять придаточные предложения, особенно начинающиеся с *qui*, *quod*, *quando* и т. п. С другой же наоборот: эти предложения она подчас чувствует настолько самостоятельными, как если бы *qui* было равносильно *ille*, *quando*—*tum*, *ubi*—*ibi*, и т. п., и, ставя перед ними точку, начинает их с большой буквы. Далее: часто не логика, но психофизиология, музыкальное чувство определяет потребность паузы, заставляя делать остановку и ставить знак между подлежащим и сказуемым, и т. п.

2. Какова бы теоретически ни была в каждый изучаемый период система, трудность ее оценки заключается в том, что большинство писцов в средние века не стояли на ее высоте и не были в состоянии ее применять и выдерживать; обстоятельство, обычно вызывавшее необходимость доверять расстановку знаков не писцу, но корректору, откуда — отличие руки, а иногда и чернил в знаках. Корректор этот подчас бывал отделен веками от писца.

И сменявшие одна другую, иногда многократные „эмендации“ средневековых рукописей следует иметь в виду тому, кто желает разобраться в этой пестрой смене рук и знаков на средневековых рукописях. Самой систематической из этих эмендаций была каролингская.

В каролингскую эпоху сильно оживился интерес к вопросам интерпункции. Ее теорией занимались Алкуин и Варнефрид. Устанавливается, выдерживаемая в значительном числе каролингских mss., система, которая базируется не на месте, но на форме знаков, изменение совершенно необходимое, после того как в книге крупное маюскульное письмо уступило место минускулу, и глаз читателя уже не может ловить место знака в строке.

Тогда принята такая последовательность знаков: (?) равна нашей (,); (.) = (;) или (:); наконец (;) = (.).

Каролингская эпоха знала, однако, и другие системы: (.) = нашей (.), далее (.,) = (;) и (.;) = (.).

В XII в. значение (.) совпало с нашей (.), для (,) вновь принят каролингский знак (?). Вся эпоха каролингского минускула знала в отдельных случаях кавычки и вопросительные знаки, в форме, близкой к нашей.

Ни одна, впрочем, из описанных систем не является доминирующей в соответствующий век. Писцы применяли и другие, довольно причудливо и непоследовательно. С XIII в. к интерпункции вообще начинают относиться все с большей небрежностью, и только книгопечатание, прежде всего в типографии венецианского издателя, Альда Мануччи, восстанавливает их в системе, близкой к нынешней французской.

II. ЦИФРЫ В ЛАТИНСКОМ ПИСЬМЕ ¹

До X в. латинское письмо знало исключительно римские цифры. С X же по XIII в., хотя через посредство арабов Западная Европа познакомилась с индийскими знаками, но эти индийские знаки (мы называем их арабскими) начинают появляться исключительно в учебниках арифметики. Вне этой специальной литературы безраздельно царствует римская система. Она хорошо нам известна по циферблатам наших часов и предисловиям наших книг.

I	II	III	IIII (IV)	V	VI	VII	VIII
1	2	3	4	5	6	7	8
VIII (IX)	X	XX	L	C	D	M	
9	10	20	50	100	500	1000	

В ней, таким образом, числа до 5 выражены соответствующим числом палочек. Вплоть до XV в. цифра 4 выражалась в римской системе, как IIII, и только с этого времени, она принимает форму IV и выражается по системе вычитания из V. То же самое следует сказать о римской цифре для 9: IX. Цифра 5 выражалась знаком, который, очевидно, был схематическим изображением кисти руки (V), как 10—соединением двух таких кистей, сцепляющихся остриями (X). Цифры же VI, VII и т. д., как XI, XII и т. д. представляют комбинацию этих схематических знаков с 1, 2, 3, и т. д. палочками. Читающий средневековые кодексы должен быть предупрежден против некоторых приемов, способных вызвать недоразумение. Цифра II нередко писалась связно, иногда с удлинением второй черты, напоминая в первом случае и или *ll*, во втором *y*. Цифра III при тех же условиях могла

¹ По вопросу о цифрах в латинском письме, кроме сжатого очерка в цитир. неоднократно Einleitung, Steffens'a, см. Nagl. Gerbert und die Rechenkunst des 10. Jahrh. в Sitzungsber. Wien. Akad. Philos.-hist. Cl., 116 Bd. 861. — Его же. Ueber eine Algorismusschrift des XII Jhh. und über die Verbreitung der indisch-arabischen Rechenkunst und Zahlzeichen in christl. Abendlande, в Ztschr. für Mathem. und Phys., Hist.-lit. Abteil. Bd. XXXIV. 129. — H. Wissenborn. Zur Geschichte der Einführung des jetzigen Ziffern in Europa durch Gerbert. Berlin, 1892. О разных системах нумерации можно найти данные в некоторых общих пособиях по математике, каковы D. E. Smit. History of Mathematics. 2 vol., Boston, 1923—1925. — Tropfke. Geschichte der Elementarmathematik. Ed. 2, 1921.

напоминать *m* и т. д. Цифра *V* разделила судьбу капитального *V* и, подобно ему, писалась как *и*. Писец мог предупредить смешение всех этих цифр с буквами, ставя справа и слева знаков (если они должны были выразить цифры) точки. Иногда, только с этим предостережением, мы можем отличить число *VIII*, положим, от слова *via*, которое при известных условиях начертания ($a = u$) могло быть с ним смешано.

Встречаются и другие неожиданности в римском письме цифр. В некоторых мерovingских *mss.* 6 пишется в форме, напоминающей растянутое унициальное *g*, причем неясно, следует ли в нем видеть пережиток дигаммы (греческая дигамма выражала 6) или выродившуюся комбинацию *V* с *l*.

Десятки выражаются соответственно удвоением, утроением и учетверением цифры *X*, по системе сложения (*XX*, *XXX*) или умножения (*III^X*); 50 — буквой *L*; дальнейшие десятки — приложением *X* к *L* (40 — вычитанием из *L*: *XL*). Сотня выражается буквой *C* (*Centum*), двести, триста — методом сложения (*CC*, *CCC*) или умножения (*III^C*). 500 — знаком *D*, который получился, как можно думать, из изображения тысячи (*Mille* — *M*) в его унициальной форме — ω , разрезанного пополам.

До IX в. для 1000 принят был знак вроде положенной на бок восьмерки (∞), а также *I*, покрытой сверху горизонтальной чертой.

Вестготские (испанские) *mss.* отличаются в изображении цифр: в них 20 изображается как *X*, дважды перечеркнутое, 40 — как *X* с хвостом вверху, и 1000 — как *T*.

Следует отметить еще один прием, характерный, в особенности, для французских рукописей. Известно, что в европейском счислении сохранились некоторые пережитки двадцатичного счета. До сих пор „восемьдесят“ выражается по-французски, как *quatre-vingt*, а по-фламандски, как *vierwaent twinthc*. В эпоху Людовика IX, госпиталь, рассчитанный на 300 больных, назывался *quinze-vingt*. Эта система, оставившая только некоторые обломки в живой речи, гораздо шире применялась в письме. Мы встречаем такие комбинации, как *XVIII^{XX}*, *V^{XX}* и т. п.

С конца X в. даты грамот начинают выражаться по смешанной системе комбинированных цифр и слов. 1235 г. пишется: *Anno Domini M^oCC^oXXX quinto*.

Мы указывали выше, что лишь с XV в. индийские (араб

ские) цифры входят во всеобщее употребление. Вместе с тем только в это время большинство этих цифр принимает привычную нам форму. Изменения, которым они подвергались в течение веков, собраны были Ваттенбахом в хронологическую таблицу, для которой мы отсылаем читателя к руководству Проу, стр. 270 слл.

Ж.

ЛАТИНСКОЕ ПИСЬМО В НОВОЕ ВРЕМЯ

1. НЕКОТОРЫЕ ИЗВЕСТНЕЙШИЕ ЕГО ТИПЫ

а) Гуманистическое книжное письмо XV—XVII вв.

Библиография. Библиография гуманистического и вообще более позднего письма не особенно богата. Она сводится к нескольким собраниям факсимиле, с более или менее обширным предисловием. Мы отметим здесь: A. de Bourmont. *Lecture et transcriptions des vieilles écritures. Manuel de paléographie des XVI, XVII et XVIII siècles, composé de pièces extraites des collections publiques et particulières et destiné aux instituteurs.* Caen, 1881.— J. K a u l e k et E. P l a n t e t, *Recueil de facsimiles pour servir, à l'étude de paléographie moderne (XVII et XVIII siècles).* Paris 1889.— H. S t e i n, *Album d'autographes des savants et érudits français et étrangers des XVI, XVII et XVIII siècles.* Paris, 1907.— O. C l e m e n. *Handschriftenproben aus Reformationszeit.* Zwickau, 1911.— G. M e n t z. *Handschriften der Reformationszeit.* Bonn, 1912.— Отдельно для Англии H. J e n k i n s o n, *The later Court Hand from the fifth to the seventh Century.* Cambridge, 1917. О гуманистическом письме Н. П. Л и х а ч е в. *Гуманистическое письмо и автографы гуманистов. Рукопись, коллажированная Анжело Полициано.* ИАН СССР 1926.

Некоторые палеографы с известною вероятностью считали Италию настоящей родиной каролингского минускула.¹ Возможно, что готическое письмо впервые вдохновилось ломаными формами монтекассинских рукописей.² Оба эти утверждения во всяком случае являются только гипотезами некоторой части историков. Другая противопоставляет им совершенно обратные объяснения. Что касается, однако,

¹ По мнению S i c k e l ' я (*Prolegomena zum Liber diurnus*, 19) творцами каролингского минускула прямо-таки могли быть римские писцы. Ср. новую работу H. S t e i n a c k e r. *Zum Liber diurnus und zur Frage nach dem Ursprung der Frühminuskel.* *Miscel. Francesc. Ehrle* IV (1924).

² См. наши соображения об этом выше, стр. 127 сл.

дальнейших судьб латинского письма, несомненно, что новое поворотное течение в его истории, начавшее с конца XV и овладевать скрипториями, а затем и типографиями латинской Европы, вышло из Италии.

И более определенно — из Флоренции. Здесь, при блестящем расцвете светской итальянской литературы, при усиливавшемся интересе к языческой, античной, тяжело ощущался недостаток и дурная школа наемных светских писцов. В монастырях еще доживало высокое искусство черных каллиграфов, но сюда, по понятным причинам, только в редких случаях мог обратиться светский гуманист. Приходилось довольствоваться теми, о ком Петрарка выразился с свойственной ему энергией: „Все теперь ринулись без разбора на писание, и установлены твердые цены за эту опустошительную работу“.¹ А между тем перед глазами гуманистов лежали вышедшие из скрипториев X—XII вв. великолепные манускрипты некоторых классических авторов.² Они были переписаны превосходным минускулом и снабжены миньютюрами, подделывавшими античные с таким совершенством, что даже в новое время некоторые исследователи принимали рукописи целиком за античные, распространяя это определение и на покрывавший их минускул. Тем меньше можем мы удивляться, что подобная ошибка произошла в XV в., и при сопоставлении с сильно распространенным в эту пору в Европе готическим письмом, круглый минускул X—XII вв. принят был за *scriptura antiqua*. Именно это имя он и получил рядом с другими: *rotunda*, *tunda*, *romana*, и, в качестве римско-классического, поставлен был, как идеальный образец, тем новым скрипториям, которые начинают создавать гуманисты, прежде всего во Флоренции.

„Я непрерывно буду настаивать, — пишет Амброджо Траверсари в руководстве братьям-камаалдуам, — чтобы ты усваивал книжное письмо, — возможно быстрое, точное и красивое, подражая в писании прелести и чистоте древнего начертания. Ты легко достигнешь этого, если до последних оттенков, со всевозможным рвением будешь копировать

¹ Sine delectu ad scribendum ruunt omnes et cuncta vastantibus certa sunt pretia. Epp. senil. lib. V ep. 1.

² Достаточно вспомнить деятельность скриптория Гротты Феррары

какой-нибудь образец из исправного древнего кодекса".¹ Вопрос о начале и ранней деятельности первой гуманистической мастерской письма представляется очень мало разработанным. Медичейско-Лоренцианская библиотека хранила традицию, что ее основателем был Николо Николи. „Ему обязаны древнейшие (гуманистические) кодексы, которыми гордится эта библиотека“, — пишет в 1818 г. директор библиотеки, Анциани. Рядом с Николи, Франческо Поджо Браччоллини и Амброджо Траверсари культивировали возрожденное круглое письмо и вместе с влиянием и книгами флорентийских гуманистов „оно распространилось по всей Италии, и таким усвоило его книгопечатание“.²

Но культивируя письмо, которое должно было стать одеянием литературы итальянского ренессанса, в последних ее рукописных и первых печатных воплощениях, флорентийские гуманисты, не сознавая того, впадали в две ошибки: одна заключалась в том, что они восстанавливали каролингский круглый минускул, воображая, будто возрождают античное письмо. Другой промах заключался в том, что они полагали, будто точно (*ad unguem imitari*),³ копируют его в изящной его разновидности XII в. Между тем даже не особенно опытный палеограф чрезвычайно быстро научится отличать гуманистическое письмо от этого минускула XII и даже X вв. Читатель сравнит хотя бы на нашей таб-

¹ *Nec illud quidem te admonere desistam, uti non negligas manum librariam quam optimam atque perquam celerem ac fidelissimam tibi comparare studeasque priscam illam in scribendo imitari puritatem ac suavitatem. Quod tunc adsequere facilius si ex emendatissimo antiquoque codice quodpiam tibi transcribendum deligas totoque annisu ad unguem exemplar imitari. Ambrosii Traversarii epistolae, ed. Mehus, 1010.*

² *La ragione perche io tengo dietro con curiosità a gli studi sulla calligrafia carolina, oltre la sua connessità a quel moto generale di studi in quell'epoca che riproducendoli ci ha salvato la quasi totalità degli antichi monumenti latini scritti, si è perche la stessa scrittura fu restaurata qui in Firenze nei primissimi anni del secolo XV, e di qui si rese generale per tutta l'Italia e fu quindi adottata dalla stampa. Questa scuola di calligrafia carolina fu qui istituita da Niccolo Niccoli, al quale sono dovuti i codici piu antichi che privilegiano questa Mediceo-Laurenziana. Firenze e l'Italia debbono alla Francia di Carlomagno questo bel carattere la quale poi lo riebbe da Firenze e dall'Italia sui principi del XVI-mo. См. Mémoires de l'institut de l'Acad. des Inscr. XXXII 6.*

³ См. выше, прим. 2.

лице № 19, 18 и 22. Общий вид письма и физиономия отдельных букв не оставляет желать лучшего в смысле точности воспроизведения, но есть признаки, которые всегда безошибочно позволяют угадать подделку и, стало быть, узнать писца ренессанса, а именно: перенесение в круглое письмо двух-трех особенностей, которые создались только в готическом, и притом, в позднем готическом письме (фиг. 22 нашей табл. IV).

1) Над буквой *i* стоит в большинстве гуманистических рукописей точка, которая появилась не ранее XIV в., и которой никогда не знал круглый минускул. Ее присутствие сразу придает чрезвычайно характерный вид странице эпохи ренессанса.

2) Ось буквы *t* сильно удлиннена и поднялась над строкою. Она очень заметно перерезывает перемычку: форма, появившаяся только в XIV в.

3) Форма *V*, до того времени неуклонно появлявшаяся в начале слова, все равно, выражала ли она нынешний звук *и* или *у*, не является более в той же мере устойчивой в этом месте.

Таков общий вид гуманистического письма в XV и отчасти XVI вв. Однако с началом XVI в. вопрос о „книжном письме“ становится известным анахронизмом, и самый термин — противоречием в определении. Книги уже не пишутся, но печатаются, причем шрифт, который усваивают типографии — тот самый, каким соответственно писались в каждой стране книги в XV в.: это готический шрифт в Германии и возрожденная *rotunda* в Италии.¹ Но, во-первых, поскольку в отдельных случаях еще сохраняется практика писания книг (литургические книги: миссалы, бревиарии, „часы“, молитвенники еще долго писались от руки; кроме того, бывали центры, где группа хороших писцов обходилась дешевле, чем типография) и, во-вторых, поскольку влияние новых находок, изменений в привычках письма проникает в металлический шрифт, — в *littera libraria* нового времени тоже приходится отмечать известную эволюцию, которая помогает датировать рукописные и книжные памятники.

В XVII в. в гуманистическом письме устанавливается обычай писать удлиненное *i* (*j*), нередко с петлей внизу для выра-

¹ Об инкунабулах см. некоторые замечания в заключении нашей книги.

жения звука йот. Мы помним, что в разные периоды каролингского и готического минускула удлинненное *j, i-longa* появлялось в нескольких случаях: вначале слова, перед гласными и особенно при соседстве с другим *i*, чтобы вся группа не читалась как *и*. Оно не имело особого фонетического значения. Оно получает его в XVII в. Тут, несомненно, сказывается, отраженное на латинское письмо, влияние национальных романских языков, где иногда — напр. во французском — краткое *i* получило развитие (франц. *j*), сильно удалившее его от звука *i*. В последнее время, в современных научных изданиях латинских текстов все больше побеждает тенденция освободиться от этой манеры, созданной веком рококо, и вернуться к классическому однообразному *i*. Так издает в настоящее время латинские тексты предприятие Monumenta Germaniae historica. Далее, в XVII в. исчезает круглое *r* и остается одно, прямое. Наконец — важная находка этого века: различие острого и круглого *u* (*u* и *v*) устанавливается не в зависимости от их места в начале или в конце слова, но от его звукового значения, соответственно тому, как это различается и в современном латинском начертании.¹

Употребление больших букв (для которых гуманистическое письмо гораздо более последовательно, чем позднее готическое, использует капитальные формы) остается неустановившимся. Новые предложения, собственные имена и титулы обычно начинаются с больших букв. Но затем все слова, значение которых каждый данный писец находил необходимым подчеркнуть, пишутся с больших букв, и их число на странице гуманистической книги, в общем, далеко превосходит нынешнее. Есть, однако, обратные примеры: полного отсутствия больших букв. Эта манера до конца XIX в. сохранилась в некоторых авторитетных немецких изданиях.²

Есть еще одна особенность гуманистического письма, которая дает возможность отличать его от минускула XII в. и, действительно, в известном смысле возвращает к античным воспоминаниям. Ее сущность в том, что исчезающе-малым

¹ Более подробно об употреблении букв *V* и *U*, а также *J* и *I*, см. статью E. Horn, Zur Orthographie von *V* und *U*, *J* und *I*, в журн. Zentralblatt für Bibliothekswesen, № 11 (1894) 384.

² Именно так печаталось в конце XIX в. исследование Karl Mühlendorff. Deutsche Altertumskunde.

становится число лигатур, монограмм и, в особенности, сокращений через контракцию. Кроме выражения носовых *m* и *n*, в виде черты над предыдущими гласными, кроме известных уже нам сокращений предлогов *per*, *pro* и *prae*, флексии *git* и союза *que*, да очень немногих контракций, вроде *prī* (*nostrī*), мы почти не находим сокращений в гуманистических рукописях. Они продержатся некоторое время в первопечатных книгах. В дальнейшем они имеют тенденцию к совершенному исчезновению.¹

б) Гуманистический курсив

Возрожденная *rotunda*, при всей простоте и удобстве начертания, была все же письмом слишком элегантным и в этом смысле требовавшим достаточно медленного выведения, чтобы удовлетворять целям обиходного письма. Рядом с нею продолжалось развитие чисто курсивной стихии. Итальянский гуманистический курсив представляет только известную модификацию книжного круглого минускула. Он определенно наклонен вправо, буквы его сильнее лигируются друг с другом, формы их более узки и сжаты. И этот курсив был еще достаточно элегантен, чтобы соблазнить венецианского типографа Альда Мануччи на воспроизведение его в печатном шрифте. В 1501 г. он отлил курсивные литеры для изданий Вергилия и Петрарки. Пример нашел подражателей. Но немногие типографии решились пользоваться в книге сплошным применением курсива. Он стал применяться в примечаниях, в предисловиях и в подчеркиваемых словах. Для всех этих целей, под именем *italics*, *italiques* — французские типографии употребляли его еще в XVII в. Образцы этого письма можно видеть в любом (напечатанном курсивом) предисловии или подстрочной цитате современной французской книги.²

¹ Образцы гуманистического и нового письма имеются во всех перечисленных нами на стр. 45 палеографических альбомах, напр. Procu, Steffens'a, а также у Monasi. Esempi di scrittura latina dal secolo I dell'era moderna al XVIII. Roma, 1906.

² Мы знаем, что в русской книге „курсив“ служит преимущественно третьей цели: заголовкам и выделению особенно значительных слов в тексте.

Мы не много остановимся на изменении отдельных нюансов этого курсива на протяжении двух последних веков. Они либо очень незначительны, поскольку дело идет о нормальном типе курсива, как его захватила печатная книга, либо бесконечно разнообразны. Рядом с этой, все еще слишком тщательной формой гуманистического курсива, своим совершенством еще раз давшего основание закрепить его в печатном письме, рождалась более быстрая и легкая форма обиходного письма, *Kurrentschrift*. Ср. стр. 160, прим. 1. Когда с XVIII в. появилось очень хорошо выработанное перо с тонким расщеплением, дававшим возможность хорошо нюансировать нажимы и волосные (вместо прежней нюансировки при помощи прямого ведения или поворота на бок старого тупого пера), — обиходное рукописное начертание сильно отстает от печатного и становится трудно воспроизводимым в нем. Лигатуры осуществляются еще полнее, благодаря последовательно проводимой в этом обиходном письме системе подводящих к букве и заканчивающих ее волосных петель (у букв *b, h, d*) и маленьких заключительных колечек у таких букв, как *o, b, w* и т. д.

Из особенно типичных канцелярских (дипломатических) латинских курсивов нового времени следует остановиться главным образом на двух. Оба они созданы в Италии, но первый проник далеко за ее пределы. Второй является письмом исключительно торжественных папских грамот.¹

c) *Littera bastarda*

Первый тип культивировала в особенности папская государственная канцелярия и канцелярия нунциатуры. Ему дано своеобразное имя *écriture bâtarde* — во Франции и *bastardilla* — в Испании, имя, объясняющееся тем, что в нем видели элементы готического письма на фоне круглого курсива. Бастарда получила самое широкое распространение

¹ О папских грамотах см. Schmitz-Kallenberg. Die Lehre von den Papsturkunden. в Alois Meister, Grundriss. Ob der Diplomatik: H. Bresslau. Urkundenlehre. — Giry. Manuel de diplomatique. Paris. 1898. — Образцы папской палеографии: J. Pflugk-Harttung. Specimina selecta chartarum pontificum romanorum. Stuttgart, 1885—1887. A. Brackmann. Papsturkunden. Leipzig — Berlin, 1911. В этих книгах Bresslau и Giry — подробная библиография папских булл.

в мире католических канцелярий XVII и XVIII вв., отчасти подчиняя своему влиянию и обиходное письмо. В польских и, унаследовавших их фонды, русских архивах, имеется значительное число документов, написанных бастардой, и ее общий вид хорошо знаком всякому, кто заглядывал в эти архивы. Это — иногда довольно крупное, иногда довольно мелкое, но всегда хорошо читаемое письмо, у которого все прямые обнаруживают тенденцию не только покоситься, но и слегка круглиться, отгибаясь вверху вправо. Круговым движением справа налево пишутся, в других типах прямые, оси всех длинных букв: *b, d, h, f, l*. Также оси большого *R* и *A* изгибаются. Верхние загнутые вправо концы этих букв имеют справа некоторое утолщение (см. Steffens). Все это придает бастарде такой характерный вид, что ее невозможно смешать ни с каким иным письмом.¹ Она стала отчасти манерой работников ученых конгрегаций XVII и XVIII вв. Огромная масса копий тех исторических и церковных памятников, которые сделаны были в эти века рукой братьев ордена Иисусова и бенедиктинцами конгрегации св. Мавра, обличает, всецело или частично, влияние бастарды. Это как бы обычный шрифтовой спутник послетридентской церкви.

d) *Littera sancti Petri (scrittura bollatica)*

Но курия искала для своего торжественного языка более нарядного одеяния. В конце XVII в. в ней наблюдается, после периода простых вкусов: чистого гуманистического курсива и суховатой бастарды, новый взрыв графических претензий. Мы имеем в виду письмо, получившее в итальянском языке имя *scrittura bollatica*, в латинском *littera sancti Petri*. В отдельных образцах XVI в. намечается приближение к этой манере. Своего полного расцвета она достигает в канцелярии папы Александра VII (1689—1691). *Scrittura bollatica* узнается с первого взгляда. Все ее буквы откидываются налево. В ней почти вовсе нет волосных. Но ее характеризует смена резких, крутых, обычно горизонтальных, нажимов и полных перерывов, с отнятием пера от бумаги, в силу чего отдельные элементы букв стоят изолированно, и вся буква как бы рассыпается на агрегат параллельных нажимов.

¹ Ее образцы см. у Steffens'a, Tab. 93 с и 97, а также в цитированных в нашей общей библиографии под №№ 21 слл. изданиях факсимиле.

Очень своеобразно, как видно из приложенного факсимиле (фиг. 23 нашей табл. IV. См. соотв. табл. у Steffens и Prou), начертание букв *M* и *N*. Петля буквы *e* совсем отскакивает от своего основания. Буква *S* превращается в четыре почти горизонтальные и почти параллельные резкие черты. Характерны для „письма святого Петра“ инициалы и заставки. Эти последние плетутся из широких, кудрявых, резных листьев. Инициалы первой и последней строки также формируются из букетов таких листьев, и имеют иногда преувеличенно-огромные размеры.

Это римское рококо (которое, если свыкнуться с несколькими совершенно определенными его особенностями, в конце концов не представляет больших трудностей) заранее, однако, признавалось малодоступным, и к нему обыкновенно прилагалась копия (*transsumptum*), написанная обычной бастардой. *Scrittura bollatica* продержалась до понтификата Льва XIII, который своим *motu proprio* от 29 декабря 1878 г. навсегда запретил ее употребление.

II. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НОВОМ ПИСЬМЕ¹

Описанные выше, отстоявшиеся формы письма, — более всего дипломатического письма нового времени, — уже в жизни самих канцелярий последних веков, на ряду с наиболее характерным для них, регуляризованным курсивом, последним дериватом каролингского минускула, окружены бурным разливом индивидуальных исканий. Тем более имеют они место в безбрежной и капризной области частных писем, сочинений, записок, заметок и т. п.

Можно ли подсмотреть в этой жизни какие-либо руководящие законы? Перейдя за круги (и за хронологические рамки) не слишком еще многочисленных грамотеев XVII и XVIII вв. к многописанию наших времен, можем ли мы построить некую главу учения о новом письме, главу, которая дала бы компас в чтении многообразных новых почерков?

¹ В этом параграфе мы опирались более всего на опыт нашей коллекции архивных материалов Бастилии, дающей множество образцов самого разнообразного и весьма индивидуального письма. Большая систематическая работа, произведенная над ними, в частности и под графическим аспектом — А. Д. Люблинской, лежит в основе этой главы: см. табл. V и VI, фиг. 24—29.

Область эта очень мало разработана, и автор, далекий от нее по прямым интересам своей специальности, не может положить нужное время, чтобы ее охватить.

Несомненно одно: такую главу построить можно и следует. Элементы для нее, на основном фоне системы палеографии, имеются в большом опыте экспертизы графологов. Глава эта будет лишь несколько иной, чем была наука палеограф. Здесь мы выскажем некоторые наблюдения, относящиеся: 1) к новому письму вообще и 2) более специально, к письму XVII и XVIII вв.

1. Трудности нового письма представляются, обычно, совершенно индивидуальными. Представление это, несомненно, сильно преувеличено.

Казалось бы, затруднения более всего сводятся к следующим моментам.

Один: „недописывание“ некоторых, чаще всего волосных, элементов букв. Второстепенное, преимущественно лигирующее значение этих элементов создает только известные недоразумения в быстроте чтения и комбинации букв в слова, вызывая неправильное их разделение. Здесь в основе все-таки лежит признание значения существенных элементов, и читающий имеет меньше поводов для недоразумений.

Хуже, когда „недописывание“ имеет место в отношении именно этих существенных элементов. Есть капризы, при которых едва-едва намечаются закругления у *p*, *d*, *b*, etc., на которые пишущий намекает только точками, далеко отскакивающими от оси.

Все эти тенденции, коренящиеся в каком-то своеобразном моторном предрасположении или, быть может, лучше сказать моторной лени, ведут к манере, хотя и отдаленно, но напоминающей технику цер и их стиль (табл. VI, фиг. 28). Неохота к закруглениям, вызывавшаяся—при воске—трудностью преодолеть его сопротивление, побуждает заменять выписывание всех элементов—ударами пером по бумаге в виде параллельных черт, превращающих письмо в частокол, где подавлены горизонтальные и круглые элементы.

Наоборот, иные пишущие страдают гипертрофией соединительных черт. Они неохотно отнимают руку от бумаги, почти не ослабляют ее нажима (см. табл. VI, фиг. 27), связывая, между прочим, такие буквы как *m* и *n* не только вверху,

но и внизу, тем изменяя их характер и порождая недоразумения, ибо при утолщении волосных, они начинают играть роль основных элементов букв.

Для многих новых почерков характерно далее стремление, — при известных условиях облегчающее чтение, — подчеркивать росчерками концы. Это тяготение к росчеркам, идя дальше указанной цели, возвращаясь вновь извивами на тело слова, может быть источником всяческой путаницы. Росчерки в их скорее скромной роли мы видим на табл. VI, фиг. 28.

Имеет ли место, в особенно прихотливых новых письмах, попытка творчества совершенно новых буквенных дериватов, как то характерно было для эпохи, переходной к каролингскому минускулу? Следует заметить, что впечатление этих новых дериватов, очень беспокойное в иных особенно вычурных графических экспериментах, чаще всего сводится к какому-то уже встречавшимся ранее находкам и, хотя и не без труда, большею частью может быть к ним сведено. И все же тут еще многое надлежало бы наблюдать и установить, вскрывая мотивы того, что нам с первого взгляда кажется непонятным капризом.

2. Поскольку наблюдатель остается еще в пределах „палеографических веков“, где выше указанные попытки уже проявляются отчетливо или неявно, в этом периоде можно констатировать, в еще большей степени, загадочное возрождение почти „доисторических“, говоря проще — докаролингских трудностей.

Так, для старого письма было характерно, составляя его камень преткновения, „расскакивание“ *e* на две несвязанные части, из которых одна — верхняя петля — повисала в воздухе или примыкала к предыдущему комплексу, тогда как нижняя уходила в следующий за нею комплекс. Эту „докаролингскую“ манеру мы можем проследить в XVII и XVIII вв., не только в традиционных письмах иезуитов и бенедиктинцев, но и в почерках Архива Бастилии (табл. VI, фиг. 28).

Другая особенность — и трудность — древнего письма — многообразие *t*. С ним справились каролингский минускул, готическое и гуманистическое письмо. Оно — мы видим это на тех же памятниках — вновь всплывает в письмах XVIII в. (см. табл. VI, фиг. 29, строка 1).

Казалось, этими письмами было преодолено многообразие конечного *s* (см. стр. 152). Но созданное в XVI в. своеобразное, как бы „двухбуквенное“ *s* (табл. V, фиг. 24) вновь неоднократно обнаруживается в письмах нового времени.

Мы ограничимся этими примерами. Несомненно их число увеличит тот, кто систематически анализирует всю огромную массу этих своеобразных писем, таких творчески ищущих и вместе таких неожиданно, устойчиво консервативных.

Другая большая проблема, которую было бы полезно систематизировать: какие именно обломки аббревиатур дожили до нового и даже до новейшего времени, приютившись более всего в письме частном? Какие новые методы сокращений создало новое время?

Наши новые рукописи дают более всего образцов:

1. Суспенсий в названиях мер (ср. выше, стр. 172), в именах (там же), в титулах, хотя бы, *d* (*ante* в табл. VI, фиг. 29). Суспенсии в большинстве случаев доходят до степени сиглей.

2. Суспенсий частичных, с надписанием, сокращенно, конца слова вверху, прием особенно богато развернувшийся и в новом, и в новейшем западном письме (см. в нашей табл. V, *cons[eil]* фиг. 24, строка 4, *cens[ure]* фиг. 26, строка 3, *soubs[igne]* фиг. 24, строка 6 и т. д.).

3. Специальных сокращений, относящихся к вопросительным и относительным местоимениям, аналогично как на табл. VII, а также *par, per, pro, prae*. Этот тип сокращений свойствен и инкунабулам, см. ниже.

4. Сокращений „силлабических“: как *ur, us, con*, в привычных нам тиронских знаках. То же в инкунабулах.

5. Сокращений *Nomina Sacra*. Однако же, здесь весьма часты не сокращения, при помощи известных нам контракций, но суспенсии, напр. *s.*, а не *scs*.

6. Наконец, в новом письме, при появлении кое-каких новых, особенно часты все те же старые контракции: сокращение средних частей слова, за счет более всего гласных, носовых, *d, t, u, s* (ср. на табл. V, фиг. 24, *so[mm]*е там же, *M[ait]re* и *cha[te]let, pro[sition]s* фиг. 26).

7. В качестве очень любопытной компромиссной формы указываем то *r*, которое, в воспоминание очевидно о замечавшем его надписном знаке, пишется в виде крюка над полой чертой (табл. V фиг. 26, стр. 1).

Таковы наблюдения над некоторыми трудностями и особенностями нового письма. Ими без особенного усилия обычно овладевает работник, искушенный в трудностях общей палеографии. Однако, и ему, перед лицом нового материала, приходится создавать некоторый новый опыт. Он мог бы несомненно быть ускорен специальной систематизацией наблюдений, которая далеко не сделана в научной литературе.

3

ИНКУНАБУЛЫ

Шрифты XVI в. и более поздних веков развиваются уже под прямым, притягивающим или отталкивающим, действием печатных книг. Под притяжением мы разумеем процесс ассимиляции буквы писаной—букве металлической; под отталкиванием—то побуждение, в силу которого писец, как бы доверив типографии специальность тщательного и ровного письма, чувствует себя свободным отделиться всем прихотям индивидуальных исканий.

Но, разумеется, и обратное явление имело место: в особенности „у колыбели“ *in cupabulis*, печатного дела. Первопечатные книги—они, соответственно только что приведенному определению, получили имя инкунабул—в целом ряде особенностей близки к рукописям. Их литеры, которые вырезывались от руки, настолько близко воспроизводят рукописные, что, при первом взгляде, печатную книгу нелегко отличить от рукописной. Первая Гутенбергова библия,¹ напечатанная в 1450—1456 г., осуществлена в готическом шрифте, но его Католикон² 1460 г. напечатан в круглом письме. Итальянские печатники сразу приняли гуманистическое круглое письмо. Так поступил не только славный венецианский типограф Альдо Мануччи, использовавший для книг как „книжное письмо“, так и „курсив“ гуманистических скрипториев. но и первые печатники монастыря Субьяко, Конрад Свейнгейм и Арнольд Паннац, которых пригласили к себе бенедиктинские монахи этого монастыря в 1462 г.

¹ См. ее факсимиле у Steffens. Lateinische Paläographie, t. III табл. 89.

² Там же, табл. 90.

(сами они были немцами). Типы литер в первые десятилетия печатного дела были индивидуальны не только для каждой данной типографии, но, зачастую, для данного издания. Подобно рукописям, первопечатные книги сохраняют систему аббревиатур. В них инициалы вписываются от руки, и от руки же раскрашиваются иллюстрирующие их каллиграфии. Этот индивидуально-артистический характер икнунабул заставляет высоко ценить их не только, как исторический и культурный памятник, но также, как произведение искусства. Слава первых типографских мастерских имеет в себе что-то аналогичное славе последних знаменитых скрипториев. Только с механической моделировкой буквы печатное дело порвет традиции, связывавшие его с скрипторием, и книга пойдет иной дорогой, чем рукопись.¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция латинского письма представляющая, по словам Л. Траубе, „один из деликатнейших отделов истории культуры“, является вместе с тем одной из самых закономерных ее областей, глубокими нитями связанных со всем ходом культурного движения.

Зародившееся и долго жившее на твердом материале камня, металла, глины, латинское письмо быстро меняется в облике, переходя на мягкий материал. Но уже на камне, или по крайней мере на извести определились те две противоположные стихии, которые во все времена создавали два резко враждебные типа: быстрые начертания курсива и вечные формы капитального письма. На мягком материале осмос обеих стихий вел их к сближению и примирению, с одной стороны, вводя в капитальное письмо восемь „курсивных“ элементов и смягчив его в унциал, с другой—упорядочивая курсив, приспособляя его к целям книжного письма, для чего на склоне античности создан был античный семикурсив („прекаролингский минускул“).

Его существование в значительной степени снимает остроту спора о происхождении и источнике „каролингской реформы“. Ей не нужно было ничего творить заново. Ей

¹ По вопросу об икнунабулах см. гл. обр. Ha e b l e r. Typenrepertorium der Wiegendkunst, 1905. Там же литература вопроса.

только нужно было дать простор развитию этой удобной промежуточной формы, в равной мере удовлетворяющей потребности в быстроте и четкости письма.

Но ее естественное развитие в свое время было прервано фактом разложения латинского организма, осады римского мира новыми этнографическими элементами. „Варварство“ или, точнее, смешанное население провинций обнаружило известную инициативу личных вкусов в письме, хотя далеко не ту, какую им приписали неосторожные выражения Мабильона. Все характерные формы литер, которые ставили за счет „национального творчества“, находятся уже в римском кursive. Средневековым писцам разных областей принадлежат только известные предпочтения в области данных форм и известные своеобразия „дукта“. Однако, эти предпочтения во всяком случае не совпадают и не классифицируются по национальному признаку: вестготского, лангобардского, ирландского, франкского письма.

„Каролингский минускул“, с IX в. ставший законом латинского мира и навсегда выведший из употребления капитальное и унциальное письмо, не ассимилировал до конца областных особенностей. Их элементы сохранились в Италии, Ирландии, за Пиренеями до конца XII в.

Гораздо большую амальгамирующую силу обнаружила фрактура, неточно именуемая готическим шрифтом, письмо, происхождение которого неясно, которое неосведомленные считали созданием немецкого вкуса, более осведомленные вели из северной Франции, но в котором мы склонны видеть ответвление монтекассинского письма.

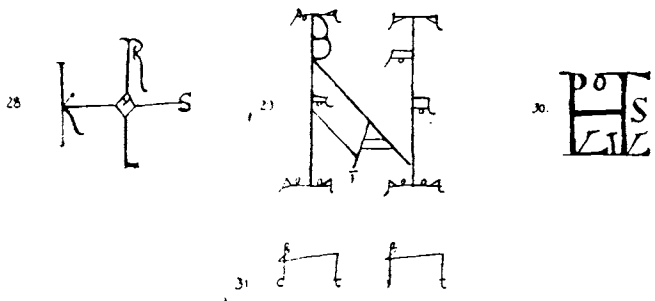
IX и XII века считаются „золотую порою“ в истории латинской палеографии. Они представляются такими, быть может, потому, что плохое, вульгарное письмо этих веков исчезло бесследно, вернее, потому что вообще письмо этой эпохи было аристократическим искусством, которое культивировала небольшая, относительно, часть общества, имевшая вкус и досуг и не вынуждаемая к торопливости никакою лихорадкой культурного возбуждения.

„Золотая пора“ кончилась с демократизацией интеллигенции, с расширением ее социальной базы, с повышающейся интенсивностью литературного творчества и растущей дешевизной материала. Слишком много хотят сказать и за-

Таблица VII

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27

- 2 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} \overset{2}{2} = ur$ $\overset{2}{2} = tur$ 3. $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = us$ $\overset{2}{2} = bus$
- 4 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = con, cum$ $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = confer$ 5. $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = rum$ $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = orum$
- 6 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = er, ir re ri$ $\overset{2}{2} = mer$ $\overset{2}{2} = cir$ 7 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = et$ $\overset{2}{2} = etiam$
- 8 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} \overset{2}{2} = est$ 9. $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = id est$ 10. $\overset{2}{2} = sunt$ 11 $\overset{2}{2} = esse$
- 12 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} \overset{2}{2} = enim$ 13 $\overset{2}{2} = autem$ 14. $\overset{2}{2} = igitur$ 15 $\overset{2}{2} = ergo$
- 16 $\overset{2}{2} = per$ 17 $\overset{2}{2} = pro$ 18. $\overset{2}{2} = pre$ 19 $\overset{2}{2} = hoc$ 20. $\overset{2}{2} = hic$ 21. $\overset{2}{2} = haec$
- 22 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = que$ 23 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = quod$ 24 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = qui$ 25 $\overset{2}{2} \overset{2}{2} = quam$
- 26 $\overset{2}{2} = quia$ 27 $\overset{2}{2} = quantum$

писать XIII и XIV века. Слишком многие начинают в эту эпоху думать и стремятся делиться своими мыслями. Пергамен заменила бумага. Века XIII и XIV — века кипения мысли и падения письма. Письмо является нам часто и в это время, как очень высокое искусство, но оно не только искусство. Преимущественно искусством было на первых порах само книгопечатание. Оно тоже становится чем-то насущным и простым уже через несколько десятилетий после своего изобретения. Легенды, окружавшие первых писцов и первых печатников, рассеялись, по мере разлития обоих искусств в жизни. Согласно выражению Ренана, „Гаврош начинает понимать кое-что, чего не понимали блаженный Августин и Фома Аквинский“.

История латинской палеографии в мельчайших изгибах следует за жизнью. Она отзывается на ее часто неуловимые изменения с удивительной точностью выражения. *Progressus litterarum*, *histoire abécédaire* в скромной области обнимаемых ею явлений символизирует историю. Влияния графических потоков часто способны открыть нам культурные связи, о которых мы не подозревали.

Заканчивая нашу „учебную книгу“, мы были бы утешены надеждой, что хотя некоторым из наших читателей она даст почувствовать в его закономерной строгости и тонком изяществе „один из деликатнейших отделов истории культуры“.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦ

1. Алфавит нового римского курсива

2. Scriptura capitalis quadrata

Образец капитального „монументального“ письма, из Cod. lat. Berolinensis fol. 416. Отрывок из Энеиды Вергилия.

ille volat simul arva fvgā simul aeqvo [ra verrens]
hic vel ad elei metas et maxima campi

3. Scriptura capitalis rustica

Образец „рустичного“ капитального письма из Cod. Vatic. 3867. Отрывок из Вергилиевых вклог.

floribvs. atqve. apio. crinis. ornatvs. amaro
dixerit. (hos.) ibi. dant. calamos. en. accipe. mvsaе...

4. Scriptura uncialis

Образец унциала V в. из рукописи ГПБ Q. v. I № 12. Отрывок из евангелия от Луки.

[quere] bant eum inferre et || ponere ante eum et || non inuenientes || qua parte illum infer [rent]

5. Scriptura visigotica seu toletana

Образец вестготского (испанского) письма X в. из mss. в Брит. музее Add. 25 600. Отрывок так наз. Passionale, происходящего из испанской обители св. Петра в Кардене.

... deo q[ui] sine aliqua esitatione || non nisi hereditarium nobis || bonum quod imitem[u]r marti(y)res || reliquerunt obsecro ita q[ui] ua ||...

6. Scriptura merovingica

Образец мерovingического письма из диплома Теодориха III от 679 г. Arch. Nat. K 2 № 13.

cum (ante dies) in nostri uel procerum nostrorum presencia conp...

ibique ueniens fimena nomene acchildis amalgario inter...

7. Scriptura Luxoviensis.

◀-typus

Образец Луксейского письма середины VIII в. Рукопись ГПБ lat. Q v I № 14 f. 127. Григорий Великий на Езекииля. См. с 4 стр. снимка.

quia. quanto magis aeterna cognoscimus tanto magis amamus nos || in huius exilii miseria dolemus, uel sicut translatione alia || dicitur, et qui addit scientiam addit laborem. Quo enim || uetero incipimus quae sunt caelestia gaudia, eo magis ut ea || eorum nostrorum laqueos possimus euadere flendo laboramus. || haec multa ergo sapientia multa est indignatio quia si aeterna...

8. Scriptura merovingica libraria (ena-typus)

Образец книжного мерovingического письма начала VIII в. Рукопись ГИИЛ ат. О v. I № 3. Евангелие от Матфея.

et mutum liberat et || principes daemone || rum id facere
demon || tes destruit; ionae et neniutarum signum || phariseis tradit
ma || trem et fratres spernit || XIII de nauicula turbis parabolas
expon...

9. Scriptura curialis saec. IX

Образец письма папской канцелярии IX в. (круглого куряла). Первые строки грамоты папы Иоанна VIII.

Iohannes ep[iscopu]s seru[s] seruor[um] d[e]i || geiloni inclito
abbati dilectisque filiis...

10. Scriptura Ravennae

Образец письма поздней (IX в.) равеннской грамоты, хранящейся в Марбургском архиве.

[ban]da serbata dumtaxat in omnibus proprietate s[upra]s[crip]ti
ven[erabilis] mon[asterii] || in s[upra]s[crip]to fundo q[ui] p[er] ap[er]el-
latur] turano c[um] terris et rebus et cum omnib[us]...

11. Scriptura hiberno-saxonica

Образец островного, ирландского письма из mss. Nouv. Acq. lat. 1587 Париж. Нац. библ. Отрывок из ирландского евангелия VIII в.

Alter[um] [autem] die q[uo]d est post parasceven con... || ... prin-
cip[is] sacerdotum et pharisei ad pylatum... || domine recordati
sumus quia seductor ille dixit...

12. Scriptura minuscula carolina

Образец каролингского минускула из рукописи ГИИЛ Q. v. II № 11. Отрывок Салической Правды.

Si q[ui]s pratum alienum secaverit labo || rem suam perdat
et insuper DC din[arios] || qui f[aciunt] sol[i]d[os] XV culp[abilis]
iud[icetur]. Et si inde fen[um] || ad domum suam in cattu
duxerit et...

13. *Scriptura cursiva saxonica*

Образец англо-саксонского курсива VII/IX вв. Рукопись ГПБ lat. Q v. I № 15. Синонимы Иисдора Севильского.

Ex his primus omnium rector et mode || rator pollex uocatur eo quod plurimum || inter ceteros ualeat id est polleat || secundus index et salutaris uocatur || quia ex eo (of) ferre ostendimus et alique [m] || salutamus. Tertius medius. quart[us] || medicus eo quod ex eo tritum colerium || a medicis collegitur. Quintus auricula || ris eo quod ex eo aurem scalpimus. || Porro pectus hominis ab aspecto...

14. *Scriptura quartuncialis corbeiensis:**Leutcharii-typus*

Образец корбийского письма, стоящего на полупути между четвертьунциалом и минускулом. Рукопись ГПБ lat. F. v. I. № 6. Комментарий Амвросия на евангелие от Луки.

EXPOSITUM S[AN]C[T]I || AMBROSII in LUCA[M] EVANGELISTA[M] libri. V. SCRIPTURI || euangelii librum. || quem lucas s[an]c[t]us || pleniore quoda[m] || admodo rerum ||

iam et in uetero testamento || potuimus aduertere, quid eni[m] || aliud significant tres illi put || ei. quorum unus est uisionis || alius habuadantiae terti || us iuramenti, nisi triplicem || istam in patriarchis fuisse || uirtutem? rationabilis pute || us uisionis eo quod ratio. mentis acuat et animi pur || get optutum; ethi || cus puteus || habundantiam eo quod ceden || tibus allofyllis...

Надпись над текстом, руки Мабильона, гласит:

Liber S. Petri Corbeiensis continens Expositione[m] || S. Ambrosii || Episcopi || in Lucam. || Scriptus || est hic || liber || tempore || Leutgarii || seu Leodegarii abba || tis Corbeiensis || qui Leutgarius || floruit || anno || 726.

15. *Adalhardi sive ab-typus. S. IX in.*

Образец корбийского письма так наз. Адалардова или *ab*-типа. Рукопись Bibl. Nat. lat., 12134 f. 2 v.

quis uestrum d[omi]no proprie p[er] uisu[m] ei cognoscas || et p[er] somniu[m] loquar. Sed non ita ut famulus || meus mo[y]ses qui in omni domo mea fidelis est. || Ore ad os conloquas ei in specie, et noc p[er] figu || ra[m]. Hic itaq[ue] qui in potiundis presentibus.

16. *Ena-typus* s. VIII in

Образец корбийского письма, представляющего первый вариант курривы и полуунциала нач. VIII в. Рукопись ГПБ lat. Q. v. I № 15 f. 71

con || tra omnia fortuita futura semper || commentare iniquitates
ne aliquid. || aduersu[m] accedat. Semper animo cogita...

17. *Scriptura beneventana*

Образец монтекассинского (бенеventского) письма, „lombard brace“, из рукописи № 364 Мазарин. библиотек. Отрывок из так наз. Ordo, писанный в Монтекассино около 1099 г.

Qui habitat in celis irridebit eos sed d[omi]nus subsannabit
eos. Tunc loquet[ur] ad eos in ira sua || et in furore suo contu-
babit eos. Ego au[tem] con || stitu[tu]s sum rex ab eo super Sion
montem s[an]c[tu]m ei[us] p[re] || dicans preceptum d[omi]ni
D[omi]nus dix[it] ad me filius m[eu]s || es tu ego hodie genui te.
Postula a me et dabo || t[ibi] gen[te]s hereditatem tuam et pos-
sessionem || tuam terminos terre. Reges i[n] virga ferrea...

18. *Scriptura minuscula saec. IX.*

Образец круглого минускула IX—X вв. из корбийского календаря.
ГПБ Q. v. I № 56.

- F. D. VIII. K. Concurrentium locus.
- G. E. VIII K. Conceptio Xp[ist]i et passio d[omi]ni
- A. F. VII K.
- B. G. VI K. Resurrectio d[omi]ni
- C. H. V K.
- D. I. III K.
- G. K. III K.
- F. L. II K. Nox horas XII. dies. XII.

19. *Scriptura curialis saec. XII*

Образец курнала XII в. Из грамоты папы Пасхалия II от 1102 г.
Arch. Nat. L. 223 № 1.

Paschalis ep[iscopu]s servus servo[rum] d[e]i dilecto filio
Anselmo abb[at]i. Pie postulatio voluntatis effectu debet pro-
sequenter compleri... ter assumat. Quia igitur dilectio tua ad
sedis ap[osto]lice portum...

et beati Petri mon[asteriu]m cui per d[e]i gratia abbas impo-
sitione n[ost]ra...

20. Scriptura „gothica“ saec. XV

Образец позднего (XV в.) готич. письма. Отрывок поэмы „De miseria clericorum“ в рукописи ГПБ О. XIV № 11.

...ut in bellis fortius incedunt armati
 coguntur miseriam indistincte pati.
 Iste poscit infulas nudos habens pedes,
 licet pulcher facie sicut Ganimedes.
 Alter fert ad tabula[m] sportas atq[ue] sedes]...

21. Scriptura cursiva saec. XV

Образец небрежного круглого курсива XV в. „Описание города Рима“ Johannis Caballi, в рукописи ГПБ F. v. XIV № 1.

Alias hu[ius]modi porta d[icitu]r exquilina ab equitate q[ui]a
 iux[ta] illam || portam florebat equitas s[er]vii tullii ut in loco
 eodem dig[ni]tas et eq[ui]tas || iustic[ie] in Romano p[ro]p[ri]o s[er]vare-
 varetur rex hui[us]modi habitabat ibidem inter memoriam || cim-
 brorum (?) et macellio liberie u[bi] e[st] hodie ecc[les]ia s[an]c[t]i
 Viti in macello loco || qui dicebat[ur]... militia i[d] est h[abita]tio
 multorum militum hodie demolita || et in solium in eo t[em]p[or]e
 reducta p[ro]pter rep[ar]ac[i]o[n]e[m] || d[i]c[t]e ecc[les]ie q[uae]
 minabatur...

22. Scriptura rotunda («antiqua») saec. XV

Образец письма эпохи возрождения из рукописи Париж. Нац. библ. lat. 10337. Отрывок из писем Цицерона.

In senatu palam sic egit causam tuam. ut neq[ue] eloquentia
 maiore quisque nec gra || uitate nec studio nec contentione
 agere potuerit: cum summa testificatione || tuorum erga se meri-
 torum et amoris in te sui. Marcellinum tibi esse iratum scis || si
 hac regia causa excepta ceteris in rebus se acerrimum defen-
 sorem ostendit. Quod dat accipimus. Quod instituit referre de
 religione: et saepe iam || retulit: ab eo deduci non potest. Res
 ante idus acta sic est. Nam hec idibus mane || scripsi. Hortensii
 et mea et luculli sententia cedit religioni de exercitu: teneri...

23. Scrittura bollatica saec. XVIII

Образец вычурного папского письма, носящего имя littera S. Petri или scrittura bollatica. Заимствован из грамоты Климента XI от 1712 г. Arch. Nat. L. 351, связка II № 3.

...statutis et consuetudinibus con[tra]riis quibuscumq[ue] aut si aliqui

...inhibi[ti]onem reserva[ti]onem et decr[et]um vel al[ia]s q[uo]mo[do]l[ibe]t sit processum

...g[e]n[er]ari seu si ven[erabi]li fr[at]ri n[ost]ro Ep[iscop]o Nivernen[si] ac dilectis étiam filiis

...eadem sit Sede indultum q[uo]d ad receptionem vel proui[sio]nem...

24. Scriptura cursiva s. XVII ex.

Образец канцелярского письма из Архивов Бастилии. Автографы ГПБ И 121 № 5.

A tous ceux qui ces p[rese]ntes lettres verront || charles denis de Boullion ch[eva]ler marquis de gallardon seigneur || de Bouvelles esclimont montlouet et autres lieux con[seiller]du || Roy en son con[seil] prevost de Paris salut scavoir faisons que || pardevant Jacquin Despriez et Nicolas Chibert no[tai]res au || ch[ate]let de paris soub[s]ign[es] fut p[rese]nt charles de solle escuyer sieur de || Hautebout demeurant feaubourg saint Lazarre parroisse || saint Laurent lequel a reconnu et confessé deuoir bien et || legitime-ment a M[ait]re Jean Le Clerc seigneur de || grand maison et des marquisats de banne et Ribaupré || demeurant a paris rue da grand champ tier p[ar]oisse saint || Nicolas des champs a ce p[rese]nt et acceptant. La so[mm]e

25. Idem

(конец:)... fait sceller ces p[rese]ntes qui furent faites et passes || a paris en la maison dudit sieur de grand maison Le || douzieme jour de januiet apres midy Lan XVI c[ent] || quatre vingts neuf et ont signe la minutte des || p[rese]ntes demeuree vers ledit Chibert no[tai]re. || Despriez Chibert.

26. Scriptura cursiva s. XVII

Образец канцелярского письма из Архивов Бастилии. Автографы ГПБ И 123 № 15.

Eclaircissement sur les p[ro]po[siti]ons nouvellement || censurees. Preface. || Il y a plus d'un mois quil paroist icy une cens[ure] || de beau || coup de p[ro]po[siti]ons de morale faite par linquisition de Rome || et ce decret donne bien de locupation

a de certaines gens qui || graces a dieu sont devenus depuis peu fort devots au s[ain]t siege || car après avoir traduit cette censure et luy avoir donné le...

27. Scriptura cursiva s. XVIII in.

Образец курсива из Архивов Бастилии. Автографы ГПБ N 121 № 35.

P[rison] Bastille ordre Du Roy. || La d[am]e Vignieri a joindre aux || autres papiers || et memoires qui concernent ; cette affaire ce || 3-e juin 1711 || M[arc] R[ené de] V[oyer d'Ar]genson || permetté moy monsieur de vous || représenter mes sollicitations || en faveur de m[a]d[emois]elle vignon ie || suis dautant plus touché || de son malheur que des || valets qui minstruit...

28. Scriptura cursiva s. XVIII.

Образец курсива из Архивов Бастилии. Автограф ГПБ.

...ception dicelles lequelles portelt q[ue] on luy || avoit manday beaucoup de choses a diverses || personnes qui estoilt contreres a ce quy luy a || voit promis et que nen avoit rien voullu || croire et cela dans les termes comme les aves || pu voir et comme cy sil avoit cru que cela vint || desesperits broillons quy voudres remettre la.

29. Scriptura cursiva s. XVIII

Образец канцелярского курсива из Архивов Бастилии. Автографы ГПБ N 120 № 12.

De par le Roy || Il est ordonné a || d'arrester et conduire a Charenton || le nommé Estienne de Licourt || aux depens de la d[ame] veuve de Vaulx || sa grandmere. Fait a Versailles || le 11 Juin 1740 || Louis ||

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	Стр. 3
Предисловие к первому изданию	6
Библиография и список сокращений	10
Введение	14
Определение и значение палеографии	

А. Материал письма

I. Вопрос о твердом и полутвердом материале	19
a) Надписи в средние века . .	—
b) Восковые таблички (церы) .	22
II. Мягкий материал письма	28
a) Папирус	—
b) Пергамен . .	32
Складывание его и линование .	37
c) Палимпсесты	38
d) Бумага .	42
III. Чернила	46
a) Цветные чернила в рукописях .	48
b) Золотые и серебряные кодексы	50
IV. Орудья письма	53
Б. Развитие латинского письма в ранний период (вв. I—VIII)	
I. Общие основы	55
a) Элементы латинского алфавита	—
b) Общие законы развития латинского письма, маю- скулы и минускулы	56
II. Книжные типы латинского письма	63
a) Капитальное письмо	—
b) Унциал	67
c) Экскурс: унциалы Гос. Публичной библиотеки	70

III. Античные курсивы	
а) Древний римский курсив	75
Курсив императорской канцелярии	78
б) Новый римский курсив	81
IV. Полуунциалы и полукурсивы	85
Полуунциалы Гос. Публичной библиотеки	87
В. Так называемые национальные типы письма (вв. VI—X)	
I. История науки палеографии	88
а) Система Мабильона	90
б) Значение деятельности Монфокона для науки палеографии	105
с) Система Маффеи	108
II. Областные типы письма	114
а) Вестготское (испанское) письмо	117
б) Лангюбардское (италийское) письмо	120
с) Мерovingское (франко-галльское)	128
Экскурс. Корбийская мастерская письма. Корбийские рукописи в Гос. Публичной библиотеке	131
д) Островное (гиберно-саксонское)	134
Выводы	139
Г. Средневековое письмо в эпоху единства (вв. IX—XIV)	
I. Каролингский минускул	141
а) Книжное письмо	142
б) Дипломатическое письмо	155
с) Распространение минускула	157
II. Фрактура (готическое письмо)	159
а) Характер и происхождение	—
б) Большие буквы во фрактуре	162
Д. Сокращения в рукописях	
I. Общие положения	163
Смысл и типы аббревиатур	—
II. Сокращения через суспензию	171
Суспензии. Сигла	—
III. Тиронская система	173
а) Signa specialia	179
б) Монограммы	181

IV. Сокращения через контракцию	191
a) Контракции в древности	
b) Nomina sacra. Конструкция Траубе	194
c) Разрешение контракций	194
Е. Пунктуация и нумерация	
I. Знака препинания	197
II. Цифры в латинском письме	200
Ж. Латинское письмо в новое время (века XVI—XVII)	
I. Типы нового письма	202
a) Гуманистическое книжное письмо XVI и XVII вв.	—
b) Гуманистический курсив	207
c) Littera bastarda	208
d) Littera sancti Petri (scrittura bollatica)	209
II. Общие замечания о новом письме	210
З. Инкунабулы	
Заключение	215
Объяснение таблиц	218

A.